UNIVERSITY OF TORONTO
3 1761 00306539 8

РОМАНЫ И ПОВѢСТИ
ВАСИЛІЯ НАРѢЖНАГО.

ЧАСТЬ ОСЬМАЯ.

61
I
69
Н-28

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
1835.

РОМАНЫ и ПОВѢСТИ,

СОЧИНЕНІЯ

Василія Нарѣжнаго.

=

ЧАСТЬ ОСЬМАЯ.

Изданіе второе.

БИБЛІОТЕКА

=

САНКТПЕТЕРБУРГЪ,

ВЪ ТИПОГРАФІИ АЛЕКСАНДРА СМИРДИНА.

1836.

LIBRARY
SEP 2 1913

Печатать позволяется,

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи представлены были въ Цензурный Комитетъ три экземпляра. С. Петербургъ, 1 Августа 1834.

Цензоръ П. Гаевскій.

PG
3337
N3
1836
ch. 8

БОГАТЫЙ

БѢДНЯКЪ.

БОГАТЫЙ БѢДНЯКЪ.

Багряное солнце клонилось къ своему закату. Лазоревое небо отражало лучи его на горы, лѣса и долины. Воздушные обитатели, усѣвшись на вѣтьвяхъ зеленыхъ, пѣли вечерніе гимны, въ коихъ—какъ казалось для душъ чувствительныхъ,—приносили благодарность Виновнику ихъ жизни, свободы и счастія. Вдали раздавался ревъ усталыхъ подъ ярмомъ воловъ, и блеяніе овецъ, идущихъ съ паствы. Сло-

вомъ сказать: картина эта происходила лѣтнимъ вечеромъ, въ прелестной долинѣ, верстахъ въ тридцати отъ Полтавы.

У самой этой долины остановился Полтавской полкъ, возвращавшійся изъ пятилѣтняго похода противъ Крымскихъ Татаръ и Турковъ, когда благочестивый Царь Алексѣй Михайловичъ ратовалъ противъ сихъ невѣрныхъ. Полковникъ произнесъ воинамъ приличную рѣчь, и позволилъ каждому брести далѣе, куда хочетъ. Разумѣется, что каждый пошелъ искать покоя и радостей на свою родину; одинъ только молодой Есаулъ, Ипполитъ, по прозванію Голякъ, не зналъ, гдѣ приклонить голову. Конечно, было мѣсто на Земномъ Шарѣ, гдѣ родился и взросъ онъ, но—по всему вѣроятію, мѣсто это запустѣло, и Ипполиту много понадобилось бы иждивенія, чтобъ сдѣлать оное похожимъ на жилище человѣческое: а у него въ карманахъ было пусто!

Ипполитъ родился отъ шляхтича, самаго бѣднаго въ описанной мною округѣ. Отецъ его, панъ Еврогій, проживалъ на

правой сторонѣ долины. Онъ имѣлъ во владѣніи небольшой участокъ земли, и также небольшую хату, въ которой помѣщался съ женою Ѳеклою, сыномъ Ипполитомъ, дочерью Мариною, работникомъ Ѳомой и работницей Вассою. Помѣщикъ не лѣнился самъ ходить за плугомъ, жать и молотить хлѣбъ, и косить сѣно. Отъ этихъ занятій никто изъ домашнихъ уволенъ не былъ. Однако Ипполитъ, съ самаго отрочества, охотнѣе ходилъ въ школу въ ближнее село, къ дьячку Сидору, чѣмъ въ поле или въ лѣсъ, и еще охотнѣе сражался съ товарищами, чѣмъ погонялъ воловъ.—Едва исполнилось ему двадцать лѣтъ, какъ постигли его бѣдствія, ни мало не мечтательныя: въ короткое время лишился онъ отца и матери. Сестра его, Марина, избавившись ига родительскаго, и не могши терпѣть самовластія братнина, склонилась на ласки одного проѣзжаго шинкаря, обвѣнчалась съ нимъ тайно и бѣжала. Работники Ѳома и Васса также слюбились, и его оставили, чтобы жить своимъ домомъ. Иппо-

лишъ остался одинъ во всей природѣ, и вся природа показалась ему безплодною пустыней. Но—къ большому его несчастію, къ пущей скукѣ для его сердца, онъ не могъ противиться прелестямъ юной Богомиліи, единственной дочери богатаго помѣщика Никанора, которому принадлежала большая половина селенія, гдѣ Ипполитъ у дьячка Сидора учился Русской грамотѣ. Онъ, по праву урожденнаго шляхтича, не задолго до кончины родителей, началъ въ праздничные дни посѣщать домъ сказаннаго помѣщика, и былъ принимаемъ, хотя нельзя сказать ласково, однако и не спѣсиво. Вскорѣ пламенные взоры, обращаемые на шестнадцатилѣтнюю красавицу, вразумили ее о состояніи его сердца. Ахъ! какъ и въ эти уже лѣта понятливы бываютъ молодые люди! При всякомъ новомъ появленіи Ипполита, сердце Богомиліи трепетало необычайно, бѣлая грудь вздымалась, глаза—пламенѣя, потуплялись въ землю, и заря румяная алѣла на щечкахъ ея. Они ни слова не говорили другъ другу о своихъ взаимныхъ чувствовані-

яхъ; но любовь, пламенная любовь, день ото-дня въ сердцахъ ихъ усиливалась. Надо отдать справедливость, что Ипполитъ изъ всего околотка былъ прекраснѣйшій молодой человѣкъ, и если бы имѣлъ хотя средственной достатокъ, то едва ли какая нибудь невѣста отказала бъ ему въ рукѣ своей.

Хотя дѣла эти происходили довольно давно, однако и въ то время люди были съ глазами и ушами. Родители Богомиліи скоро замѣтили, что дочь ихъ занята не однимъ шитьемъ и вышиваньемъ. Они приступили къ ней съ лукавыми вопросами, и легковѣрная красотка откровенно призналась, что она любитъ и—взаимно любима.—А почему ты такъ думаешь? спросили родители въ одинъ голосъ. «Ахъ!» отвѣчала дочь со вздохомъ, потупя прелестные глаза въ землю: «могла ли я не замѣтить этого изъ взоровъ Ипполита, изъ его вздоховъ, изъ замѣшательства, какое овладѣваетъ имъ, когда намъ случалось оставаться однимъ, — и наконецъ...» — А что наконецъ? спросили устрашен-

ные отецъ и мать. — «Когда Ипполитъ въ послѣдній разъ уходилъ отсюда,» отвѣчала дочь, «мы были тогда въ саду, — онъ взялъ мою руку, прижалъ къ своей груди, и спросилъ дрожащимъ голосомъ: чувствуешь ли, прелестная, какъ бьется это сердце? Ахъ! оно болѣе не мое; оно принадлежитъ тебѣ, Богомилія! — Я хотѣла что-то отвѣчать ему, но онъ поспѣшно удалился, и вотъ уже цѣлые шесть дней я не видала его подлѣ себя!» — А гдѣ же видѣла? спросилъ отецъ нетерпѣливо.—«Онъ каждый день,» отвѣчала дочь, «болѣе десяти разъ обходитъ вокругъ забора нашего сада, смотритъ сквозь дыры, и хотя я знала, кого онъ высматриваетъ, однако сего-дня только два раза подходила къ забору, и не болѣе сказала ему, какъ только, что и я люблю его отъ всего сердца.» —Порядокъ! сказалъ отецъ, глядя значительно на жену. Я не ожидалъ этого!

Невинная Богомилія умѣла понимать только взоры Ипполитовы, ибо они были для нея новы; прочихъ же всѣхъ казались

ей весьма обыкновенными, и нестоющими догадокъ. Она спокойно смотрѣла на удаленіе родителей, и занялась мыслями о пріятностяхъ слѣдующаго дня, который былъ праздничный, слѣдовательно она можетъ говорить съ Ипполитомъ гораздо удобнѣе, чѣмъ сквозь дыры плетневаго забора.

По окончаніи литургіи, въ назначенный часъ, нашъ витязь не преминулъ явиться въ обширномъ домѣ Никанора. Любовь, какъ говорятъ и пишутъ, слѣпа: а въ добавокъ я скажу, что она очень часто и другихъ считаетъ слѣпыми, хотя они весьма зрячи. Вмѣсто прежнихъ милостивыхъ пріемовъ, хозяева встрѣтили его грозными взорами. Ипполитъ причелъ это какой нибудь домашней непріятности, подошелъ къ нимъ съ улыбкою, и низко поклонясь, спросилъ: а гдѣ же Богомилія? Здорова ли она, весела ли?—Нечестивецъ! сказалъ Никаноръ ужаснымъ полуголосомъ: если ты осмѣлишься впредь хотя подойти близко къ моему дому, то я велю проучить тебя добрымъ порядкомъ. — Какъ

громомъ пораженный Ипполитъ, стремглавъ бросился вонъ, и не прежде опомнился, какъ выбѣжавъ далеко въ поле.— Куда обратиться сиротѣ безпомощному? Теперь въ первой разъ почувствовалъ онъ, сколько былъ безразсуденъ, что осмѣлился взоры любви остановить на прелестной Богомилѣи, и что соотвѣтствіе ея одной почиталъ достаточнымъ къ составленію его счастія. Бродя по долинѣ, не зная самъ куда, онъ увидѣлъ не вдалекѣ скромную хату Виридада, также бѣднаго дворянина, и бывшаго друга покойному отцу его. Онъ направилъ туда путь свой, рѣшась ввѣрить ему тайну сердечную и просить совѣта.—Виридадъ выслушалъ его терпѣливо, улыбнулся, и сказалъ: когда въ богатомъ домѣ отказали тебѣ въ обѣдѣ, то садись за мой убогой столъ; сытъ будешь, а послѣ потолкуемъ и о твоемъ горѣ. Что нибудь да придумаемъ.

Когда сельская трапеза кончилась, то Виридадъ сказалъ: признаюсь, я считалъ тебя гораздо разумнѣе, нежели каковъ ты

оказался. Возможно ли только человѣку нашего состоянія полюбить дочь богача, единственную его наслѣдницу? Каково было тебѣ, бѣдному шляхтичу, когда свѣдалъ, что шинкарь увезъ сестру твою, Марину? По себѣ суди и о другихъ. Безспорно, ты молодецъ изрядный: первый на пляскахъ и на праздникахъ, но этого мало для заносчиваго Никанора. Кинь, другъ мой, пустыя затѣи, и Богъ тебя не оставитъ. Если ты, одуманенный глупою любовью, не знаешь, какъ я сказываю, что у православнаго Царя начинается война съ безбожными Агарянами. Явись къ Полковнику Полтавскаго полка, запишись охотникомъ, и ступай въ походъ. Увѣряю тебя по собственному опыту, что военные труды и безпокойства вылечиваютъ и не отъ такихъ дурачествъ, каково — напримѣръ — любовь бѣднаго парня къ богатой дѣвицѣ. Сверхъ того и поживиться кое-чѣмъ отъ невѣрныхъ я грѣхомъ не считаю. Почему знать намъ долю свою? Можетъ быть по окончаніи войны возвратишься ты не съ пу-

стыми руками. Я даю честное слово высватать за тебя, хотя не очень богатую, но добрую, честную невѣсту, и ты въ помѣстьѣ своемъ заживешь, какъ Богъ поможетъ. Не противорѣчь мнѣ! Давай руку въ знакъ согласія, и мы обмѣняемся крестами.

Ипполиту ничего не оставалось, какъ повиноваться благому совѣту опытнаго своего друга. Онъ сознавался самому себѣ, что не утерпитъ, хотя изрѣдка, видѣться съ Богомиліей, а также зналъ, что и Никаноръ шутить не охотникъ. И такъ, подумавъ, погадавъ, онъ рѣшился преодолѣть пагубную страсть, и пуститься на одолѣніе невѣрныхъ. Сборы его были не велики. На другой же день онъ предсталъ предъ воротами хаты Виридадовой, сидя на тощемъ конѣ, опоясанный прародительскою саблею, съ парою пистолетовъ за кожанымъ поясомъ. Виридадъ благословилъ его, и витязь нашъ пустился въ путь. Цѣлыя пять лѣтъ о немъ не было никакого слуха, и всѣ, знавшіе его, сочли, что онъ палъ подъ ударами Агарянъ. Од-

нако жъ, мы въ началѣ этой повѣсти видѣли, что Ипполитъ Голякъ здравствуетъ и возвращается на свою родину, но—увы! едва ли не бѣднѣе прежняго, когда оставлялъ ее. Онъ въѣхалъ на упоминаемую мною долину передъ закатомъ солнечнымъ, остановилъ коня, осмотрѣлся кругомъ, и — вздохнулъ. Ахъ! сказалъ онъ довольно громко: вотъ впереди меня село, въ коемъ господствуетъ надмѣнный Никаноръ, и гдѣ, можетъ быть, имѣетъ уже внуковъ. Въ томъ же селѣ безчинствуетъ преступный панъ Аврамій съ безпутнымъ сыномъ своимъ, Иваномъ. Вотъ—въ правой сторонѣ — моя родовая хата; но она заросла высокимъ бурьяномъ, окна выбиты градомъ, и соломенная крыша снесена вѣтрами. Тамъ—не вдалекѣ—убогая хата друга моего, Вирплада; но что я вижу? На мѣстѣ томъ возвышается пространный домъ съ обширнымъ садомъ! Конечно кто нибудь другой завладѣлъ тѣмъ мѣстомъ; гдѣ мнѣ отдохнуть отъ дороги?

Въ такомъ недоумѣніи Ипполитъ слѣзъ съ своего иноходца и пустилъ его на траву,

а самъ рѣшился провести ночь подъ открытымъ небомъ, и поутру отъ проходящихъ увѣдомиться, кто поселился на землѣ Вириладовой, и можетъ ли онъ хотя на короткое время ожидать тамъ гостепріимства? Въ слѣдствіе сего вынулъ онъ изъ походной сумы край засохшаго хлѣба и опустилъ въ копанку, а самъ сѣвши подлѣ, продолжалъ вздыхать и мечтать, смотря попеременно на свою хапу, изъ коей — пользуясь наступающею темнотой — начали показываться кучи непопырей, на мѣсто бывшаго жилища Вириладова, и на отдаленное село, гдѣ жила прелестная, нѣжная Богомилія.

Вскорѣ, не вдалекѣ отъ себя, въ чащѣ мелкихъ кустарниковъ, услышалъ онъ говоръ людской, и предъ нимъ показалось нѣсколько человѣкъ въ Польской одеждѣ. Шедшій впереди велъ за узду лошадь о трехъ ногахъ, ибо четвертую держала она на воздухѣ. За этимъ двое здоровыхъ высокихъ мужчинъ вели подъ руки третьяго, которой казался ихъ господиномъ. Онъ имѣлъ багряныя щеки, каждую величиною

съ добрую дыню, а чрево, опустившееся до колѣнъ. Они всѣ не очень тверды были на ногахъ.

Нѣтъ, добрые люди, говорилъ пузанъ, я далѣе идти не въ силахъ. Этакая напасть! Ступайте вы домой и пришлите сюда мою колымагу, да не забудьте уложить въ нее что нибудь съѣстное, а особливо корзину съ напитками. Я покуда пробуду съ этимъ богатыремъ, который, въ случаѣ нужды, защититъ меня отъ всякихъ нападковъ. Подведите меня къ его чести.

Когда незнакомца усадили подлѣ изумленнаго Ипполита, то одинъ изъ ведшихъ его подъ руки сказалъ: не льзя ли перемѣнить тебѣ свое приказаніе? Панкратъ всѣхъ насъ тверже на ногахъ, такъ пусть бредетъ домой съ конемъ своимъ, а мы при тебѣ останемся въ ожиданіи колымаги. Долго ли проломить голову, стукнувшись лбомъ объ дерево, или ввалиться въ ручей? — Упаси Боже отъ напасти, прошипѣлъ толстякъ, и далъ приказаніе; Панкратъ съ конемъ побрелъ далѣе, а про-

чіе полегли по сторонамъ господина. Тогда этотъ, обратясь къ Ипполиту съ веселою улыбкой, сказалъ: я вижу въ этой кристалловидной копанкѣ нѣчто съѣстное. Вотъ подлинно самой рыцарской ужинъ! Какой же доброй конь погуливаетъ! Кстати! Я сего-дня обѣдалъ въ ближнемъ селѣ у богатаго и гостепріимнаго пана Ивана, который праздновалъ всерадостный день кончины его родителя, за годъ предъ симъ послѣдовавшей. Имѣя изрядной достатокъ, и управляя всѣмъ по своей волѣ, онъ накупилъ довольное число кобылъ изъ Гетманскаго завода, и теперь нуждается въ добромъ жеребцѣ. Не уступишь ли ему, рыцарь, своего иноходца, а панъ Иванъ не поскупится дать плату хорошую?

Ипполитъ не могъ не оскорбиться такою явною насмѣшкою. Если твой панъ Иванъ, отвѣчалъ онъ отрывисто, гостепріименъ и щедръ, чему я охотно вѣрю, смотря на тебя и твоихъ провожатыхъ, то для чего не предложишь для кобылъ его—своего коня?—Ахъ! отвѣчалъ незна-

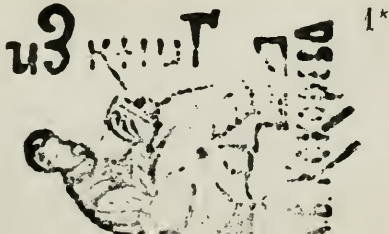
комецъ съ тяжкимъ вздохомъ; и подлинно мой конь лошадь добрая, но насъ обоихъ постигло сего-дня несчастіе. Когда я возвращался изъ гостей домой, и поддерживаемый двумя служителями не предвидѣлъ никакого несчастія, саженяхъ во стѣ отсюда вдругъ почувствовалъ въ носу сильный зудъ. Сколько я ни крѣпился, но не могъ удержаться, чихнулъ, конь мой подломился, и я — повергся лицемъ къ землѣ. Бѣдная животина повредила одну ногу, а я благороднѣйшую часть въ тѣлѣ человѣческомъ — чрево, и — какъ видишь — осужденъ сидѣть здѣсь на сыромъ воздухѣ, и терпѣть голодъ и жажду. Конечно за грѣхи предковъ я наказываюся, ибо истинно за собою никакой вины не знаю! —Великолѣпный рыцарь! я человѣкъ веселый, хотя уже и весьма не молодъ. Если ты въ этихъ мѣстахъ погостить намѣренъ, то не худо сдѣлаешь, когда навѣстишь меня. Стоитъ тебѣ у перваго прохожаго спросить о жилищѣ пана Вирилада: то всякой укажетъ. Вотъ оно!

Какъ? вскричалъ Ипполитъ, вскочилъ на

ноги, и трижды перекрестясь, сказалъ въ полголоса: съ нами Богъ! это небывальщина. Я весьма коротко зналъ почтеннаго Вирилада, и онъ столько жъ на тебя походилъ, какъ ловкій соколъ походитъ на неуклюжаго филина. Выходи, продолжалъ онъ, отступивъ на нѣсколько шаговъ, и схватя за рукоять сабли, — выходи! Ипполитъ Голякъ тебя не боится.

Тутъ упитанный незнакомецъ въ свою очередь изумился, и началъ протирать глаза. Нѣтъ, дружокъ, сказалъ онъ наконецъ, меня не обманешь! Я также коротко зналъ Ипполита Голяка, и какъ теперь на него гляжу. За пять лѣтъ предъ этимъ онъ отправился въ Туречину, и вся здѣшняя округа знаетъ, что онъ давно положилъ тамъ свою голову. Если ты служилъ съ нимъ вмѣстѣ, и зная все его житье-бытье, затѣялъ воспользоваться обширными его помѣстьями, то съ Богомъ! спорить никто не будетъ, кромѣ безчисленнаго множества летучихъ мышей и филиновъ. Но зачѣмъ грѣшить и употреблять вмѣсто своего чужое имя?

Часъ-отъ-часу лучше, говорилъ Ипполитъ. Если ты и въ самомъ дѣлѣ Вириладъ, то скажи, что принудило бѣднаго Ипполита оставить свою родину? — Это не тайна, отвѣчалъ старикъ; несчастная любовь къ прекрасной Богомиліи выгнала его отсюда. Ахъ! сколько нѣжная любовница потратила слезъ горячихъ! Однако жъ, она надѣется скоро получить утѣшеніе. Чрезъ двѣ недѣли назначенъ бракъ ея съ Иваномъ, сыномъ покойнаго пана Аврамія. Вѣдь когда жъ нибудь надобно забыть погибшаго Ипполита. Какой нибудь мужъ, только живой, все лучше самаго хорошаго покойника! Если бъ жива была мать Богомиліи, то можетъ быть сжалилась бы на стоны страдающей дочери; но по смерти ея, за два года передъ этимъ послѣдовавшей, отецъ хочетъ, чтобъ воля его была закономъ для всѣхъ, подпавшихъ его власти. — Праведное Небо! сказалъ Ипполитъ съ тяжелымъ вздохомъ: такую ли вѣсть долженъ я слышать въ часъ прибытія на родину? О Богомилія! ты меня забыла и думаешь о



другомъ! Для чего я въ этомъ не могу подражать тебѣ? Если ты — продолжалъ онъ,—по непонятному чуду, изъ бѣднаго, тощаго Виридада и впрямъ превращенъ въ богатаго Виридада, то покажи свой крестъ; а я покажу тебѣ свой. — Изволь, отвѣчалъ старикъ, и оба начали распахиваться. — Вдругъ показалась богатая колымага въ три лошади, окруженная многими людьми съ фонарями. При свѣтѣ ихъ кресты прилѣжно разсмотрѣны, и Виридадъ, со слезами на глазахъ, заключилъ Ипполита въ свои объятія. Слава Богу, сказалъ онъ, что сынъ моего друга уцѣлѣлъ въ землѣ невѣрныхъ. Хотя я не могу назваться богачемъ, однако жъ и не бѣденъ, какъ былъ прежде. Ты покуда — до перемѣны обстоятельствъ — можешь проживать у меня во всякомъ довольствѣ, ибо, правду сказать, твое жилище, простоявъ пять лѣтъ безъ всякой поправки, теперь походитъ на дырявую бочку, которая не можетъ жильца своего защитить ни отъ дождя, ни отъ вѣтра. Завтра ты услышишь о чудѣ, посредствомъ

коего сдѣлался я достаточнѣе, а теперь на чистомъ воздухѣ насладимся дарами Божіими, ни мало нами незаслуженными.

Бѣлая скатерть разостлана на травѣ, и предъ Виріладомъ и Ипполитомъ поставлены двѣ корзины: одна съ холодными мясами, а другая съ напитками. Нашъ витязь охотно оставилъ свою краюху хлѣба въ копанкѣ на прокормленіе воронъ и галокъ, и принялся за Виріладовъ ужинъ, по окончаніи коего хозяинъ съ гостемъ помѣстились въ колымагѣ и отправились домой. Тамъ Ипполиту отведена особая комната, и въ ней постель, на какой онъ отъ роду не покоился. Утомленный воинъ разлегся на мягкомъ пухѣ, и безъ сомнѣнія скоро бы заснулъ сномъ безмятежнымъ, если бы долго не мучили его мысли о прелестной Богомиліи и ненавистномъ панѣ Иванѣ.

Ипполитъ съ младенчества привыкъ оставлять постель до восхода солнечнаго. Время, проведенное на войнѣ, не могло уменьшить этой привычки. А посему онъ и теперь всталъ съ появленіемъ зари уп-

репней, и видя, что въ роскошномъ домѣ все еще спитъ, онъ одѣлся и пробрался въ садъ, которой былъ обширенъ и преисполненъ всякими плодовыми деревьями, прекрасными цвѣтами и рѣдкими растеніями. Ипполитъ, бродя по тропинкамъ, вздыхалъ и говорилъ: праведный Боже! Я цѣлыя пять лѣтъ лучшей части жизни моей шатался по Крыму и Турціи, терпѣлъ усталость, голодъ, жажду, получилъ раны—и возвращаюсь на родину почти нищимъ; между тѣмъ, какъ старикъ Виргиладъ, не выходя, такъ сказать, изъ хаты, разбогатѣлъ непомѣрно и живетъ настоящимъ паномъ! О счастіе! не даромъ пишутъ тебя слѣпою женщиною, какъ видѣлъ я въ домѣ своего Полковника въ Полтавѣ. Ты столь же слѣпо и безразсудно, какъ большая часть людей твоего пола.

Солнце было уже довольно высоко, какъ нашего богатыря настигъ хозяинъ, сопровождаемый двумя служителями. — Любезный гость, сказалъ онъ, я слѣдую совѣтамъ медика, славнаго Полтавскаго Жи-

да Измаила, и каждое утро передъ завтракомъ въ хорошую лѣтнюю погоду прохаживаюсь по саду и бываю въ купальнѣ. Не хочешь ли сдѣлать мнѣ товарищество? Отъ этого поѣдимъ охотнѣе; къ тому жъ я примѣчаю, что на тебѣ присохла пыль Крымская и Татарская. Охримъ! Харько!»— Тутъ пошепталъ онъ слугамъ нѣчто на ухо; они ввели ихъ въ купальню, раздѣли, опустили Виприлада въ воду, и удалились.

Когда паны выкупались, то Охримъ и Харько пришли, одинъ съ ножницами и бритвеннымъ приборомъ, а другой со связкой платья.— Согласись, Ипполитъ, сказалъ Виприладъ, что ты въ дорожномъ своемъ облаченіи болѣе походишь на Запорожскаго сѣромаху *, чѣмъ на Малороссійскаго Есаула. Чтобъ не перепугать моихъ племянницъ и не разсмѣшить сестры и зятя, что конечно было бы и для тебя и для меня весьма непріятно, надо пе-

* Сѣромахами въ Запорожьѣ назывались казаки, неимѣющіе у себя ничего, кромѣ лохмотьевъ. Они провождали жизнь въ праздности, буйствѣ и безчинствахъ разнаго рода.

реодѣнься въ одно изъ моихъ платьевъ, коихъ множество надѣлалъ я, какъ скоро разжился, и когда отнюдь не предвидѣлъ, что онѣ скоро будутъ мнѣ не въ пору. Охримъ! подбрей чубъ и завей усы пану Есаулу, а послѣ ты, Харько, одѣнешь его.

Когда все было готово, то паны введены въ особенную комнату въ домѣ, нарядно убранную, въ которой Вириладъ читалъ молитвы, завтракалъ, иногда — во время недуговъ — обѣдалъ и ужиналъ, и куда никому изъ домашнихъ не дозволялось входить безъ особеннаго призыва. Здѣсь-то ожидалъ ихъ сытной завтракъ, по окончаніи коего и по высылкѣ слугъ, Вириладъ сказалъ:

«Я объявлю тебѣ главнѣйшія обстоятельства, случившіяся со мною во время нашей разлуки. Первая зима послѣ твоего выѣзда была весьма сурова. При наступленіи весны я увидѣлъ, что цѣлая половина деревъ въ моемъ садикѣ вымерзла; а тебѣ извѣстно, что главное содержаніе получалъ я отъ плодовъ и овощей, продаваемыхъ въ ближнемъ селѣ, гдѣ денегъ и

нуждъ больше, чѣмъ у насъ на хуторахъ. Я ахалъ, стоналъ, и не зналъ, чѣмъ пособить горю. Въ этой крайности обратился я къ сельскому Священнику съ просьбой, подать мнѣ совѣтъ, какъ спастись отъ бѣдности. Другъ мой, сказалъ добрый пастырь: я дамъ тебѣ совѣтъ, и совѣтъ весьма хорошій, но и ты дай слово, что будешь ему слѣдовать.—Я охотно обѣщался, и онъ продолжалъ: согласись, панъ Виридадъ, что ты доселѣ жилъ подобясь болѣе дикарю, нежели Малороссійскому шляхтичу. Ты въ самые торжественные дни не поздравилъ ни однажды съ праздникомъ именитѣйшихъ нашихъ пановъ Аврамія и Никанора, а они во всякое время тебѣ бы пригодились. Попытайся теперь попасть на разумъ. Старайся быть у нихъ какъ можно чаще, и смѣшить ихъ, какъ можно больше. Я пособлю тебѣ, сколько буду въ силахъ, и ты увидишь, что безъ помощи не останешься. — И въ самомъ дѣлѣ! едва началъ являться къ панамъ Аврамію и Никанору съ поклонами, какъ примѣтилъ въ нихъ

доброхотство. Я изрядно представлялъ шута, дозволялъ пускать себѣ въ глаза табачный дымъ, мять чупъ и ерошить усы; но, за то, по прошествіи съ небольшимъ недѣли, получилъ отъ одного въ подарокъ полную пару нарядпаго платья, а отъ другаго пару воловъ. Это мнѣ крайне полюбилось, я продолжалъ юродствовать, день-ото-дня становился для нихъ милѣе. Когда жъ увидѣлъ, что отрава лести, угожденія и униженія сильно подѣйствовали на сердца и души моихъ милостивцевъ, то, при удобномъ случаѣ, открылъ Никанору, въ присутствіи Аврамія, о несчастіи, постигшемъ садъ мой. — Куда какъ ты глупъ, панъ Вирладъ, вскричалъ Аврамій, давъ мнѣ добраго пинка, что давно не сказалъ намъ объ этомъ. Займись-ка съ своимъ работникомъ вырытіемъ замерзлыхъ деревъ съ корнями, и сколько окажется пустыхъ ямъ, скажи намъ. Съ паномъ Никаноромъ мы снабдимъ тебя такимъ же количествомъ здоровыхъ деревъ, приносившихъ уже плоды года за два и за три.

Условясь такимъ образомъ, не мѣшкая принялся я за дѣло. Въ одномъ углу сада трудился работникъ мой, Власъ, а въ другомъ я. На третій день этой Египетской работы, когда я откапывалъ самые глубокіе корни усохшей груши, вдругъ подъ заступомъ что-то зазвучало, и онъ остановился. Со всевозможнымъ тщаніемъ началъ я огребать землю, сердце билось непомѣрно, руки дрожали, колѣна подгибались. Вскорѣ откапываю два довольно большихъ желѣзныхъ котла, сильными ударами топора сбиваю съ нихъ крышки, и—цѣпенѣю отъ восторга, видя, что они полны золотыхъ монетъ Польскихъ, Турецкихъ и какихъ-то другихъ мнѣ незнакомыхъ. Первая мысль моя была—возблагодарить Бога, даровавшаго намъ столь жестокую зиму, что она заморозила садъ мой, а вторая — прибрать сокровище къ рукамъ, и перенесть въ свою хату. Это сдѣлать было весьма не трудно. Половину моей казны, посредствомъ знакомаго Еврея, обратилъ я въ злоты, и — не переставая усердно услуживать панамъ Ни-

капору и Аврамію и другимъ сосѣднимъ помѣщикамъ — купилъ богатой хуторъ, переселился въ него на время, и началъ, вмѣсто бывшей у меня хаты, строить настоящій панскій домъ со службами, и разводить обширный садъ. По окончаніи всего и по снабженіи всѣмъ нужнымъ, я помѣстился въ семъ домѣ навсегда, ибо, признаюсь, что сверхъ привычки къ родинѣ, меня долго не оставляла мысль, что можетъ быть не сбыщу ли подъ какою нибудь яблонью того же, что нашелъ подъ грушею. Вся окружная сторона удивлялась, откуда я мгновенно такъ разбогатѣлъ; а я довольствовался отвѣтомъ, что сверхъ чаянія получилъ достаточное наслѣдство послѣ дѣда, бывшаго въ Камчаткѣ Воеводою.

Съ сего достопамятнаго времени я началъ жить нарядно, остерегаясь, впрочемъ, чтобы ни одинъ убогій Лазарь не былъ прогнанъ отъ воротъ моего дома. Я строго приказалъ служителямъ, чтобы тотчасъ былъ накормленъ алчущій, напоенъ жаждущій, одѣтъ наготѣющій. Я посѣ-

щалъ сосѣдей, привозилъ съ собою вездѣ непритворное удовольствіе, и вскорѣ сдѣлался другомъ дворянъ, духовныхъ и крестьянъ. Но какъ безпрестанно быть въ гостяхъ столько жъ надоѣстъ, какъ безвыходно сидѣть одному дома; имѣя же за спиной болѣе пятидесяти лѣтъ—искать жены считалъ за дурачество: то я принялъ къ себѣ въ домъ меньшую сестру съ ея мужемъ и двумя дочерьми, а двухъ сыновей ихъ отправилъ въ Полтаву, чтобы они воспитывались въ тамошней Семинаріи на моемъ иждивеніи.

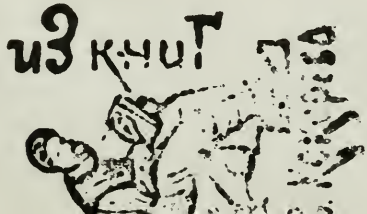
Имѣя всегда спокойную совѣсть, вкусную и здоровую пищу, превосходныя вина и наливки, я хорошо спалъ, вставалъ здоровъ и веселъ; видѣлъ, что всѣ, меня окружающіе, такъ же здоровы и веселы,— не мудрено, что въ четыре счастливые года не примѣтно изъ тощаго Вирилада вышелъ такимъ, какимъ ты меня видишь.— За мною нѣтъ другаго дѣла, какъ только каждое утро и каждой вечеръ прочесть обычныя молитвы, прогуляться по саду, позавтракать, и опять прогуляться, или

поѣхать, куда вздумается. Всѣмъ наружнымъ хозяйствомъ управляетъ зять, а внутреннимъ сестра съ дочерьми своими.— Вотъ тебѣ, любезный другъ, отповѣдь о житьѣ бытьѣ моемъ. Скажи жъ теперь, въ какомъ состояніи возвратился ты изъ бусурманщины? Хотя наружность твоя и не показываетъ ничего добраго, но наружность часто обманываетъ. Легко станется, что въ твоихъ лохмотьяхъ зашиты перлы и дорогіе каменья. Объяви всю правду. Можетъ быть, я и дерзну еще въ твою пользу поговорить съ Никаноромъ. Между нами сказано: Богомилія терпѣть не можетъ жениха своего за грубость, наглость и безчинства разнаго рода; и это не бездѣлица. Говори же!

Ипполитъ закраснѣлся. Увы! сказалъ онъ: не всякому удается находить клады. Будучи на одномъ сраженіи тяжело раненъ, я сдѣлалъ обѣтъ, въ случаѣ выздоровленія, посѣтить Аѳонскую гору, и въ одномъ изъ тамошнихъ монастырей провесть цѣлую седмицу въ постѣ и молитвахъ. Я выздоровѣлъ и исполнилъ въ

точности свое обѣщаніе. При выходѣ изъ монастыря, я подарилъ иноку, въ кельѣ коего обиталъ цѣлую недѣлю, мѣшокъ кофею, отбитый мною у непріятеля; а онъ отдарилъ меня двумя крестиками, и разными рѣдкостями, кои тщательно уложены были въ моей дорожной сумкѣ, и въ сохранности довезены сюда.

Вириладъ нѣсколько минутъ хранилъ молчаніе, съ важностью глядя на своего гостя; потомъ такъ захохоталъ, что задрожали окна и зазвенѣли стекла. Онъ охватилъ чрево обѣими руками, и продолжалъ смѣяться; слезы текли градомъ по румянымъ щекамъ его. Ипполитъ сидѣлъ застыдясь и потупя глаза въ землю. — Когда Вириладъ наконецъ удержался отъ смѣха, то, тяжко вздохнувъ, сказалъ: подлинно ты вывезъ диковинныя вещи; но, другъ мой, нынѣ и въ нашей Малороссіи народъ началъ развращаться, такъ, что и самой страстной охотникъ до рѣдкостей, а притомъ самой богатой и щедрой, за всѣ твои и съ сумкою едва ли дастъ болѣе одного злотаго. Этакое го-



ре! Однако жъ унывать не надобно; уныніе тяжкій грѣхъ. Я испытаю все, что могу сдѣлать для тебя добраго. Хотя правда я и самъ ничего путнаго не предвижу: однако жъ попробуемъ. Послѣ вчерашняго несчастнаго случая, я сегодня цѣлой день проспжу дома, а завтра буду обѣдать у Никанора, и посмотримъ: что будетъ, то и будетъ. Пойти-было провѣдать: что сестра готовитъ къ обѣду.

По выходѣ Виргилада, Ипполиту нѣчего было дѣлать, какъ разгуливать по комнатѣ и любоваться своимъ нарядомъ. Въ полдень вошедшій слуга объявилъ, что хозяинъ со всемъ семействомъ ожидаетъ его въ столовой. Ипполитъ пошелъ за путеводителемъ, и скоро нашелъ Виргилада, окруженнаго ближними. Зять! сестра! сказалъ онъ, прошу жаловать любезнаго гостя и сосѣда, Ипполита Голяка, которой по моему совѣту ратовалъ съ Турками и Татарами, и вчера только возвратился изъ похода. Я не одинъ разъ тужилъ при васъ о потерѣ этого рыцаря. Онъ вывезъ изъ Турціи довольное число

рѣдкихъ вещей, которыя мы когда нибудь увидимъ и полюбуемся.

Ипполитъ приготовился-было сдѣлать красивое привѣтствіе; но послѣднія слова Виридада о рѣдкихъ вещахъ смѣшали его такъ, что онъ не проговорилъ ни слова, а довольствовался поклонившись каждому особо. Всѣ сѣли за столъ, развеселились, и какъ обѣдъ, такъ весь день, вечеръ и ужинъ прошли весьма пріятно; и Ипполитъ заснулъ покойнѣе, чѣмъ въ прежнюю ночь.

Поутру нашъ витязь поступилъ по вчерашнему, т. е. пошелъ въ садъ, тамъ въ купальню, наконецъ въ комнату хозяина, думая найти его за завтракомъ. Однако жъ, къ удивленію, ничего такого не видѣлъ. Вошедшій слуга сказалъ, что завтракъ будетъ общій въ столовой, но что Виридадъ вѣроятно завтракать будетъ у Никанора, куда часа за два отправился въ колымагѣ.

Какъ сей день, такъ и пять слѣдующихъ прошли въ тишинѣ и довольствѣ. Ипполитъ ѣлъ, пилъ, прогуливался, спалъ,

и началъ примѣчать, что между костями и кожею начинаетъ показываться тѣло, ибо изъ похода вступилъ онъ въ предѣлы отчизны совершенно безтѣлесенъ. Онъ былъ бы даже веселъ, если бъ продолжительное отсутствіе Вирилада и совершенная неизвѣстность, что онъ дѣлаетъ, или что съ нимъ сдѣлалось, его не тревожила.

Подъ вечеръ шестаго дня по отсутствіи хозяина, когда Ипполитъ послѣ продолжительной прогулки, отдыхалъ въ бесѣдкѣ сада, вдругъ предсталъ передъ него Охримъ, неся въ одной рукѣ бутылку и чарку, а въ другой блюдо съ сладкимъ пирожнымъ.

Поставя то и другое на столѣ, онъ сказалъ: панъ Вириладъ приказалъ пожелать тебѣ здравія. Это вино, по словамъ его, самое лучшее Волошское изъ погреба Никанорова, а этотъ пирогъ собственно для тебя стряпала Богомилія. Пополдничай и послушай, что мой панъ для тебя сдѣлалъ, а потомъ прочтешь письмо, изъ коего узнаешь, чего и онъ отъ тебя ожи-

даетъ. Къ утру приготовь отвѣтъ, который я отнесу къ нему.

Съ великою охотой принялся Ипполитъ за полдникъ, а Охримъ началъ повѣствовать слѣдующее: какъ скоро панъ Вириладъ высаженъ былъ мною и Харькомъ изъ колымаги у крыльца дома Никанорова, то первая встрѣтила насъ Богомилія. Панъ Вириладъ, поздоровавшись съ нею, сказалъ въ полголоса: прелестная дѣвица! отгадай, кто теперь гоститъ у меня?—Какой нибудь твой пріятель!—Въ половину отгадала! именно пріятель, — а зовутъ его Ипполитъ Голякъ! — Богомилія зардѣлась какъ роза, и руки ея опустились. — Такъ, продолжалъ панъ: онъ воротился на родину здоровъ, и болѣе влюбленъ въ тебя, чѣмъ прежде. — Богомилія ничего не отвѣчала, и шла впередъ, а за нею панъ Вириладъ. Въ гостиной встрѣтилъ насъ панъ Никаноръ, принялъ посѣтителя очень ласково и начались разговоры; но до обѣда и за обѣдомъ ничего до тебя касающагося говорено не было. По окончаніи обѣда, Богомилія и всѣ

служители вышли; одни паны остались за бутылками. Я и Харько, вышедъ въ другую комнату, стали у дверей подъ предлогомъ, что нашъ панъ не очень здоровъ, и каждую минуту можешъ насъ потребовать. Не понимаю, сказалъ Вириладъ, какъ такой разумной человѣкъ, какъ ты, рѣшился единственную дочь свою, милую, прекрасную, первую невѣсту во всей округѣ, выдать за пана Ивана, перваго негодяя, нечестивца! — Панъ Вириладъ, отвѣчалъ Никаноръ строгимъ голосомъ: я люблю слушать твои шутки, но надобно, чтобъ онѣ не выходили изъ предѣловъ благопристойности. Какъ рѣшился ты про моего будущаго зятя и въ моемъ присутствіи — говорить такую обидную нелѣпицу? — Нѣтъ, панъ Никаноръ, отвѣчалъ Вириладъ, то не есть нелѣпица, что можно доказать передъ цѣлымъ свѣтомъ. — Право? Докажи по крайней мѣрѣ передо мной, ибо мнѣ это знать нужнѣе, чѣмъ всей Малороссіи. — Изволь, слушай и отвѣчай, когда буду спрашивать: кто былъ панъ Аврамій до того времени, пока не

сдѣлался Сотникомъ? Не совершенной ли бѣднякъ, пройдоха? Получивъ возможность наживаться, не онъ ли употреблялъ къ тому притѣсненія, насилія, хищничества, разбои? При всемъ томъ, онъ достигъ своей цѣли, т. е. оставилъ сыну значительное имѣніе. Не долженъ ли былъ онъ ожидать, что по крайней мѣрѣ этотъ самой сынъ пощадитъ память его? Ничего не бывало! Панъ Иванъ первый поноситъ отца своего, разсказываетъ каждому о его преступленіяхъ, издѣвается надъ его раскаяніемъ при смерти, и покупаетъ лошадей и собакъ на ту сумму, которую отецъ завѣщалъ раздать нищимъ, коихъ онъ такими сдѣлалъ. Не должно ли человѣка этого назвать нечестивцомъ? — Никаноръ не отвѣчалъ ни слова; но слышны были его вздохи. Вириладъ продолжалъ: въ пяти верстахъ отсюда, на уединенномъ хуторѣ, еще при жизни отца завелъ онъ сераль изъ обольщенныхъ имъ несчастливицъ, и онъ постоянно всякую недѣлю два раза посѣщаетъ это жилище безстыдства. Если такой человѣкъ предлагаетъ руку

свою кроткой, невинной, нѣжной дѣвицѣ, не есть ли онъ — не только негодяй, но извергъ, чудовище?

Праведный Боже! Неужели это все справедливо? раздался голосъ Никанора, и въ ту жъ минуту нѣчто тяжелое обрушилось на полъ. Я и Харько вбѣгаемъ въ столовую, и видимъ нашего пана, растянувшагося на полу, и Никанора, старающагося поднять его, — по тщетно! Мы подбѣжали, подняли обрушившагося и посадили на кресло, а обломки прежняго, на коемъ сидѣлъ онъ, подобрали. — Что это значитъ, любезный другъ, спросилъ Никаноръ съ видимымъ участіемъ. — Съ нами Богъ! говорилъ Вириладъ, крестясь правою рукой, а лѣвою ощупывая затылокъ: бѣда за бѣдой! третьяго-дня подломился подо мною конь, а сего-дня кресла. —Неужели тебѣ поставлено было вешхое? спросилъ опять Никаноръ съ краскою гнѣва.—Грѣхъ это сказать, отвѣчалъ Вириладъ: я думаю, что тоже бы случилось, если бъ оно было и желѣзное. Когда я увидѣлъ, что ты выслушавъ про безпуш-

ство нареченнаго зятя, зашатался, я быстро вскочилъ на ноги, но какъ-то потерявъ равновѣсіе, со всего размаху стукнулся на кресло, оно разсыпалось, и я полетѣлъ на полъ вверхъ ногами. Ахъ! что то со мною бѣднымъ будетъ!

По приказанію Никанора, мы увели своего пана въ особую комнату, раздѣли, уложили на постель, и — по его желанію — я одинъ при немъ остался. — Тутъ началъ онъ дѣлать мнѣ наставленіе, какой подвигъ долженъ произвесть я на другой день, что и продолжалось до поздняго вечера. Ужинъ принесли къ постелѣ больнаго; но онъ, къ великому удивленію Никанора, которой тутъ же находился, объявилъ, что почти не чувствуетъ аппетита; и дѣйствительно, онъ съѣлъ только молодую жареную индѣйку и съ полсотни раковъ, да выпилъ по одной небольшой сулейкѣ вишневки и рябиновки.

На другой день, вскорѣ по восходѣ солнечномъ, въ слѣдствіе даннаго мнѣ на канунѣ наставленія, пустился я домой, и взявъ три нарядныя платья и нужные къ

нимъ приборы у племянницъ Вириладовыхъ, отправился въ свой хуторъ. Тамъ, въ небольшомъ господскомъ домѣ, проживаетъ Лариса, молодая, весьма пригожая, весьма ловкая дѣвушка шляхетскаго происхожденія. Она выписана изъ Полтавы, гдѣ славилась шитьемъ, вышиваньемъ и мытьемъ бѣлья на самыхъ знатныхъ пановъ. Вириладъ предложилъ ей содержаніе и плату вдвое болѣе той, какую получала она въ городѣ за труды свои, съ тѣмъ, чтобы всему, что знаетъ, выучила пять дѣвушекъ въ его домѣ. Она съ полгода жила здѣсь; но какъ сестра Вириладова и ея дочери подмѣтили сомнительное поведеніе этой Нимфы, то панъ, по просьбѣ родныхъ, перемѣстилъ красотку и всѣхъ учениць ея въ свой хуторъ. Къ ней-то отправился я съ своимъ узломъ.

Лариса, выслушавъ предложеніе Вириладово, и весело взглянувъ на сто злотыхъ, даваемыхъ именемъ пана, съ обѣщаніемъ подарить вдвое, если она успѣетъ въ томъ, чего отъ нее требуютъ, сейчасъ на все согласилась. Я взялся-бы-

ло сообщать ей наставленія, отъ пана мною полученныя, какъ удобнѣе достигнуть ей своей цѣли, но она съ улыбкой сказала: помни только, Охримъ, что собственно до тебя касается; а что до меня, то я не имѣю нужды ни въ чьихъ совѣтахъ, и довольно только намекнуть, чего отъ меня хотятъ, я уже знаю, какъ привесть дѣло къ обыкновенному окончанію. Она ушла въ особую комнату наряжаться, а я принялся за приготовленіе къ дорогѣ. Въ легонькой, красивой возокъ впрягъ два коня, взмостился на козлы и подъѣхалъ къ крыльцу. Сборы Ларисины, какъ у всѣхъ красавицъ, длились не малое время. Наконецъ она показалась съ узелкомъ подъ рукою. Она такъ была хороша, что и я — человѣкъ уже не молодой, какъ видишь — не могъ на нее не засмотрѣться. Я не прежде пришелъ въ себя, какъ она, сидя уже въ возкѣ, сказала: что же, Охримъ? Пустимся въ путь.—Я тихо ѣхалъ, во-первыхъ, по желанію Ларисы, чтобы скорою ѣздою не растрясти ее, а во-вторыхъ, чтобы удобнѣе курить тю-

тюнъ. Въ самую обѣденную пору были представлены мы пану Ивану, когда онъ шелъ въ столовую. Взглянувъ на Ларису, онъ остолбенѣлъ, и нѣсколько времени не промолвилъ ни слова. Лариса, зная этому причину, потупила въ полъ глаза, опустила руки и — также молчала. Ну, дорогой панъ Иванъ, думалъ я, едва ли ускользнуть тебѣ отъ этой Русалки!—Наконецъ Лариса подняла прекрасные глаза, уставила ихъ на Ивана, и тихимъ голосомъ сказала: Я несчастна! будь великодушенъ, добродѣтельный панъ Иванъ, и дай мнѣ на короткое время убѣжище въ своемъ домѣ. — Иванъ встрепенулся, подошелъ къ прелестницѣ и сказалъ съ нѣжностью: почему жъ и не навсегда, прекрасная незнакомка? Не долгъ ли всякаго сильнаго защитить и призрить безсильнаго! Но кто ты и какими судьбами находишься въ моемъ домѣ?—Лариса отвѣчала: я дочь благородныхъ родителей, проживавшихъ въ Полтавѣ. Пока они здравствовали, я ничего не знала, кромѣ радостей. Съ годъ тому назадъ, они одинъ послѣ другаго

скончались, я осталась подъ властью самолюбиваго, жестокаго брата; и тутъ-то узнала, что́ значитъ быть сиротою. Братъ, не желая имѣть меня свидѣтельницей всегдашнихъ распутствъ своихъ, безпрестанно твердилъ, чтобъ я выходила замужъ за котораго нибудь изъ жениховъ, посѣщавшихъ домъ нашъ; но какъ всѣ они были люди, не менѣе моего брата, развращенные, то могла ли я склониться на какой-нибудь выборъ? — Вчера подъ вечеръ, свирѣпый властелинъ сказалъ мнѣ: «Лариса! даю тебѣ сроку на размышленіе весь этотъ вечеръ и цѣлый завтрашній день; послѣ завтра ты будешь женою пана Олимпана, или я сошлю тебя въ хуторъ, и заставлю пасти гусей и утокъ.» — Онъ ушелъ, оставя меня въ отчаяніи. Панъ Олимпанъ конечно былъ богаче всѣхъ жениховъ моихъ, но въ замѣнъ того всѣхъ безобразнѣе, грубѣе, развратнѣе. Въ сей крайности велѣла я позвать пана Дохіара, искренняго друга покойнаго отца моего. Выслушавъ о несчастіи, мнѣ угрожающемъ, онъ сказалъ: кромѣ

скораго побѣга, я не знаю другаго средства къ твоему спасенію. Верстахъ въ тридцати отсюда есть хуторъ и домъ моего давнишняго пріятеля, пана Виридада. Онъ уже очень не молодъ, слѣдовательно ни мало не опасенъ для молодыхъ дѣвушекъ; онъ довольно богатъ, а посему ты не будешь ему въ тягость; въ домѣ живетъ сестра его съ двумя возрастными дочерьми, и такъ тебѣ не будетъ скучно. Въ эту жъ ночь будь готова. Какъ скоро займется заря утренняя, выходи за Миргородскія ворота. Тамъ найдешь ты вѣрнаго слугу моего, которой вручитъ тебѣ письмо къ Виридаду. Онъ знаетъ дорогу къ сему пану, и на возкѣ моемъ сохранно довезетъ тебя до мѣста.—Я послѣдовала сему благому совѣту, и часа за два предъ этимъ благополучно прибыла на дворъ пана Виридада, а слуга пустился домой окольною дорогой. Когда я предстала къ сестрѣ хозяина, и разсказала о своемъ несчастіи, то эта степенная панья отвѣчала: братъ мой, будучи въ гостяхъ, заболѣлъ, а безъ него я ничего не могу

сдѣлать, а особливо для бѣглянокъ. Я отошлю къ нему это письмо, и подождемъ, что онъ скажетъ. Она послала этого слугу, и я осталась въ мучительной неизвѣстности.

Теперь моя очередь, сказалъ я; сдѣлалъ шагъ впередъ, и продолжалъ повѣсть. Пришедъ къ пану Виридаду, я вручилъ письмо, и когда онъ прочелъ и задумался, то я разсказалъ, какъ сестра его приняла незнакомку. — Сестра моя не права, отвѣчалъ онъ, ибо принимая къ себѣ въ домъ всякаго безъ разбору, можно нажить хлопоты, кои трудно будетъ стряхнуть съ шеи. Никаноръ такъ же очень щекотливъ, и боясь положить пятно на имя своей дочери, навѣрное бѣглянки не приметъ. Куда жъ мы ее дѣнемъ, вѣдь и ее жаль! — Ба! сказалъ онъ, подумавъ: панъ Иванъ великодушенъ и храбръ; онъ не струситъ, если бы и дюжина братьевъ Ларисиныхъ къ нему наскакала. Ты, Охримъ, самъ отвези дѣвушку къ пану Ивану, и моимъ имянемъ попроси — принять ее къ себѣ на нѣкоторое время.

Какъ скоро я стану на ноги, то прямо пріѣду къ нему, пораспрошу красавицу, — какъ называетъ ее въ письмѣ другъ мой, Дохіаръ, — и если она будетъ Ивану въ тягость, то возьму къ себѣ, а до тѣхъ поръ ты безвыходно побудь при ней. — Я исполнилъ въ точности приказаніе пана, и теперь жду отвѣта.

Хотя твой панъ Вириладъ, говорилъ панъ Иванъ, довольно глупой тутъ, однако на сей разъ сказалъ умное слово. Такъ, милая Лариса, въ храбрости и великодушіи я никому не уступлю, и ты можешь оставаться въ домѣ моемъ сколько пожелаешь. Что жъ до тебя, Охримъ, то и безъ такого олуха есть кому прислужить прелестной гостьѣ, и ты можешь теперь же уплестись домой. — Нѣтъ, сказала Лариса твердымъ голосомъ, я не хочу огорчать почтеннаго Вирилада, доброхотству коего я ввѣрена его другомъ; пусть воля его на сей разъ будетъ исполнена. — Инъ пусть этотъ ротозѣй покуда остается, отвѣчалъ Иванъ, только съ тѣмъ, чтобы въ домѣ Никанора объ этомъ ни сло-

ва. — Панъ мой, отвѣчалъ я, именно приказалъ, чтобъ о Ларисѣ не только въ домѣ Никанора, но и въ его собственномъ ни полслова о семъ говорено не было. — Право, сказалъ Иванъ засмѣявшись, Вириладъ подъ старость становится разумнымъ шутомъ.

Хозяинъ и гостья сѣли за столъ, и первый не уставалъ наговаривать ей самыя льстивыя рѣчи. Послѣдняя была воспитана не въ дурной школѣ; и потому дѣло шло наилучшимъ порядкомъ.

Послѣ обѣда Ларисѣ отведена комната, назначенная спальнею, когда Иванъ женится на Богомиліи. Тамъ стояла великолѣпная постель, и всѣ уборы были блистательны. За такой знакъ вниманія, Лариса отблагодарила Ивана страстнымъ взоромъ, и онъ въ первой разъ бѣлую ручку ея прижалъ къ губамъ своимъ.—Послѣобѣденное время проведено въ саду, а вечеръ и часть ночи за роскошнымъ ужиномъ. Тутъ хозяинъ проводилъ гостью до дверей спальни, поцѣловалъ ея руку, и они разстались.

Такъ прошли еще два дня. Часъ-отъ-часу панъ Иванъ становился влюбленнѣе, а Лариса нѣжнѣе. Они почти не разлучались. Вчера поутру Лариса сказала мнѣ: поди къ пану Вириладу, и скажи, что въ эту ночь будетъ развязка комедіи. — Я счелъ нужнымъ сказать Ивану, что необходимая нужда заставляетъ на нѣсколько часовъ побывать у себя въ домѣ. —По мнѣ хоть въ омутъ кинься, отвѣчалъ онъ хладнокровно; и я полетѣлъ въ домъ Никанора.

Когда я объявилъ Вириладу о успѣхахъ Ларисы, то онъ сказалъ: дѣло идетъ на ладъ! Не тревожься, Охримъ, что здѣсь ни увидишь.—Послѣ сего онъ началъ стенать и охать часъ-отъ-часу громче и громче, наконецъ болѣзненно закричалъ изо всей силы. Никаноръ прибѣжалъ къ недужному, а сей увѣряя, что чувствуетъ несносную рѣзь, просилъ послать въ Полтаву нарочнаго, дабы привезть славнаго врача, Жида Измаила. Въ ту жъ минуту отправленъ возокъ въ три лошади, и предъ закатомъ солнца Жидъ явился; я получилъ

новыя наставленія, и побрелъ въ домъ пана Ивана.

Онъ водилъ Ларису изъ комнаты въ комнату, держа за руку. Наконецъ настали сумерки, столъ набранъ, и любовники сѣли рядомъ. Лариса была уже не спѣсива, и за ласкательныя слова платила тѣмъ же. Столъ кончился, хозяинъ остался съ гостьей вмѣстѣ въ ея спальнѣ.

Дворецкій пригласилъ и меня за столъ, оставленный паномъ, ибо онъ такъ торопился, что и осьмой доли не употреблено изъ того, что было наставлено. Послѣ банкета, я отправился на свое логовище, но не съ тѣмъ, чтобы спать, подобно прочимъ. Едва начало на небѣ брезжить, я встрепенулся, вскочилъ, выбрался изъ дому, и бѣгомъ пустился въ домъ Никанора. Я разбудилъ дневальныхъ слугъ, и настоятельно требовалъ, чтобъ меня представили помѣщику. Когда я введенъ былъ къ нему, то плачевнымъ голосомъ возопилъ: вставай, панъ Никаноръ, и спаси своего нареченнаго зятя. Не задолго предъ симъ сдѣлался ему ударъ, и онъ теперь

безъ чувствъ. Домашніе его, зная отъ меня, — а мнѣ случайно трафилось ночевать въ его домѣ, — что у тебя гоститъ теперь врачъ Измаилъ, уговорили бѣжать къ тебѣ и просить о вспоможеніи недужному.

Панъ Никаноръ всполошился и вскочилъ съ постели. Слуги сбѣжались и начали одѣвать его, а другіе посланы были тоже сдѣлать съ Измаиломъ. Черезъ полчаса хозяинъ, Жидъ, и къ удивленію всѣхъ, панъ Вириладъ собрались въ гостиной, дабы всѣмъ вмѣстѣ посѣтить больнаго. Я столько люблю ближнихъ, каковы бъ они ни были, сказалъ панъ мой, что на смертномъ одрѣ не обинуясь посѣщу и Ивана. Никаноръ поблагодарилъ его за такой несомнѣнный знакъ дружества, всѣ сѣли въ колымагу, и чрезъ полчаса были уже въ домѣ пана Ивана. — Никаноръ, видя, что со всѣхъ сторонъ господствуетъ глубокая тишина, сказалъ съ горестью: неужели панъ Иванъ столько любимъ своими подданными, что они спятъ убитымъ сномъ, когда онъ борется со смертью.

Ахъ, другъ мой Вириладъ! едва ли не правду говорилъ ты о моемъ будущемъ зятѣ!

Я провелъ неожиданныхъ гостей до самой спальни Ларисиной, отворилъ ее, и ввелъ всѣхъ въ эту обитель.

Само собой разумѣется, что панъ Никаноръ не могъ остаться хладнокровнымъ зрителемъ сего позорища. Онъ сдѣлалъ нѣкоторое движеніе, изображающее гнѣвъ и досаду; но Вириладъ, хладнокровно удержавъ его, сказалъ: не ребячься, панъ Никаноръ, вѣдь Иванъ еще не зять твой.— Ахъ, другъ мой! произнесъ со стономъ Никаноръ: какъ много я обязанъ тебѣ за предостереженіе! если дочь моя будетъ счастлива мужемъ, то единственно тебя благодарить должна. Мой выборъ сдѣлалъ бы ее на всю жизнь несчастною.—Они всѣ, оставя пана Ивана въ недоумѣніи, удалились.

По прибытіи домой, паны заперлись въ особой комнатѣ, и не выходили до самаго завтрака. Послѣ сего Вириладъ, уединясь въ свою спальню, написалъ къ тебѣ это

письмо, и, посылая меня сюда, приказалъ завтра рано поутру принести отвѣтъ.

Съ сильнымъ біеніемъ сердца Ипполитъ взялъ отъ Охрима роковое письмо, вертѣлъ его на всѣ стороны, и не смѣлъ распечатать, а особливо при постороннемъ свидѣтелѣ. Посему намѣрясь идти въ свою комнату, онъ сказалъ слугѣ: черезъ часъ приходи ко мнѣ за отвѣтомъ.

Будучи въ своей спальнѣ, Ипполитъ вскрылъ письмо, и прочелъ слѣдующее:

«Любезный другъ Ипполитъ!

«Изъ повѣствованія, какое сдѣлаетъ тебѣ по моему приказанію Охримъ, ты увидишь, какъ умудрился я подшутить надъ паномъ Иваномъ. Разумѣется, что ему не видать Богомиліи, какъ ушей своихъ: но это еще не значитъ, что она непремѣнно будетъ твоею. Исполняя свято законы дружбы, я говорилъ о тебѣ съ Никаноромъ; представилъ ему твою любовь, платимую взаимною любовью; твои рыцарскіе подвиги, твои честныя правила, словомъ: все, что можетъ только пре-

льстить старика честолюбиваго. — Ты говоришь хорошо, отвѣчалъ онъ: но и я не худо сдѣлаю, когда тебя не послушаюсь. Посуди самъ, что скажетъ все сосѣднее дворянство, когда услышитъ, что первый помѣщикъ въ здѣшней округѣ единственную дочь свою выдалъ за бѣдняка, у котораго даже нѣтъ собственнаго пріюта? Не всякой ли будетъ имѣть право сказать мнѣ въ глаза: видно дочь твоя, которою ты столько тщеславился, была распутная дѣвка, что не нашелся для нее женихъ достойнѣе Ипполита Голяка. Я не спорю, что онъ молодецъ изрядный, но даю тебѣ дворянское слово, и божусь въ послѣдній разъ, что дочери своей за него не выдамъ, пока не докажетъ, что у него—хотя и нѣтъ наличныхъ денегъ, —есть какихъ нибудь вещей на двадцать пять тысячъ злотыхъ. Я знаю не одного изъ подобныхъ Ипполиту помѣщиковъ, которые изъ походовъ возвращались не съ пустыми карманами.» — Согласись, любезный другъ Ипполитъ, что противъ словъ этихъ я не могу ничего сказать, по край-

ней мѣрѣ ничего пушнаго.—Ты морщишься, можетъ быть — дрожишь, можетъ быть—плачешь; но отчаяваться не надобно. Иногда мы находимъ способы къ спасенію тамъ, гдѣ ихъ и не ожидали. Читай далѣе и—съ возможнымъ вниманіемъ. Ссудить тебя двадцатью пятью тысячами злотыхъ я не могу, потому, что теперь ихъ самъ не имѣю; но могу найти такую сумму подъ залогъ части имѣнія, однако съ условіемъ. Ты, думаю, замѣтилъ, что моя тучность становится мнѣ тягостною, а со временемъ, можетъ быть, будетъ и гибельною. Находящійся теперь въ домѣ Никанора врачъ Измаилъ клянется, что онъ можетъ составить мазь, которою если хотя одинъ разъ натереться, то вся тучность моя пропадетъ мигомъ, и я сдѣлаюсь также легокъ и здоровъ, какъ былъ прежде. Однако, къ составленію этой мази потребны между прочимъ такія вещи, которыхъ въ нашей сторонѣ отыскать трудно; именно: врачу надобно имѣть два уха отъ молодаго, сильно влюбленнаго человѣка. Если ты,

милой другъ, желаешь добра себѣ и мнѣ, то дозволь окарнать себя надлежащимъ образомъ, а трудъ сей Измаилъ беретъ на себя. Какъ скоро онъ привезетъ сюда то, что у тебя убавитъ, сей-часъ пришлю нужную сумму денегъ, и ты получишь руку прелестной Богомилы. Чего тебѣ болѣе за такое маловажное лишеніе! Другіе въ подобномъ случаѣ не пожалѣли бъ рукъ и ногъ. Я жду отвѣта, въ надеждѣ, что онъ согласенъ будетъ съ моимъ желаніемъ.»

Ипполитъ затрепеталъ отъ гнѣва. Ненавистное письмо выпало изъ рукъ его; онъ склонилъ голову къ груди, и долго сидѣлъ въ полубезчувствіи. Наконецъ мало-по-малу пришедъ въ себя, тяжело вздохнулъ и сказалъ: ахъ, проклятой человѣкъ! не даромъ панъ Иванъ называетъ тебя глупымъ шутомъ. Возможно ли сдѣлать мнѣ такое предложеніе? Ахъ! могъ ли я вообразить, что Вирладъ столько безразсуденъ!

Онъ поднялъ письмо, изщипалъ его въ

лоскутки, взялъ бумаги, и написалъ слѣдующій отвѣтъ:

«Ты для меня очень чуденъ кажешься, почтенный Вириладъ, что вздумалъ за двадцать пять тысячь злотыхъ торговать у меня такія вещи, которыхъ не намѣренъ я уступить ни за пятьдесять тысячь.»

Запечатавъ эту записку, онъ вручилъ ее Охриму, а самъ далъ полную волю воображенію, строя планы для дальнѣйшей жизни, и — по обыкновенію всѣхъ, строящихъ воздушные замки — ни на чемъ не останавливаясь. — На другой день, когда онъ только что возвратился съ утренней прогулки, и будучи уже холоднокровнѣе противъ вчерашняго, смѣялся глупости друга своего, Вирилада, желавшаго тонкимъ бразомъ превратить его къ жалкаго урода, Охримъ ввелъ къ нему незнакомаго слугу, который, поклонясь почтительно, сказалъ: панъ Никаноръ желаетъ тебѣ здравія, и проситъ сего-дня къ себѣ отобѣдать, а панъ Вириладъ приказалъ вручить это письмо.

Ипполитъ, услыша приглашеніе Никанорово, покраснѣлъ, и не зналъ, что подумать; — но смотря на письмо Виррлада, онъ почелъ, что сей старикъ — съ надбавкою нѣкоторой цѣны на его товаръ — опять дѣлаетъ прежнее предложеніе, о которомъ не могъ онъ вспомнить безъ смѣха и досады, и крѣпко задумался. Но какъ Охримъ напомнилъ объ отвѣтѣ, то онъ развернулъ письмо и прочелъ:

«Совѣтую тебѣ, другъ мой, не отказываться отъ предложенія Никанорова. Посѣщеніе твое можетъ быть принесетъ пользу, по крайней мѣрѣ ни въ какомъ случаѣ не будетъ вредно. Въ кладовой моей выбери самое нарядное изъ моихъ платьевъ прежняго покроя, а изъ конюшни возьми лучшаго коня съ приборомъ, ибо, думаю, твой скакунъ не совсѣмъ еще оправился съ дороги. Мы всѣ ждемъ тебя непремѣнно.

Ипполитъ восхищался, не зная и самъ, чему. Но не есть ли уже счастіе, послѣ пятилѣтней разлуки — увидѣть прелестную Богомилію, быть подлѣ нее, взгля-

нуть ей въ глазки, и услышать отъ нее хотя одно слово, и всѣмъ этимъ наслаждаться съ позволенія отца, которой нѣкогда за тоже хотѣлъ наказать его примѣрно.—Но среди сего восторга онъ призадумался, вспомня, что по заведенному изстари обычаю, ему слѣдовало бы чѣмъ нибудь подарить слугу за пріятное извѣстіе; а у него ничего таковскаго не было. Къ счастію, ему скоро пришли на мысль Аѳонскія рѣдкости: онъ бросился къ сумкѣ, вынулъ масличный крестикъ, и подавая слугѣ, сказалъ: вотъ тебѣ, другъ мой, для памяти! вещь конечно не казистая, но въ нашихъ мѣстахъ очень рѣдкая. Этотъ крестъ сдѣланъ въ Іерусалимѣ, и по увѣренію преподобныхъ отцевъ Аѳонской горы — имѣетъ силу превеликую, такъ что кто будетъ носить его на шеѣ, тому нѣчего ужь ничего бояться. Скажи панамъ Никанору и Виріладу, что я съ благодарностью принимаю приглашеніе, и скоро къ нимъ буду.—Слуга принялъ рѣдкость Ипполитову съ благоговѣніемъ, и удалился, а вишязь началъ готовить-

ся къ дорогѣ, одѣлся въ кармазинные шаравары и такую жъ черкеску, выложенные по швамъ золотымъ снуркомъ; опоясался голубымъ штофнымъ поясомъ съ серебряными цвѣтами, и прицѣпилъ саблю съ блестящею рукояткой. Конь, выбранный имъ изъ числа Вирладовыхъ, разряженъ былъ щегольски; витязь взлетѣлъ на него, и сопровождаемый Охримомъ, пустился къ дому Никанора. Всякой догадается, какъ сильно забилось сердце его, когда вошелъ онъ въ двери, а еще сильнѣе, когда приближился къ хозяину и его милой дочери, и онъ непремѣнно бы смѣшался, если бъ не ободрилъ его веселый взоръ Вирлада.—Ты, кажется, робѣешь, вскричалъ онъ: вѣдь мы не Турки, и не Татары, и не съ тѣмъ тебя сюда пригласили, чтобъ видѣть смиреннаго отшельника.

Ипполитъ немногу оправился, сдѣлался веселъ, и при каждомъ взглядѣ на ласковаго Никанора, думалъ самъ про себя: что за чудо? Тотъ ли это человѣкъ, который за пять лѣтъ предъ этимъ столько мнѣ грозилъ наказаніемъ? Мое правило,

сказалъ Вирладъ: если что доброе можно сдѣлать скоро, того откладывать не должно. И такъ Ипполитъ, именемъ почтеннаго пана Никанора, спрашиваю тебя торжественно: такъ ли ты еще любишь Богомилію, какъ любилъ до поѣздки въ землю невѣрную?—Тысячекратно болѣе, вскричалъ Ипполитъ; любовь моя съ каждымъ днемъ возрастала, и продлится до самой вѣчности. Тутъ опустилъ онъ руки и потупилъ глаза въ землю. Отецъ, обратясь къ дочери, спросилъ: ты что скажешь, моя Богомилія? — Я привыкла жить по твоей волѣ, отвѣчала она, и также потупила прелестные глаза свои. — И такъ Ипполитъ, продолжалъ Никаноръ, прими мое благословеніе. Приложи стараніе, чтобы дочь моя, сдѣлавшись твоею женою, никогда въ томъ не раскаевалась. Господи Боже! благослови ихъ, какъ я благословляю! удѣли отъ собственнаго моего счастія, и сдѣлай ихъ счастливыми!—Ипполитъ и Богомилія преклонили предъ нимъ колѣна, и облобызали его руки. Оба старика прослезились, и

Вириладъ, утирая сѣдые усы, сказалъ: не правда ли, другъ Никаноръ, что нѣтъ большаго счастія подъ солнцемъ, какъ дѣлать другихъ счастливыми?

Черезъ недѣлю торжествовали свадьбу самымъ пышнымъ образомъ. Цѣлые шесть дней продолжались пиршества, и наконецъ — по общимъ законамъ жизни свѣтской, всѣмъ наскучили. Гости, проживавшіе — по обычаю того времени — въ домѣ Никанора, разъѣхались, и остался одинъ Вириладъ, который также началъ помышлять о путешествіи. На канунѣ его отъѣзда, вечеромъ, Никаноръ сказалъ Ипполиту: любезный зять! теперь тебѣ застѣнчивать передъ нами не надобно. Я знаю, что ты изъ Туречины не вывезъ золота: но и то извѣстно, что воротился не съ пустыми руками. Покажи-ка намъ ту рѣдкость, за которую панъ Вириладъ давалъ двадцать пять тысячь злотыхъ, а ты не соглашался взять и пятидесяти тысячь!

Ипполитъ покраснѣлъ и потупилъ глаза. Вириладъ, взявъ Никанора за руку, съ

таинственнымъ видомъ вывелъ его въ другую комнату, гдѣ и пробыли около получаса.—Наконецъ Никаноръ съ Виридадомъ показались. «Ну, Богомилія, сказалъ отецъ: этотъ панъ съигралъ съ нами добрую шутку! но такъ ужь тому и быть! прикажи-ка подать намъ добрую сулею Волошскаго; мы хотимъ провести весело последній день нашихъ праздниковъ.» — По его велѣнію было все исполнено.

Теперь остается сказать нѣсколько словъ о дальнѣйшей участи особъ, въ этой повѣсти дѣйствовавшихъ. И такъ было бы извѣстно, что дѣла Ипполитовы пошли наилучшимъ порядкомъ. Онъ былъ любимъ женою нѣжно и постоянно, а Никаноръ отдавалъ ему справедливость за храбрость, за твердый нравъ и за покорность къ себѣ во всѣхъ случаяхъ.

Что касается до пана Ивана, то онъ, по выходѣ изъ спальни его, Никанора, Виридада и Измаила, смѣялся надъ глупою ихъ ревностью, и нетерпѣливо ожидалъ возвращенія своей возлюбленной, предполагая, что она гдѣ нибудь въ ближней

комнатѣ скрылась до выхода дерзкихъ посѣтителей. Соскучась ея медленіемъ, онъ на-скоро одѣлся, шарилъ по всему дому: но не тутъ-то было. Онъ поднялъ всѣхъ слугъ и служанокъ, начали общими силами искать вездѣ: но нигдѣ не находили. Тутъ пана Ивана взяла одурь. Онъ уединился въ свою спальню и задумался.

Пока онъ думаетъ да гадаетъ, скажемъ, что Лариса, сыгравъ такъ удачно назначенную ей ролю, изъ великолѣпной спальни пробралась въ садъ, одѣлась, взяла подъ мышку узелокъ съ остальными и свертокъ со ста злотыми, (ибо и ихъ захватить по дорогѣ не забыла): и перелѣзши черезъ заборъ, бросилась на свой хуторъ, достигла туда благополучно, и терпѣливо ожидала прибытія домой пана Вирилада, чтобы получить отъ него остальные двѣсти злотыхъ.

Панъ Иванъ ничего путнаго не могъ придумать. Онъ толковалъ нелицемѣрно, ибо въ одну минуту потерять богатую невѣсту, и почти за ничто, подлинно для всякаго не весело. До него дошелъ слухъ

о помолвкѣ Ипполита на Богомилiи, и онъ заскрежеталъ зубами, поклявшись вѣчною ненавистью ко всѣмъ врагамъ своимъ, въ числѣ коихъ теперь только началъ считать первымъ Вирилада. Такъ, проклятой шутъ, говорилъ онъ, стуча рукою по столу: безпутная Лариса была не что иное, какъ орудiе твоей хитрости, употребленной къ моей погибели!

Не смѣя появиться въ домахъ Никанора и Вирилада, и стыдясь показаться на глаза прочимъ сосѣднимъ помѣщикамъ, чтобы не навлечь на себя насмѣшекъ, панъ Иванъ уединился на свой хуторъ, и предался всѣмъ излишествамъ и распутствамъ. Обиженные отцемъ его дворяне, видя такой безпорядокъ въ дѣлахъ сына его, со всѣхъ сторонъ бросились съ жалобами въ полковую Канцелярiю, требуя возврата имущества, разграбленнаго Аврамiемъ. Въ домъ пана Ивана присланы нарочные, дабы на мѣстѣ произвесть изслѣдованiе; но онъ и тутъ не хотѣлъ опомниться, да правду сказать — было ужь и поздо. Онъ началъ забываться, и скоро слегъ въ по-

стелю. Кровь взяла превратное теченіе, ни одинъ членъ тѣла не дѣйствовалъ, какъ должно, и наконецъ разрушительный перстъ смерти коснулся его сердцу, когда оно билось въ груди только двадцать семь лѣтъ. Таковъ былъ конецъ развратнаго человѣка, не злаго отъ природы, но избалованнаго счастіемъ и излишнею потачкою преступнаго отца его. Все имѣніе его, пріобрѣтенное разнаго рода неправдами, по опредѣленію Войсковой Канцеляріи, отобрано къ прежнимъ владѣльцамъ.

Обратимся къ Ларисѣ. Въ первой разъ, когда Вириладъ, по окончаніи свадебныхъ праздниковъ въ домѣ Никанора, осматривалъ свой хуторъ, то навѣстивъ Ларису, и вручивъ ей обѣщанные двѣсти злотыхъ, сказалъ: за услугу твою! Если жь ты выберешь жениха по мысли — да кажется давно и пора — то я не поскуплюсь дать приличное приданое. — Ахъ, отвѣчала Лариса, потупя глаза въ землю: давно уже подбивается ко мнѣ шляхтичъ Филуменъ, недалеко отсюда кочующій, ибо его хату

не иначе назвать можно, какъ цыганскимъ шатромъ, сквозь которой пробиваются дожди и вѣтры. При всемъ его трудолюбіи и умѣренности, онъ едва можетъ прокормить себя и одного стараго работника съ женою. Гдѣ ему содержать жену, родившуюся и взросшую въ Полтавѣ, а теперь живущую во всякомъ довольствѣ! а если онъ обзаведется порядочною хатою, сказалъ Вириладъ, и въ возможности будетъ пристойно прокормить жену свою, разумѣется неприхотливую, согласишься ли ты выйти за него замужъ? — О! это дѣло другое, отвѣчала Лариса, перебирая на рукахъ пальцы; надо же когда нибудь себя пристроить; мнѣ уже двадцать пять лѣтъ! — Хорошо жъ, сказалъ Вириладъ, мы объ этомъ подумаемъ.—Они разстались, и въ тотъ же часъ посланъ нарочный къ Филумену съ приглашеніемъ пожаловать поутру на другой день къ пану Вириладу.

Филуменъ не зналъ, что̀ долженъ думать о такой небывальщинѣ; но какъ не послушаться знатнаго, богатаго пана? Съ

вечера еще началъ онъ приготовляться, чтобы съ подобающею честью предстать на свиданіе.

Поутру нашъ шляхтичъ, облачась въ прародительскую одежду различныхъ цвѣтовъ, побрелъ къ дому Виридада. Онъ не долго дожидался въ передней; его представили къ хозяину сидящему за завтракомъ. Послѣ нѣкоторыхъ привѣтствій, гость приглашенъ раздѣлить трапезу, на что охотно и согласился. По окончаніи оной, Виридадъ сказалъ: когда хочешь, чтобъ я сдѣлалъ для тебя нѣкоторую пользу, то будь откровененъ со мною, какъ съ духовнымъ отцемъ. — Отъ чего ты такъ бѣденъ? — Бѣденъ? у меня каждой день есть хлѣбъ, соль, сировецъ *, и какіе хочу огородные овощи. — Но твоя хата похожа на вертеп! — Ее строилъ мой прадѣдъ, такъ мудрено ли походить ей даже на сѣти. Дѣдъ мой конечно могъ бы починить обветшалости, ибо ихъ было не много, но потому, что предварительно уже

* Весьма кислый квасъ.

завѣщалъ сыну своему сдѣлать нужныя поправки, не хотѣлъ того дѣлать; отецъ мой хотѣлъ было приступить къ выполненію завѣщанія отцовскаго, но не могъ, такъ увеличилась ветхость; про меня жъ и говорить нѣчего; мнѣ остается только молить Бога о низпосланіи возможности построить новую хату, а въ противномъ случаѣ о дарованіи терпѣнія замерзнуть въ старой при первомъ хорошемъ морозѣ.— Не намѣренъ ли ты жениться? — Почему бы и не такъ! Но какая жена захочетъ ѣсть одинъ хлѣбъ съ солью — Но если твоя невѣста будетъ дѣвушка не дурная, разумная, работящая, то я берусь быть сватомъ, и кое чѣмъ надѣлю васъ, такъ, что жена твоя не будетъ довольствоваться однимъ хлѣбомъ и сировцемъ. — Ахъ! я знаю точно такую дѣвушку, разными знаками объявлено о любви моей, но она— кажется — съ намѣреніемъ меня непонимаетъ, и я не смѣю ни слова сказать о моихъ чувствованіяхъ. — Не Ларисою ли называется эта прелестница? не на хуторѣ ли моемъ живетъ она?

Филуменъ оторопѣлъ, покраснѣлъ, вздохнулъ, и не отвѣчалъ ни слова. Въ эту минуту вошелъ Ипполитъ, пріѣхавшій навѣстить своего друга. Къ великому неудовольствію шляхтича, Вириладъ въ самомъ забавномъ видѣ представилъ о любви его къ Ларисѣ, и о затрудненіи склонить эту красавицу изъ настоящаго дома перейти на жительство въ вершу. — Въ прочемъ, прибавилъ онъ, если жена не прихотлива, то, любя мужа, почему не можетъ насыщаться однимъ хлѣбомъ съ солью, запивая спровцомъ?

Помучивъ бѣднаго любовника довольно времени, такъ, что потъ лился со лба его градомъ, Ипполитъ сказалъ: Лариса столь недавно предъ этимъ услужила одной ближайшей моей родственницѣ, а въ лицѣ ея и мнѣ, что я обязанностью считаю, какъ скоро выберетъ себѣ путнаго жениха, подарить имъ молодаго дюжаго работника съ женою, и сверхъ того пять сотъ злотыхъ. Я болѣе для того сюда и пріѣхалъ.

И я много обязанъ Ларисѣ за выученіе

пяти моихъ дѣвокъ искуствамъ, молвилъ Вириладъ; а чтобъ ей за сіе отблагодарить — ибо я не могу терпѣть, чтобъ оставаться въ долгу, съ кѣмъ могу разплатиться, то при выходѣ ея за тебя за мужъ, подарю участокъ земли, граничащій съ твоимъ помѣстьемъ, и пару дородныхъ воловъ, а сверхъ того, на мѣсто твоей верши, построю на удобномъ мѣстѣ порядочное людское жилище. Теперь бѣги къ Ларисѣ, объяви ей наши условія, и какъ скоро она будетъ согласна, то сего дня же оба приходите сюда.

Лишнее будетъ сказывать, съ какимъ восторгомъ любовники приняли это предложеніе, съ какою благодарностью пришли къ своимъ благодѣтелямъ, и со слезами умиленія пали предъ ними на колѣна. Вириладъ поднялъ Ларису, а Ипполитъ Филумена. Вириладъ сказалъ: дѣти! будьте всегда честны, трудолюбивы, охочи помогать, кто бѣднѣе васъ, убѣгая своекорыстія, наглостей и обидъ противъ слабѣйшихъ, и тогда Господь Богъ и добрые люди васъ не оставятъ. Пока

не отстроится для васъ небольшой домикъ, а для челядинцевъ вашихъ уютная хата, ты Лариса останешься здѣсь, а ты Филуменъ въ домѣ моемъ на хуторѣ. Завтра получишь ты обѣщанныя паномъ Ипполитомъ деньги. На одну половину постарайся изготовить все нужное для себя, для дому и для хозяйства, а другую припрячь на всякой случай.

Черезъ мѣсяцъ все было готово. Въ концѣ землицы, подаренной Вириладомъ Филумену, на небольшомъ холмѣ выстроенъ простой, но прочной красивой домикъ; нѣсколько пониже большая хата, и все обнесено плетневымъ заборомъ; на конечной покатости холма и частію на лощинѣ насаженъ изрядный садикъ, и отведено мѣсто для огорода. — Тогда Филуменъ и Лариса сдѣлались мужемъ и женою. На свадьбѣ ихъ присутствовали Никаноръ съ дочерью и зятемъ, и Вириладъ со всѣмъ своимъ семействомъ. По окончаніи праздника, Никаноръ сказалъ: мы всѣ теперь веселы, и кажется — счастливы; но кто имѣетъ право на большее счастіе? Я сча-

стливъ тѣмъ, что вижу дочь свою счастливою; Богомилія тѣмъ, что избавясь распутнаго жениха, досталась достойному; Ипполитъ тѣмъ, что любя страстно, законно владѣетъ предметомъ любви своей; Лариса тѣмъ, что нашла пріютное убѣжище на всю жизнь свою; Филуменъ тѣмъ, что изъ нищаго шляхтича сдѣлался настоящимъ шляхтичемъ. Но каждой изъ насъ кому обязанъ своимъ счастіемъ? Безъ прекословія, Виприладу! — И такъ не есть ли онъ благополучнѣйшій человѣкъ изъ всѣхъ насъ, и даже изъ всѣхъ, нами знаемыхъ?

=

ЗАПОРОЖЕЦЪ.

ЗАПОРОЖЕЦЪ.

Едва взошло осеннее солнце надъ необозримыми равнинами моря Чернаго, вся Запорожская Сѣчь зашумѣла. Безчисленное множество народа толпилось на обширной площади, предъ храмомъ Угодника Николая. Громкой звонъ колоколовъ потрясалъ воздухъ. Звукъ трубъ и литавровъ далеко разстилался по ровному полю и гладкой поверхности моря. Радостный говоръ народа изъявлялъ всеобщее восхищеніе.

Что жъ было виною сего торжества всеобщаго? — Еще на зарѣ утренней прискакалъ гонецъ съ радостнымъ извѣстіемъ, что Войсковой Атаманъ, Авенпръ Булашъ, по веснѣ отправившійся, съ отборною дружиною, для усмиренія хищныхъ Закубанцевъ, возвращается во-свояси съ полною побѣдой и богатою добычей. Онъ просилъ духовенство, не начинать литургіи, пока не вступитъ въ Сѣчь, дабы воины, столь долго лишавшіеся счастія — слышать Слово Божіе, при самомъ появленіи въ предѣлы мѣста драгоцѣннаго, могли сего сподобиться, облобызать крестъ Господень, и окропиться водою священною.

Съ постепеннымъ возвышеніемъ солнца, нетерпѣніе народа возрастало. То глубокое молчаніе, то шумныя восклицанія измѣряли время. Наконецъ, съ восточной стороны поднялась въ полѣ пыль высокая; еще одно мгновеніе, и всѣ увидѣли развѣвающуюся въ воздухѣ хоругвь Запорожскую. Кто опишетъ радостное смятеніе обитателей Сѣчи, ихъ крики, вопли и за-

вывания?—Но увы! прибывшій съ радостнымъ извѣстіемъ гонецъ, по именному велѣнію Атамана умолчалъ, что этотъ храбрый мужъ, этотъ достойный предводитель, получилъ двѣ глубокія раны, одну въ грудь, другую въ голову. Не имѣя силъ самъ собою держаться на конѣ, онъ ѣхалъ поддерживаемый съ каждой стороны казаками; двое вели за узду унылаго коня его. За нимъ несли хоругвь, и храбрая дружина слѣдовала съ поникшими взорами. Вздохи тѣснили грудь каждаго, и щеки омочены были обильными слезами. Они не смѣли взглянуть на оставшихся въ Сѣчи товарищей, стыдясь во взорахъ ихъ встрѣтить достойные упреки, что сами возвращаются въ совершенной цѣлости, кромѣ нѣсколькихъ, падшихъ на полѣ рѣшительной битвы, а не умѣли сберечь храбраго вождя своего.

Когда Авениръ поровнялся съ дверьми церковными, то по данному имъ мановенію, коня его остановили. Духовенство приближилось къ нему со крестами и хоругвями священными. Но взглянувъ на

блѣдное лице Атамана, едва испускающаго дыханіе, оно остановилось съ ужасомъ. Все людство, толпившееся вокругъ его, узнавъ причину пораженія духовныхъ, возстенало, подняло вопль горестный и возрыдало. Мгновенно колокольные звоны и звуки трубные умолкли, и не было бы конца общему смятенію, если бы самъ Авенпръ не далъ знака къ молчанію. Глубокая тишина распростерлась; онъ собралъ силы, и—хотя голосомъ слабымъ, но довольно внятнымъ — произнесъ: «Почтенные отцы духовные, и вы, дѣти мои, казаки Запорожскіе! Неужели послѣднимъ подвигомъ не заслужилъ я, чтобы встрѣтили меня съ веселіемъ, какъ всегда встрѣчали доселѣ возвращавшагося изъ походовъ? Неужели раны, Атаманомъ вашимъ полученныя, могутъ пристыдить васъ при свиданіи съ родными намъ Малороссіянами, или безбожными Агарянами? Или дорогою цѣной купилъ я побѣду и пріобрелъ корысти? Обозрите все, сочтите, — и будьте веселы! Двадцать храбрыхъ казаковъ пали на мѣстѣ битвы, до сорока ра

нены. За то получили мы, если не навсегда, по крайней мѣрѣ на долгое время, спокойствіе; въ плѣнъ взято около тысячи мужей, женъ и дѣтей обоего пола; отбито пять-сотъ коней, три-ста воловъ, безчисленное множество овецъ, нѣсколько дюжинъ ружей, пистолетовъ, сабель, дорогихъ ковровъ и связокъ шелковыхъ и бумажныхъ тканей. Посредствомъ торга съ сосѣдними Турками и Татарами, обратите всю добычу въ серебро и золото. Десятая часть—по установленію нашему — да посвятится на украшеніе храма Угодника Божія; что достанется на мою долю,—если къ тому времени угодно будетъ Провидѣнію воззвать меня къ иной жизни, да будетъ вручено по равнымъ частямъ этимъ четверымъ моимъ провожатымъ, сему старцу Віанору, и этимъ юношамъ: Астіону, Эрасту и Крониду. Они же должны быть наслѣдниками и прочаго имущества, трудами моими пріобрѣтеннаго. Теперь уготовьте для меня одръ у этихъ вратъ церковныхъ. Возлежа на немъ, я хочу услышать—можетъ быть въ послѣд-

ній разъ — святое Слово Божіе, и помолиться благому Милосердію объ отпущеніи многочисленныхъ грѣховъ моихъ.»

Въ ту жъ минуту исполнено было желаніе Авенира. Погребательный одръ поставленъ на мѣстѣ назначенія, и покрытъ ковромъ драгоцѣннымъ. Съ величайшею осторожностью сняли его съ коня, и усадили на семъ ложѣ. Въ головахъ сталъ знаменоносецъ, имѣя по обѣ стороны Віанора и Астіона; въ ногахъ стояли Эрастъ и Кронидъ; все воинство, бывшее съ нимъ въ походѣ, стало въ полукружіи. Во время священнодѣйствія, глаза Авенира обращены были къ небу; время отъ времени дѣлалъ онъ крестныя знаменія довольно твердою рукою, и не смотря на раны тяжелыя, кланялся низко. По окончаніи литургіи, духовенство вышло на крыльцо церковное, гдѣ во-первыхъ отправлена панихида о успокоеніи душъ воиновъ, на брани убіенныхъ, потомъ, пропѣто многолѣтіе православному Царю Московскому, а наконецъ совершено водоосвященіе, и всѣ распущены по куренямъ.

Знамя Запорожское торжественно внесено въ церковь, а одръ съ Атаманомъ поднятъ и отнесенъ въ домъ его, стоявшій близъ самаго храма. Тамъ уже дожидалъ его славный врачь Сатиръ, (славный потому, что былъ одинъ во всемъ Запорожьѣ, гдѣ каждый больной лечится какъ знаетъ) Польской уроженецъ, проживавшій съ семействомъ на хуторѣ. По осмотрѣ ранъ и промытіи оныхъ, Сатиръ сказалъ окружавшимъ постелю Атамана: если бы раны были свѣжи, то я сей-часъ сказалъ бы, чего надѣяться можно. Но какъ онѣ довольно долго оставались безъ всякаго врачеванія, то будьте терпѣливы до завтрашняго полудня. Мази мои спасительны, и составлены по рецептамъ знаменитѣйшихъ врачей, которые тѣхъ только не принимались пользовать, у коихъ головы были уже отрублены.

По окончаніи перевязокъ, Авениръ объявилъ, что чувствуетъ наклонность ко сну, почему приказалъ удалиться всѣмъ, исключая престарѣлаго Віанора, который при немъ и остался. Врачъ Сатиръ, по-

лучившій за посѣщеніе щедрую плату, поскакалъ въ хуторъ, а печальные Астіонъ, Эрасинъ и Кронидъ, повѣся головы, побрели въ курень свой, близъ Атаманскаго дома устроенный, гдѣ они, съ тремя прислуживавшими имъ казаками, всѣ жили вмѣстѣ.—Кто жъ такіе этотъ старикъ Віаноръ, и эти трое молодыхъ казаковъ, коихъ Атаманъ отличалъ отъ прочихъ, имѣлъ къ нимъ неизмѣнную довѣренность, и обходился не какъ добрый начальникъ, но какъ самый ближній, нѣжный родственникъ, хотя они и сами не знали, кто такіе были, откуда и какимъ рокомъ въ началѣ отрочества попались въ Сѣчь Запорожскую? — Это мы увидимъ въ послѣдствіи.

Подъ вечеръ они всѣ трое получили повелѣніе — явиться къ Авениру, котораго и нашли гораздо въ лучшемъ состояніи, нежели въ какомъ оставили. Онъ сидѣлъ на постелѣ, и — въ самомъ дѣлѣ былъ бодръ и веселъ, или только хотѣлъ такимъ казаться. Комната освѣщаема была слабымъ свѣтомъ лампады, горѣвшей предъ

образомъ. Онъ указалъ пальцомъ на скамью, стоявшую въ ногахъ постели, и они сѣли. Авениръ сталъ подлѣ нихъ, опершись на столбикъ кроватный. Тогда Авениръ, помолчавъ нѣсколько, сказалъ: «Пора намъ, друзья мои, короче между собою познакомиться. Хотя мы живемъ здѣсь около двадцати лѣтъ, но вы столько жъ знаете меня, сколько одинъ другаго, сколько каждый знаетъ самаго себя, то есть, ни сколько. Будьте внимательны къ словамъ моимъ; онѣ очень для васъ важны. Чтобы не разстроивать меня въ семъ болѣзненномъ состояніи, я требую, чтобъ никто изъ васъ не прерывалъ меня въ повѣствованіи, хотя бы нѣкоторыя обстоятельства сильно кого нибудь изъ васъ тронули. Слушайте:

«Вы видите во мнѣ единственнаго сына Маркиза де Газара, богатѣйшаго помѣщика въ Лангедокѣ, но за то самаго надменнаго, своенравнаго, непреклоннѣйшаго изъ всей области. Обыкновенно половину года проживали мы въ Парижѣ, а другую въ деревнѣ. Находясь въ городѣ, я

занятъ былъ всегда то ученьемъ, то искуствами, то посѣщеніемъ домовъ, знакомыхъ отцу моему, и время текло хотя единообразно, слѣдственно—довольно скучно, однако сносно. До двадцати-двухлѣтняго возраста я не зналъ другихъ чувствованій, кромѣ страха къ самовластному отцу, почтенія къ моему Ментору, и совершеннаго равнодушія ко всему, меня окружающему. Мнѣ сказывали, что мать моя была добрая, кроткая, снисходительная женщина, а потому я могъ бы ощущать и чеиверное чувствованіе — любовь ко всему изящному; но она умерла, когда я ничего еще не могъ чувствовать.

«Въ 1-й день Апрѣля, въ который исполнилось мнѣ двадцать два года, я позванъ былъ въ кабинетъ отца моего. Облобызавъ по обыкновенію его руку, я равнодушно ожидалъ приказаній, мало заботясь объ исполненіи оныхъ, ибо грозный, вѣчно-недовольный взглядъ отца мало-по-малу произвелъ въ сердцѣ моемъ какое-то онѣмѣніе, такъ, что для меня все равно было слышать: «Леонъ! ты посту-

пилъ въ томъ и томъ очень разумно, я тобою очень доволенъ!» или: «Леонъ! ты сдѣлалъ преглупой такой-то поступокъ, и Маркизъ Газаръ стыдится имѣть тебя своимъ сыномъ!» или: «Леонъ! ты поступилъ въ такомъ-то случаѣ, какъ настоящій мѣщанинъ! Если впредь также провинишься, то сошлю тебя въ деревню, и посажу въ тюрьму на цѣлые два года. Не забывай даже во снѣ, что ты теперь Графъ Бонвиль, а по кончинѣ моей примешь на себя знаменитое имя Маркиза Газара. Поди вонъ, и цѣлые два дня не смѣй показаться на глаза мои!» — Я почтительно кланялся, уходилъ, и если бы онъ не призывалъ меня по прошествіи сего срока, то я готовъ бы былъ не видать его хоть двадцать лѣтъ.—Можетъ быть, вы, друзья мои, подумаете, что Богъ одарилъ меня тѣмъ нравомъ, что я, смотря на предметы равнодушно, и въ самомъ дѣлѣ былъ безчувственъ? Совсѣмъ нѣтъ! Если можно иногда пылинку по подобію сравнивать съ огромною горою, то я скажу, что сердце мое въ тогдашнихъ об-

стоятельствахъ подобилось горѣ Этнѣ, покрытой снѣгомъ. Все на ней — по видимому — покойно, но въ нѣдрахъ ея клубятся цѣлыя рѣки огненныя, и какъ скоро прервутъ онѣ оплоты, ихъ удерживавшіе, то какая сила человѣческая остановитъ ихъ порывы? Я сдѣлалъ сіе отступленіе нечаянно, но кстати. Теперь вы, въ начертанной мною картинѣ, видите отца моего и меня въ настоящихъ видахъ.

«Помнится, я остановился на томъ, что въ день моего рожденія потребованъ былъ къ отцу. Онъ принялъ меня дружелюбнѣе обыкновеннаго, приказалъ сѣсть противъ себя, и сказалъ: Леонъ! съ сего часа ты перестаешь быть мальчикомъ, и дѣлаешься настоящимъ молодымъ человѣкомъ, который имѣетъ право управлять своими поступками, подъ надзоромъ одного отца своего. Вчера еще, одаривъ щедро твоего Ментора, я отпустилъ его; составилъ для тебя особый штатъ, и назначилъ въ домѣ особое отдѣленіе. Живи, какъ хочешь; но отнюдь не забывай, что

ты Графъ Бонвиль, и по времени будешь Маркизомъ Газаромъ. Каждый шагъ твой будетъ мнѣ извѣстенъ, и если хотя однимъ недостойнымъ словомъ, или низкимъ взоромъ, обезславишь высокое свое званіе, то отъ одного мановенія моего все величіе твое улетитъ дымомъ на воздухъ, вся знаменитость лопнетъ, какъ мыльной пузырь. Черезъ нѣсколько дней мы ѣдемъ въ Лангедокской замокъ, и пробудемъ тамъ до осени. По возвращеніи въ Парижъ, я куплю тебѣ роту въ которомъ-либо полку Королевской гвардіи, или армейской полкъ, или Камергерской чинъ, смотря по обстоятельствамъ; потомъ выберу тебѣ невѣсту, ибо у меня на примѣтѣ есть двѣ; ты женишься, и будешь искать счастія или при Дворѣ, или въ полѣ. Это зависѣть будетъ отъ выбора невѣсты.»

Мы скоро прибыли въ Лангедокской замокъ, и отецъ мой повѣстилъ о томъ сосѣднее дворянство заведеннымъ порядкомъ, т. е. приглашеніемъ на великолѣпный обѣдъ, и просьбою, — которая значила дозволеніе — посѣщать его во всякое вре-

мя. Онъ и подлинно принималъ всегда и всякаго ласково, но никого не удостоивалъ взаимнымъ посѣщеніемъ. Я занимался чтеніемъ, прогулками и охотой. Мнѣ позволено даже было заходить иногда къ кому-либо изъ дворянъ на завтракъ и на обѣдъ. Графъ! говорилъ мнѣ отецъ однажды: что было бы непростительно для меня, за то свѣтъ съ тебя не взыщетъ. Ты еще не самовластный господинъ, и не составляешь собою члена въ государственномъ тѣлѣ. Когда жъ сдѣлаешься Маркизомъ Газаромъ, то непремѣнно долженъ совершенно перемѣниться. Смотри только внимательно на мое поведеніе, и одного этого образца для тебя довольно.

«Въ одно прекрасное утро, въ срединѣ Мая, одѣвшись въ охотничье платье, въ сопровожденіи одной собаки, вышелъ я изъ за́мка. Я не былъ страстнымъ охотникомъ, а потому мало заботился, что почти совсѣмъ не встрѣчалъ дичи, а гдѣ и попадалась она, то я на воздухъ тратилъ заряды. Съ меня довольно было проходить прелестныя поля, смѣющіяся до-

лины, и привлекательныя рощи, смотрѣть на всѣ эти красоты Природы, коими благое Небо преимущественно одарило стороны полуденныя. Идучи далѣе и далѣе, я наконецъ очутился въ такихъ мѣстахъ, гдѣ не бывалъ отъ роду. Новизна эта еще болѣе меня плѣнила. Солнце было уже въ полуденной точкѣ. Голодъ и жажда начали меня безпокоить. Не можетъ быть, думалъ я, чтобъ въ такой восхитительной сторонѣ не было ни одного помѣщичьяго зàмка, или по меньшей мѣрѣ аренды. Я бодро пошелъ далѣе, и едва выбрался изъ тѣнистой липовой рощи, какъ въ двухъ стахъ шагахъ представился мнѣ небольшой, но красивой домикъ, а невдалекѣ деревня, прекрасно отстроенная. Я прислонился къ дереву и размышлялъ: къ кому мнѣ пожаловать, къ господину ли дома, или къ деревенскому старостѣ. Надумавшись, я сказалъ вслухъ: на что безпокоить помѣщика, и притомъ незнакомаго? Не лучше ли отобѣдать въ деревнѣ за деньги, такъ еще доставлю тѣмъ выгоду какому нибудь поселянину! — Я сдѣ-

лалъ шагъ впередъ, и остановился, услыша по правую сторону голосъ: Какіе расчеты! — Я оглядываюсь, и вижу, въ пяти шагахъ отъ себя, Кавалера Ле-Льевра, человѣка пожилаго, но самаго забавнаго, шутливаго. Онъ часто посѣщалъ за́мокъ Газаръ, и мы давно обращались съ нимъ на пріятельской ногѣ. — Какъ? вскричалъ я, подошедъ ближе и обнявъ его: какими судьбами васъ здѣсь вижу?—Я съ бо́льшимъ правомъ могу вамъ сдѣлать этотъ вопросъ, отвѣчалъ онъ, ибо вижу васъ отъ за́мка Газара за четыре добрыя мили, а вы видите меня подлѣ моей хижины. Вотъ она!

Онъ, такъ сказать, потащилъ меня съ собою; мы скоро вошли въ гостиную, и я представленъ былъ малочисленному семейству Кавалера. Оно состояло изъ пожилой жены его, по виду женщины простой—во всемъ значеніи сего слова, молодаго сына, служащаго въ армейскомъ полку Поручикомъ, и обыкновенно во время отпусковъ проживавшаго въ отцовскомъ домѣ, и дочери Юліи, прекрасной шесть-

надцатилѣтней дѣвушки. Обѣдъ былъ небогатой, но весьма довольной. По окончаніи онаго, Юлія повела насъ въ садъ, показала цвѣтникъ ея саженья, кусты розовые и ясминные, за коими ходила; въ бесѣдкѣ играла на лютнѣ, пѣла прелестные романсы, словомъ—обворожила всѣхъ, и въ особенности меня. — Несравненная дѣвушка, говорилъ я, ѣдучи около полуночи домой на верховой лошади Кавалера, какъ прекрасно цвѣтешь ты въ уединеніи! Какая изъ всѣхъ видѣнныхъ мною красавицъ Парижскихъ можетъ сравниться съ тобою въ простотѣ, любезности, привлекательности!?

Рѣдкой проходилъ день, чтобы я не былъ въ помѣстьѣ Ле-Льевра; не было минуты, чтобы не думалъ о его дочери, и въ теченіи трехъ мѣсяцевъ любовь моя взошла на высшую степень. Юлія была чистосердечна, какъ Аркадская пастушка, и въ первыя недѣли знакомства нашего, когда я осмѣлился объявить ей безпредѣльную страсть свою, она со всею свободою невинности открылась, что съ пер-

ваго на меня взгляда полюбила отъ всего сердца, и ничего столько не желала, какъ принадлежать мнѣ. Чего не доставало къ моему благополучію? Ахъ! весьма многаго. Какъ ни стремилось сердце мое открыться передъ Маркизомъ, сколько разъ ни рѣшался я при первомъ свиданіи объявить ему о своей страсти и умолять о согласіи, но — увидѣвшись съ нимъ, взглянувъ на гордую осанку, на свирѣпый, или по крайней мѣрѣ на туманный взоръ,—я колебался, умолкалъ, и приведеніе къ концу своего намѣренія откладывалъ до другаго времени.

«Въ одно утро, узнавъ, что отецъ мой прогуливается въ саду, я укрѣпился въ сердцѣ, нашелъ его, и не смотря на грозный взоръ, сталъ на колѣна, и довольно твердымъ голосомъ сказалъ: Ваше Превосходительство! (Я никогда не смѣлъ назвать его именемъ отца) дозвольте мнѣ открыть предъ вами сердце мое. — Завтра! отвѣчалъ онъ голосомъ пасмурнымъ; завтра я выслушаю тебя. — Онъ удалился, не удостоя меня дальнѣйшаго объясненія.

Боже! Что тогда чувствовалъ я въ душѣ своей? Если законы Природы неизмѣнны, то почему одно лице обязано любовью къ другому, которое платитъ за то ненавистью? — Тронутый такимъ хладнокровіемъ отца, оставившаго меня на колѣнахъ, не выслушавъ о причинѣ такого униженія, я поклялся въ душѣ моей — лучше погибнуть, чѣмъ оставить Юлію, и жениться на невѣстѣ, какая мнѣ предназначена будетъ упрямствомъ гордаго властелина.

На другой день, рано поутру, я получилъ повелѣніе садиться въ карету и ѣхать — куда повезутъ. Приготовивъ прощальное письмо къ Юліи, въ коемъ торжественно обѣщалъ ей свою руку, я сѣлъ въ карету вмѣстѣ съ моимъ камердинеромъ, Клодіемъ, роститимъ при мнѣ съ самой колыбели. Онъ былъ нѣсколькими годами старѣе меня, и его преданность, разторопность, всегдашняя готовность къ услугамъ, сдѣлали его для меня необходимымъ. Не трудно будетъ вамъ отгадать, куда снаряжена была сія поѣздка.

Мы прибыли въ свой Парижскій домъ, и прежняя несносная жизнь началася. Однако, надобно отдать справедливость, что отецъ мой день-ото-дня становился ласковѣе, привѣтливѣе. Подъ конецъ осени я не мало былъ удивленъ появленіемъ добраго Клодія съ новою парою блестящаго мундира. — Поздравляю васъ, сказалъ онъ, съ Королевскою милостью! Вы теперь Полковникъ драгунскаго полка, расположеннаго недалеко отъ границъ Испанскихъ. По волѣ Его Превосходительства, извольте одѣться въ это платье и явиться къ нему.

Съ удовольствіемъ принялъ я сей подарокъ, (да и кого не прельстилъ бы онъ въ мои лѣта?); поспѣшно одѣлся, и полетѣлъ къ отцу съ благодарностью.—Графъ! сказалъ онъ съ возможною важностью: теперешнимъ счастіемъ своимъ обязанъ ты другу моему, Д*, а вскорѣ, надѣюсь, ты будешь благодарить его за большій знакъ милости. Мы сего-дня у него въ домѣ обѣдаемъ.

У Маршала Д* я никогда не былъ, и

даже мало зналъ его лично, а потому во время ѣзды терпѣливо слушалъ отцовскія наставленія, какъ долженъ я вести себя въ присутствіи его свѣтлости.—Прибывъ въ палаты сего вельможи, я нашелъ огромное, блистательное общество; былъ представленъ хозяину и его семейству, и не прошло часа, какъ я возненавидѣлъ Маршала за непомѣрную спѣсь и самохвальство его, ощутилъ презрѣніе къ женѣ его, истинной кокеткѣ, и еще большее отвращеніе къ тридцатилѣтней дочери ихъ, столь же надменной, какъ отецъ, и такой же кокеткѣ, какъ мать. За нею увивалось множество щеголей разнаго рода, и она смотрѣла на искательство ихъ какъ Королева, удостоивающая кого нибудь изъ подданныхъ милостиваго взгляда. По окончаніи великолѣпнаго обѣда, гостей ввели въ огромную залу, гдѣ увидѣлъ я воздвигнутый жертвенникъ, и подлѣ него Епископа въ приличномъ облаченіи. Не понимаю, какъ это случилось, только я, ведомый отцемъ за руку, очутился у алтаря, и въ ту же минуту яви-

лась подлѣ меня Аделаида, дочь Маршала. Я остолбенѣлъ, оцѣпенѣлъ, окаменѣлъ, и тогда только нѣсколько опомнился, когда сперва Епископъ, а послѣ отецъ мой, а тамъ Маршалъ и многіе изъ гостей начали поздравлять меня съ благополучнымъ совершеніемъ вожделѣннаго брака. Аделаида съ великою важностью подала мнѣ руку для поцѣлуя; но я чувствовалъ, что губы мои дрожали и были какъ ледяныя. Зачѣмъ описывать окончаніе сего горестнаго дня? Увидясь одинъ-на-одинъ съ отцемъ, я сказалъ: вы сдѣлали меня на всю жизнь несчастнымъ, но не думаю, чтобъ онъ того сами были счастливѣе.—Свирѣпый взоръ его былъ отвѣтомъ.

Среди безпрестанныхъ горестей, тоски, мученія, прошло болѣе полугода, и Аделаида увѣдомила меня о своей беременности. Я не знаю, какъ назвать тогдашнее чувствованіе, какое ощутилъ я при семъ извѣстіи. Это была смѣсь удовольствія, безпокойства, непріятности и досады. Однако, съ самаго того времени я сталъ ласковѣе смотрѣть на жену свою, но вмѣ-

стѣ съ тѣмъ примѣтилъ, что и она не менѣе ласково смотритъ на статнаго, пригожаго Камергера, Флизака; и надо отдать справедливость, что его Геркулесова наружность была весьма обольстительна для всякой Омфалы. Открытіе сіе крайне меня осердило. Какъ, думалъ я, будучи страстно влюбленъ въ Юлію, я не дозволялъ себѣ даже и подумать о невѣрности, а ненавистная Аделаида — нѣтъ! Какъ скоро удостовѣрюсь въ измѣнѣ, то — погибель преступникамъ неизбѣжная.

По кончинѣ отца, рѣшился я оставить опротивѣвшій Парижъ, и отправиться къ полку, на границу Франціи. Тѣмъ самымъ думалъ я избавиться присутствія опаснаго придворнаго, не навлекая на себя нареканія, неразлучнаго съ названіемъ ревнивца.

Первые мѣсяцы пребыванія моего въ полку прошли довольно спокойно, или — по крайней мѣрѣ — сносно. Аделаида родила сына, котораго нарекъ я Леопардомъ. Хотя я, по смерти отца, сдѣлался Маркизомъ Газаромъ, и обладалъ весьма боль-

нимъ имуществомъ, однако, не смотря на всѣ убѣжденія моей Маркизы, настоятельно требовалъ, чтобы она кормила дитя своею грудью; въ противномъ же случаѣ грозилъ отнять отъ нее навсегда сына. Это устрашило Аделаиду: она рѣшилась преодолѣть отвращеніе и сдѣлаться кормилицею. Это званіе тѣмъ болѣе пугаетъ знатныхъ женщинъ, что онѣ въ это время должны отказаться почти отъ всякаго развлеченія. Пріятно ли въ самомъ дѣлѣ Маркизѣ Газаръ, дочери Маршала Франціи, принять кого-либо изъ гостей, а тѣмъ менѣе побывать въ какомъ-нибудь блестящемъ обществѣ съ запачканнымъ ребенкомъ, и дозволять ему предъ всѣми играть полусокрытыми ея прелестями. Она часто задумывалась, просиживала долгое время не произнеся ни слова, или уединясь въ свою комнату, по нѣскольку часовъ проводила тамъ запершись съ своею вѣрною Перреною, которая нѣкогда нянчила ее на рукахъ своихъ, и была доселѣ въ неизмѣнной довѣренности. Такіе поступки жены моей я причитывалъ ску-

кѣ и казалъ видъ, что ничего особеннаго не примѣчаю.

Наконецъ — по прошествіи года послѣ рожденія моего сына, по совѣту медиковъ, младенецъ отнятъ отъ груди, и жена моя въ первой разъ пріятно улыбнулась. Она съ примѣтнымъ удовольствіемъ передала его съ рукъ своихъ въ руки нянекъ и мамокъ, и съ величавымъ видомъ ушла на свою половину. Такой поступокъ матери мнѣ крайне не понравился; но мало ли что не нравилось мнѣ со времени роковой женитьбы! Я ни мало не думалъ возбранять Аделандѣ въ принятіи гостей и въ разъѣздахъ куда хочетъ; а она съ своей стороны не считала за нужное просить отъ меня дозволенія посмотрѣть на свѣтъ послѣ годичнаго своего заключенія.

Недѣль около двухъ послѣ этого, въ одно прекрасное Майское утро, вошелъ ко мнѣ честный Клодій съ видомъ крайне пасмурнымъ. Хотя со времени моей женитьбы я никогда не видывалъ его прямо веселымъ, но также онъ не бывалъ и печаленъ. Посему съ удивленіемъ я спросилъ:

что это значитъ, Клодій, что ты въ весеннее утро, подъ полуденнымъ небомъ Франціи, смотришь, какъ въ зимнюю пору Камчадалъ, одержимый цынготною болѣзнію. — Ваше Превосходителество, отвѣчалъ онъ со вздохомъ: дай Богъ, чтобъ мой видъ обманулъ васъ, и чтобъ мое подозрѣніе было не вѣрнѣе, какъ грѣзы страждущаго горячкою. — Однако, говори скорѣе, сказалъ я рѣшительно: какое подозрѣніе? въ чемъ? на кого? — Мнѣ больно, отвѣчалъ Клодій: сердце мое трепещетъ отъ ужаса, если я въ доброе, невинное сердце ваше волью полную чашу горести; но—что жъ мнѣ дѣлать? Когда я, будучи лѣтъ пятьнадцати — а вамъ было съ небольшимъ десять—важивалъ васъ въ садахъ Газарскаго зàмка, съ того времени поклялся неизмѣнною къ вамъ вѣрностью, хотя бы кто потребовалъ отъ меня измѣны съ опасеніемъ потерять жизнь. Слушайте:

«Вчера, подъ вечеръ, зная, что за мною никакого не будетъ дѣла, пошелъ я въ садъ, и, залегши въ жасминныхъ кустахъ

у большой бесѣдки, предался размышленію, и—непримѣтно задремалъ. Не знаю, долго ли я пробылъ въ семъ положеніи, только громкій смѣхъ разбудилъ меня, и я началъ прислушиваться. Вскорѣ различаю знакомой мужской голосъ, не могши припомнить, чей именно: инъ прощай, вѣрная Перрета! Вотъ тебѣ письмо и двадцать червонныхъ. При первомъ удобномъ случаѣ доставь письмо по принадлежности, а деньги возьми себѣ на башмаки. Будь увѣрена моя дорогая, что услуга твоя забыта не будетъ, какъ и всѣ прежнія никогда не забывались.—Простите, г-нъ Флизакъ, отвѣчала Перрета, и будьте увѣрены, что какъ прежде, такъ теперь и впредь я готова усердно служить благороднымъ и благодарнымъ людямъ. Надѣюсь, что если не сего-дня, то навѣрное завтра, вы на опытѣ узнаете, можно ли всегда полагаться на обѣщанія Перреты.

Они разстались, я не много приподнялся, и видѣлъ, что г-нъ Флизакъ, приближась къ калиткѣ у ограды сада, отперъ

ее, (вѣроятно поддѣльнымъ ключемъ) и скрылся. Перрета, хотя проворно пробиралась въ домъ, но была мною настигнута на самомъ крыльцѣ. Слыша топотъ бѣгущаго человѣка, она оглянулась, и увидѣвъ меня, нѣсколько измѣнилась въ лицѣ и спросила: ты гдѣ былъ, Клодій? и куда такъ спѣшишь? — Прогуливался, отвѣчалъ я простодушно, въ саду, вотъ тамъ: (указавъ въ противную сторону той, гдѣ были Камергеръ и Перрета); но, увидя издали, что ты бѣжишь въ господской домъ, почелъ, что Маркизъ меня, а Маркиза тебя спрашиваютъ, бросился со всѣхъ ногъ, чтобъ опередить тебя и доказать, что я первому не менѣе преданъ, какъ ты послѣдней. — Едва мы прошли корридоромъ къ парадному входу, какъ увидѣли, что карета Маркизы быстро выѣзжала за ворота. Перрета показала недовольный видъ, и пошла на свою половину, а я отъ всего сердца радовался, что по крайней мѣрѣ на сей день мой доброй господинъ избавленъ будетъ отъ предательства.

Я пошелъ къ крестовой сестрѣ моей, Машѣ, которая выдана вами за мужъ за храбраго Мартына, капрала полка вашего,—упросилъ, чтобъ она въ сей же вечеръ назначила домашнюю вечеринку, и самолично уговорила г-жу Перрету быть участницей въ весельи. Вотъ тебѣ на расходъ деньги, сказалъ я: но смотри — никому ни слова. — Какъ хотѣлось, такъ и сдѣлалось. Я также присутствовалъ на этомъ пиру. Много было закусокъ, а винъ и того больше. Когда готовились потчивать гостей Шампанскимъ, я, отведши Машу въ другую комнату, сказалъ: налей для г-жи Перреты бокалъ побольше другихъ, и подай мнѣ. Когда это было исполнено, то я всыпалъ туда заготовленный мною сонной порошокъ. Маша перемѣнилась въ лицѣ и спросила: что это значитъ, братецъ? — Развѣ ты считаешь меня ядотворцомъ? отвѣчалъ я строгимъ голосомъ: кажется, ты давно знаешь крестоваго брата своего! Успокойся, Маша! Этотъ порошокъ имѣетъ силу, что тотъ, кто его выпьетъ, сдѣлается гораздо ве-

селѣе обыкновеннаго. Поди къ Перретѣ, проговори почтительную рѣчь, и поднеси бокалъ, а я съ большимъ подносомъ подойду къ прочимъ гостямъ. По желанію моему все исполнилось. Вскорѣ Перрета начала зѣвать, жмуриться и потягиваться. Что за напасть, сказала она едва внятнымъ голосомъ: я, кажется, выпила не больше другихъ, а сонъ такъ и валитъ съ ногъ. Г-нъ Клодій! потрудись проводить меня до коляски. — Г-жа Перрета! отвѣчалъ я съ видомъ усердія: что хорошаго, когда я привезу васъ въ домъ Маркиза спящею, и долженъ буду до вашей спальни нести на рукахъ! Еще не поздо, и насъ увидятъ всѣ челядинцы. Явный соблазнъ! Не лучше ли вамъ часа на два отпохнуть на постелѣ Машиной, а я даю честное слово дожидать вашего выхода.—Перрета лишилась употребленія языка, сдѣлала рукою знакъ согласія; я и Маша повели ее въ спальню, и уложили на постель. Тотчасъ началъ я шарить въ ея карманахъ, съ трепетомъ выхватилъ нужное мнѣ письмо, и спряталъ.

Машинька! сказалъ я изумленной сестрѣ: будь спокойна. Эта одна бумага и была только мнѣ надобна. Вѣроятно, Перрета проспитъ до поздняго утра; не безпокой ее. Когда жъ проснувшись будетъ усиливаться уйти домой, то постарайся удержать ее, пока не явится сюда присланный отъ Маркиза съ дальнѣйшими приказаніями.

Вотъ все, милостивый государь, что я сдѣлалъ; не знаю донынѣ и самъ, хорошее ли, или худое. Возьмите письмо и читайте. Въ ближней комнатѣ буду ожидать вашихъ приказаній.

Клодій вышелъ. Я сидѣлъ въ креслахъ, подобясь Египетскому Мемнону, т. е. склоня голову назадъ, устремя глаза къ небу, и положа руки на колѣна. Мрачныя мысли, подобно громовымъ тучамъ, клубились въ головѣ моей. Холодный потъ показался на лбу; сердце то непомѣрно трепетало, то совсѣмъ замирало. Какое ужасное положеніе!

Однако жъ я скоро собрался съ духомъ. Выраженія отца моего пришли мнѣ на

память. Сердце наполнилось твердостью; я всталъ, началъ ходить по комнатѣ, вертя въ рукѣ проклятое письмо, и говорилъ: будь мужественъ, Маркизъ Газаръ! Прилично ли благоразумному человѣку печалиться и впадать въ мучительное уныніе отъ того, что женщина, называвшаяся его женой, сдѣлалась распутною, безчестною! Развѣ тина, въ коей погрязаетъ она противъ моего чаянія, можетъ опятнать почтенное имя мое?—Конечно, по принятому мнѣнію, мщеніе въ такомъ случаѣ необходимо; но благоразуміе и справедливость требуютъ, чтобъ мы какъ можно внимательнѣе разсматривали, въ чемъ состоять должно это мщеніе. Я сѣлъ хладнокровно — по видимому — въ кресла, развернулъ письмо, и прочелъ слѣдующее:

«Милая, безцѣнная, но чрезъ-мѣру жестокая Аделаида!

«Когда я въ прелестныхъ объятіяхъ твоихъ упивался блаженствомъ неизъяснимымъ, я не жаловался, что ты, исполняя строгое повелѣніе отца жестокосердаго, согласилась сдѣлаться женою неиз-

вѣстнаго тебѣ деревенщины, но утѣшался мыслію, что я былъ любимъ тобою. Я также не жаловался, что ты, слѣдуя глупому требованію твоего педанта, цѣлой годъ рѣшилась просидѣть въ скучномъ уединеніи, питая грудью сына твоего Аргуса. — Теперь я имѣю полное право на тебя жаловаться. Какъ! Ты болѣе двухъ недѣль выѣзжаешь изъ дому, а не вздумаешь навѣстить пріютной пустыни, въ полумилѣ отъ города, обитаемой твоимъ придворнымъ затворникомъ. Неужели Перрета подробно о семъ тебѣ не растолковала? Не можетъ быть! Проживая здѣсь около мѣсяца, я болѣе десяти разъ съ нею видѣлся, и всякой разъ получалъ удостовѣренія, что ты обо всемъ знаешь. Постарайся жъ, обожаемая Аделаида, исправить свой проступокъ, и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше. Я приложу все стараніе, чтобъ вознаградить тебя за то мученіе, которое неминуемо должна была ты чувствовать, находясь болѣе года въ пыткѣ. Ахъ! Какъ героически ты умѣла перенести оную! Прости, дражайшая! Дѣти на-

ши здоровы, и заочно обнимаютъ милую маменьку. Ихъ хорошо воспитываютъ въ извѣстныхъ тебѣ мѣстахъ. Девятилѣтній Эмиль — настоящій я, а семилѣтняя Адель—истинный образъ юной Аделаиды. До прибытія твоего въ мою пустыню, нетерпѣніе мое прижать тебя къ моему сердцу будетъ возрастать ежеминутно.— A propos! Присланныя тобою въ началѣ минувшаго Апрѣля двадцать пять тысячъ ливровъ, увы! улетѣли на воздухъ невозвратно.»

Прошу васъ, молодые друзья, судить о моемъ отчаяніи, бѣшенствѣ. Я такъ поруганъ, обезславленъ! И эта вѣроломная была уже дважды матерью до нашего ненавистнаго союза! И сдѣлавшись женою, она не ужасалась быть прелюбодѣицею! О отецъ мой! Какъ извинишься ты предъ высшимъ правосудіемъ, что сына своего сдѣлалъ злополучнымъ, и—можетъ быть— злополучнымъ до гроба.

Пробывъ около получаса въ этомъ ужасномъ смятеніи чувствъ, и предпринимая разные планы къ отмщенію, я наконецъ

рѣшился. Первый и ближайшій предметъ этого мщенія была безчестная Перрета, которая, по всему вѣроятію, повергла склонную къ распутству Аделанду въ домѣ родительскомъ въ объятія порока, какъ сдѣлала послѣ въ домѣ мужа, и какъ готовилась и впредь дѣлать.

Бывъ командиромъ полка моего имени и вмѣстѣ Комендантомъ города, имъ занимаемаго, я написалъ приказаніе Смотрителю Смирительнаго дома, чтобы распутную Перрету, взявъ изъ рукъ приведшихъ ее, держалъ тамъ во всю жизнь ея. — Призвавъ Клодія, я сказалъ: ты заслуживаешь всю мою благодарность за то, что еще довольно рано открылъ мое заблужденіе; и я спрашиваю, чего ты отъ меня за то просишь? — Того, отвѣчалъ добрый Клодій, чтобъ вы никогда меня отъ себя не отдаляли, хотя бы судьба занесла васъ въ землю Камчадаловъ или Карибовъ; ибо, — сколько могу догадываться, — на этомъ мѣстѣ вы не долго пробудете. — Даю торжественное слово исполнить твое желаніе, вскричалъ я, а

теперь явись къ Капитану 1-й роты, и объяви мое приказаніе—отпустить съ тобою двухъ гренадеровъ; арестуй Перрету, отведи въ Смирительный домъ, и этотъ пакетъ отдай Смотрителю онаго. — О! вскричалъ радостно Клодій, схвативъ пакетъ; это приказаніе исполню я съ большимъ успѣхомъ и радостію, нежели, если бъ вы сказали: «Клодій! поѣзжай въ Парижъ, и отъ банкира моего потребуй сто тысячъ ливровъ. Вотъ тебѣ довѣренность!»—Онъ выбѣжалъ изъ комнаты, а я продолжалъ обдумывать средства, какъ скорѣе и удобнѣе привесть въ исполненіе мои намѣренія.

Въ тотъ же день приготовилъ и отправилъ я къ моему Нотаріусу, въ Парижъ, форменное полномочіе на продажу всего моего имѣнія, исключая замокъ Газаръ, въ коемъ покоились прахи моихъ предковъ, и на переводъ вырученныхъ денегъ въ Мадритскій Банкъ. Послѣ этого, призвавъ Клодія, возвратившагося уже домой по точномъ исполненіи моего приказанія относительно Перреты, сказалъ:

Ты справедливо замѣтилъ, вѣрный Клодій, что здѣсь случившееся, и впредь случиться могущее, не дозволятъ мнѣ оставаться долѣе въ своемъ отечествѣ. Надо будетъ искать его подъ чужимъ небомъ. Но — Богъ вездѣ правосуденъ и благъ, вездѣ есть честные и безчестные люди. Я думаю ѣхать въ Испанію, какъ ближайшее Королевство, изъ котораго уже на кораблѣ можно достигнуть всякаго мѣста, какого пожелаешь. Но должна ли непотребная мать спокойно смотрѣть на моего сына, играющаго на ея колѣнахъ, и смѣяться терзаніямъ отца его? Нѣтъ! Этого не будетъ! Сынъ мой долженъ предшествовать мнѣ въ Испанію. Надѣешься ли ты, Клодій, что нянька Леонардова, Тереза, къ которой онъ весьма привязанъ, согласится оставить съ нимъ отечество? а къ другой привыкать будетъ для него трудно! — Почему жъ не такъ? отвѣчалъ Клодій; впрочемъ, въ ея согласіи нѣтъ особенной надобности. Въ назначенный вами часъ подвезена будетъ карета. Тогда объявлю я г-жѣ Терезѣ, что Ваше

Превосходительство желаете недѣли на двѣ посѣтить свой прародительской замокъ Газаръ, но что вмѣстѣ съ тѣмъ требуете, чтобъ и сынъ вашъ былъ съ вами; а потому благоволила бы ея милость сѣсть съ своимъ питомцемъ и крестовою сестрою моею, Машею, въ карету, а двое вѣрныхъ слугъ, Петръ и Пикаръ, будутъ оберегателями ихъ въ дорогѣ. Такимъ образомъ простодушная женщина и не увидитъ, какъ очутится за границею. —Я одобрилъ планъ этотъ, и приказалъ— сколько можно скрытнѣе готовить все нужное къ спокойному путешествію дитяти.

Сдѣлавъ распоряженіе о двухъ важнѣйшихъ предметахъ, то есть, о сбереженіи имѣнія и сына, я сталъ съ довольнымъ спокойствіемъ разбирать свое бюро, пересмотрѣлъ всѣ бумаги, безчисленное множество передралъ, а остальныя необходимыя спряталъ въ небольшомъ ларчикѣ. Послѣ этого собралъ разсѣянныя по разнымъ мѣстамъ драгоцѣнности, какъ то: брильянтовыя и золотыя вещи, уложилъ

въ другой ларчикъ, а всѣ серебряныя разсудилъ раздарить слугамъ и служанкамъ. Наличныхъ денегъ было у меня до двухъ тысячъ червонныхъ: эту сумму полагалъ я достаточною на издержки до прибытія въ Мадритъ. Въ такихъ занятіяхъ, конечно горестныхъ, прошелъ весь день, и я, подремавъ нѣсколько въ креслахъ, всталъ съ самымъ разсвѣтомъ дня, столько для меня незабвеннаго.

Едва узналъ Клодій, что я уже проснулся, какъ предсталь ко мнѣ и объявилъ, что Тереза съ малюткой и спутниками въ дорогѣ. Я велѣлъ собрать въ залѣ всѣхъ моихъ домашнихъ отъ мала до велика, заложить дорожную коляску и осѣдлать двѣ верховыя лошади. Между тѣмъ, какъ я переодѣвался, все было готово. Я вошелъ въ залу, и сказалъ слугамъ и служанкамъ: «Друзья мои! По домашнимъ обстоятельствамъ, я долженъ пробыть въ моемъ замкѣ Газарѣ, можетъ быть, не малое время. Я сей-часъ отправляюсь туда, а до прибытія въ домъ жены моей, ввѣряю оный твоему управле-

нію, старый, добродушный Мишель, равно к къ и всѣхъ, живущихъ въ немъ. Въ этой корзинѣ уложены всѣ мои серебряныя вещи и тысяча ливровъ. То и другое раздѣлите между собою, смотря по должностямъ, вами отправляемымъ и по возрастамъ. Прощайте!»

Сопровождаемый Клодіемъ и Бернардомъ, я сошелъ внизъ и сѣлъ въ коляску, а сопутники мои, вскочивъ на лошадей, установились по правую и по лѣвую сторону, и поскакали въ путь. — Я забылъ упомянуть, что на все догадливый Клодій, провожая устрашенную Перрету въ назначенной для нее пріютъ угрозами вѣчнаго заточенія, и обѣщаніемъ скорой свободы, вынудилъ ее сдѣлать такое точное описаніе жилища Камергерова, что оное весьма не трудно отыскать можно было. И дѣйствительно мы пробыли въ дорогѣ не болѣе часа, какъ завидѣли искомый нами храмъ Бахуса и Венеры. Я приказалъ остановиться, и вышелъ изъ коляски, имѣя подъ лѣвою мышкой двѣ шпаги, а въ правой рукѣ пару заряженныхъ пистолетовъ.

Случись же такъ, что пробираясь къ красивому домику по краю перелѣска, нашли на спящаго Колина, любимаго слугу жены моей. Мы остановились съ удивленіемъ, и я сказалъ: «Вотъ счастливый случай безъ труда отыскать надобныхъ намъ людей! Клодій! разбуди его.» — Клодій пошевелилъ спящаго уютною дорожною палкою; Коллинъ проснулся, привсталъ, осмотрѣлъ насъ и задрожалъ. — Бездѣльникъ! вскричалъ я съ крайнимъ гнѣвомъ: такъ-то ты вѣрно служишь своему господину? Если не хочешь, чтобъ я сейчасъ размозжилъ тебѣ голову, то проводи насъ къ безчестному Флизаку, такъ, чтобъ онъ ускользнуть не могъ. — Милостивый государь! отвѣчалъ Коллинъ дрожащимъ голосомъ,—требованіе ваше исполнить весьма не трудно. Во всемъ домѣ одна старая стряпуха на кухнѣ, да мальчишка буфетчикъ, а я, два кучера, одинъ г-жи Маркизы, а другой г-на Флизака, и лакей послѣдняго — Шарль, были въ городѣ за разными покупками. Какъ по милости госпожи мы не нуждаемся въ деньгахъ,

то и зашли въ питейной домъ. Пробывъ тамъ не болѣе часа, я и Шарль догадались, что если еще пропируемъ хотя четверть часа, то уже намъ не дойти домой до ночи, и потому отправились, и полегли въ этомъ прекрасномъ мѣстѣ, я здѣсь, а Шарль нѣсколько поодаль. Что же касается до кучеровъ, то они остались въ городѣ, и вѣроятно тамъ заспались. Г-нъ Камергеръ и г-жа Маркиза во все время своего здѣсь пребыванія, пьютъ шоколадъ, обѣдаютъ и ужинаютъ въ саду, подъ четырьмя прекрасными кедрами, образующими бесѣдку, внизу коихъ разбросаны кусты розъ и жасминовъ. Извольте слѣдовать за мною.

Мы достигли садовой ограды; Коллинъ отперъ маленькую калитку, и мы вошли въ эту пріятную обитель. Вонъ, сказалъ Коллинъ шепотомъ, сказанныя мною четыре кедровыя дерева. Ступайте прямо, и вы найдете тѣхъ, кого ищете.

Я приказалъ своимъ сопутникамъ соблюдать самую строгую осторожность, и мы начали подвигаться впередъ, остана-

вливаясь на каждомъ шагу, такъ, что около получаса прошло, пока мы пробрались не болѣе десяти саженъ, и тутъ остановились — услыша громкой разговоръ, сопровождаемый смѣхомъ. Я подвинулся еще шага на четыре, и изъ-за стоящаго передо мной каштановаго кустарника, увидѣлъ эту прекрасную чету. Они оба были въ утреннемъ нарядѣ. На Камергерѣ былъ штофной халатъ голубаго цвѣта, а на Маркизѣ розовое тафтяное дезабилье. Они оба сидѣли къ намъ лицами, на дерновой скамьѣ, за столикомъ съ шоколаднымъ приборомъ. Камергеръ, обнявъ Маркизу съ движеніями, взорами и улыбкой Сатира, сказалъ: согласись, Аделаида, что хотя ты всегда прелестна, но третьяго-дня пріѣхала сюда совсѣмъ въ другомъ видѣ, нежели въ какомъ теперь находишься. Пламень въ глазахъ твоихъ потухъ, розы на щекахъ превратились въ лиліи; нѣкоторая усталость, изнеможеніе разлились по всему лицу твоему. Хотя мужъ твой въ такихъ дѣлахъ не что иное, какъ драгунской рекрутъ, никогда неприкасавшійся

къ лошади, однако, думаю, и онъ замѣтитъ сію перемѣну. Богъ знаетъ, чего не пожалѣлъ бы я, чтобъ только быть свидѣтелемъ, какъ онъ приметъ тебя по пріѣздѣ домой, съ какою глупою заботливостью станетъ разспрашивать о здоровьи, съ какимъ усиліемъ будешь ты удерживаться отъ смѣха, и съ какою величавою ужимкой потребуешь, чтобы онъ оставилъ тебя одну въ покоѣ по крайней мѣрѣ недѣли на двѣ, а между тѣмъ мы дремать не станемъ, и —

Я кипѣлъ гнѣвомъ и мщеніемъ. Руки и ноги дрожали, въ глазахъ туманилось. Однако, скрѣпя сердце, я бодро выступилъ впередъ, подошелъ къ столу, и положилъ на немъ шпаги и пистолеты. Маркиза громко вскрикнула, и упала въ обморокъ. Камергеръ помертвѣлый, трепещущій, уставя на меня неподвижные глаза, хранилъ молчаніе. — Безчестный человѣкъ! сказалъ я наконецъ: какой злой духъ соблазнилъ тебя нанести мнѣ такое оскорбленіе? Развѣ не довольно съ тебя было, что ты обольстилъ эту несчаст-

ную, когда она не связана была никакими узами, кромѣ благонравія? Ты продолжалъ, злодѣй, и тогда оскорблять законы Божескіе и человѣческіе, когда она сдѣлалась уже моей женою. Умри, чудовище, или умертви меня, и тѣмъ усугубь свое беззаконіе, и жди двойнаго наказанія отъ людей и отъ Неба.

Камергеръ нѣсколько опомнился, привсталъ, и сказалъ съ надменностью: Развѣ не знаете, г-нъ Маркизъ, что намъ, придворнымъ людямъ, строго запрещено сражаться какимъ бы то ни было оружіемъ? Намъ предоставлено только ратовать языкомъ. И такъ, если вы считаете себя нѣсколько обиженнымъ, то подавайте на меня просьбу вышнему начальству, и будьте увѣрены, что безъ отвѣта не останетесь. Я въ полной надеждѣ, что одинъ изъ дядей моихъ — Ліонскій Губернаторъ, а другой дворцовой Маршалъ —

Подлецъ! вскричалъ я: если ты не согласишься раздѣлаться со мною честнымъ образомъ, то прикажу слугамъ моимъ ва-

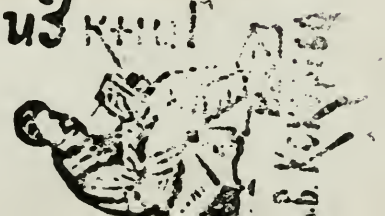
бить тебя до смерти палками! Гей! Клодій! Бернардъ! Будьте готовы.

Вѣрные исполнители воли моей величественно подняли увѣсистые жезлы свои, и медленными шагами начали подходить къ столу.—А! если ты таковъ, вскричалъ Камергеръ съ разъяреннымъ видомъ, такъ ступай въ адъ, гдѣ давно тебѣ быть бы должно.—Тутъ схватилъ онъ пистолетъ, и — отбѣжавъ въ сторону, остановился. —Отсчитай, щекотливый мужъ, кричалъ онъ, двѣнадцать шаговъ, и стрѣляй первый.—Медленными, мѣрными шагами отсчиталъ я указное разстояніе, оборотился къ нему, и началъ прицѣливаться. Хотя я дрожалъ всѣмъ тѣломъ отъ бѣшенства, однако — утвердясь нѣсколько, спустилъ курокъ. Раздался роковой выстрѣлъ, и противникъ стремглавъ полетѣлъ наземь; однако, лежа ли на землѣ, или во время самаго паденія, — я второпяхъ того не замѣтилъ, — и онъ сдѣлалъ выстрѣлъ. Нѣсколько минутъ я стоялъ неподвижно, не понимая и самъ, чего ожидаю, какъ по лѣвую руку раздался болѣз-

ненный вопль и стонъ: я оглядываюсь, и вижу, что жена моя силится подняться со скамьи, но не можетъ. Я подхожу къ ней и вижу—о Небо!—кровь ручьемъ лилась на траву изъ лѣвой ноги ея. Желая осмотрѣть рану, я нашелъ, что пуля пониже колѣна прошла насквозь, и раздробленныя кости высовывались изъ раны. Она продолжала произносить вопли. Несчастная! сказалъ я: видишь ли, какъ правосудное Небо, рано или поздно, наказуетъ беззаконія! Безчестный сообщникъ твоего преступленія погибаетъ отъ руки моей, а ты — можетъ быть — погибнешь отъ руки его!

На звукъ выстрѣловъ прибѣжали Коллинъ и Шарль. Отнесите этихъ несчастныхъ, сказалъ я, на постели, и кто нибудь скачи въ городъ за Докторомъ. Можетъ быть, искуство въ силахъ будетъ спасти ихъ.

Проходя мимо Камергера, я нашелъ, что онъ еще живъ. Хрипѣніе колебало грудь его, и судорожныя движенія потрясали руки и ноги. — Достигнувъ коляски, я



сѣлъ; сопутники вскочили на коней, и всѣ продолжали путь сколько можно поспѣшнѣе. Къ ночи мы проѣхали уже границу, и я велѣлъ остановиться въ первой деревнѣ, чтобы самимъ успокоиться, и дать отдыхъ лошадямъ; ибо, сверхъ того, во весь этотъ несчастный день ни люди ни лошади не ѣли и не пили.

Мы остановились у бѣдной деревенской корчмы, которая по наружности ничего хорошаго не обѣщала; но та ли пора, чтобъ прихотничать? Когда нашъ кучеръ ввезъ коляску подъ навѣсъ, и всѣ лошади снабжены были кормомъ, тогда и меня, съ Клодіемъ и Бернардомъ, ввели въ комнату, которая была довольно просторна, порядочно освѣщена, и столь опрятна, что на скамьяхъ не было комьевъ грязи, а на стѣнахъ охапокъ паутины; а я начитался и наслышался, что въ Испанскихъ, даже городскихъ гостинницахъ, такія прикрасы за ничто считаются. Я сѣлъ за столъ, покрытый чистою скатертью, и спросилъ у стоящаго передо мной пожилаго Испанца съ важнымъ видомъ: я голоденъ, и хо-

чу быть сытъ: скажи хозяину, чтобы приготовилъ самый лучшій ужинъ для меня и для трехъ моихъ оруженосцевъ. — Ваша свѣтлость, отвѣчалъ предстоявшій, вы изволите дѣлать приказанія самому хозяину Маттіасу де Фернандесу; хотя отсюда до Байоны и не близко, но вы не сыщете трактира столь запаснаго, какъ мой, и смѣло скажу, что еслибы самъ Его Католическое Величество благоволилъ у меня откушать, то я нашелъ бы, чѣмъ употчивать его со всею свитой. Сегодня обѣдалъ у меня маленькой Французской Маркизъ съ многочисленными сопутниками, и всѣ довольны были моимъ угощеніемъ. Для маленькаго превосходительнаго приготовлено было — Постой, Донъ Маттіасъ де Фернандесъ, вскричалъ я: скажи, сколько было сопутниковъ у молодаго Маркиза, и кто такіе? — Съ нимъ вмѣстѣ въ каретѣ, отвѣчалъ онъ, сидѣли двѣ Донны, одна середнихъ лѣтъ, а другая гораздо моложе. По обѣ стороны кареты было по одному кавалеру, а на козлахъ сидѣлъ кучеръ въ

великолѣпной одеждѣ. И такъ—ступай же, Донъ Матиіасъ де Фернандесъ, и приготовь ужинъ, сколько можно лучшій и изобильнѣйшій.—Все будетъ въ одну минуту представлено вашей свѣтлости, ибо я живу не безъ запаса, сказалъ хозяинъ, поклонился — и вышелъ мѣрными шагами.

Кажется, здѣсь обѣдали наши путешественники, сказалъ я, и Клодій отвѣчалъ: Нѣтъ сомнѣнія! Мы завтра же ихъ догонимъ. Тутъ завелся-было разговоръ объ ужасныхъ происшествіяхъ сего утра, какъ вдругъ хозяинъ явился съ бутылкой вина и двумя хлѣбами, а за нимъ слѣдовала служанка съ большимъ блюдомъ. Когда сей припасъ уставленъ былъ передо мною, то выпивъ рюмку вина, принялся я за баранину съ подливкою, вскипяченною въ водѣ съ коровьимъ масломъ. Хотя такое блюдо во Франціи и послѣднему изъ моихъ служителей показалось бы не по вкусу, но теперь я насыщался имъ съ особенною пріятностью Вскорѣ поставлены были пара жареныхъ цыплятъ и такой же заяцъ, тамъ рыбное блюдо, а ужинъ оканчивался яишницею.

Донъ Маттіасъ де Фернандесъ, стоя поодаль, безпрестанно упрашивалъ ѣсть и пить побольше, ибо-де не во всякомъ трактирѣ къ Королевствѣ удастся найти такой ужинъ. И дѣйствительно не могъ я надивиться запасливости хозяина, и укорялъ въ клеветѣ тѣхъ писателей и путешественниковъ, кои поносятъ Испанскія гостинницы какъ со стороны опрятности, такъ и угощенія.

Какъ скоро я насытился, то всталъ и началъ расхаживать по комнатѣ, а на моемъ мѣстѣ сѣли кавалеры Клодій, Бернардъ и вновь призванный кавалеръ Марсель, мой кучеръ. Хотя наставленнаго для меня кушанья осталось болѣе двухъ третей, однако вновь принесено было блюдо оллы потриды *, три большіе куска сыру, три хлѣба и три бутылки вина.

«Кушайте, господа кавалеры, кушайте на здоровье, и не говорите, что въ трактирѣ Дона Маттіаса де Фернандеса мож-

* Любимое блюдо у Испанскихъ простолюдиновъ: оно есть похлебка, составленная изъ разныхъ мясъ.

но также хорошо поститься, какъ въ Кармелитскомъ монастырѣ. — Мои кавалеры и безъ потчиванья хозяйскаго не дали бы маху; они убирали все, какъ проголодавшіеся волки, и когда на столѣ ничего не осталось, то всѣ расположились къ покою, я въ коляскѣ, а прочіе — гдѣ кто хотѣлъ. Передъ выходомъ изъ корчмы, я приказалъ Клодію честно разсчитаться съ хозяиномъ, ни мало не торгуясь, и какъ скоро разсвѣтетъ, то не дожидаясь моего пробужденія, ѣхать далѣе.

Утро было прелестное. По обѣ стороны дороги зеленѣли виноградные сады и оливковыя деревья. Клодій и Бернардъ, кинувъ затѣйливую наружность, ѣхали позади коляски рядомъ, и курлыкали какую-то пѣсню. Я предался размышленію и задумчивости, не могу сказать пріятной, — ибо воспоминаніе бѣдствія, такъ недавно случившагося, все еще стѣсняло мое сердце, все еще колебало мои мысли,— но и не томительной, ибо я достойно отмстилъ вѣроломной женщинѣ и гнусному ея обольстителю.

Около полудня Клодій вскричалъ: я вижу не вдалекѣ деревню, и пробирающуюся въ нее карету. — Такъ! сказалъ Бернардъ: я примѣчаю позади кареты двухъ вершниковъ; это наши! — Услыша эти слова, я съ радостнымъ біеніемъ сердца поднялся, взглянулъ вдаль въ зрительную трубку, и вскричалъ радостно: такъ, друзья мои, это моя карета: вотъ, по правую руку Петръ, по лѣвую Пикаръ. Марсель! поспѣшай, сколько будетъ въ лошадяхъ силы.—Кучеръ присвиснулъ, взмахнулъ бичемъ, и коляска помчалась.

Черезъ полчаса и мы въѣхали въ деревню, и спѣшили достичь кареты, стоявшей не очень далеко у корчмы. Клодій и Бернардъ, какъ изъ лука стрѣла, пустились впередъ, и когда моя коляска была отъ кареты саженяхъ въ десяти, то я увидѣлъ Терезу, спѣшащую ко мнѣ съ Леонардомъ на рукахъ. Рядомъ съ нею шла Маша, а за ними слѣдовали всѣ мои служители. Стремительно принялъ я съ рукъ няньки сына, поднялъ его вверхъ и возгласилъ: Отецъ щедротъ и милосердія!

призри бѣднаго сироту сего! у него нѣтъ матери, а отецъ изгнанникъ!—Я не могъ сказать болѣе; слезы полились градомъ по щекамъ; въ глазахъ потемнѣло; я пошатнулся; устрашенная Тереза выхватила дитя изъ рукъ моихъ, а Клодій и Бернардъ, поддерживая подъ руки, подвели меня къ близъ-стоявшей скамьѣ и усадили. Тутъ вся прошедшая жизнь представилась мнѣ по порядку происшествій. Правосудный и милосердый Боже! говорилъ я самъ въ себѣ: если бы отецъ мой не былъ столь суроваго нрава, то я имѣлъ бы обожаемую Юлію моею супругой, жилъ бы въ кругу счастливаго семейства, не былъ бы мужемъ развратной женщины, и не пролилъ бы крови моего ближняго. Но таковы судьбы Твои! я ничего не понимаю, и безмолвно слѣдую за рукою, меня ведущею.

Успокоясь нѣсколько, я поднялся со скамьи и сказалъ: Тереза, Маша, и ты Клодій, пройдемся немного по деревнѣ; а ты, Бернардъ, закажи хозяину изготовить для всѣхъ насъ хорошій обѣдъ. Судя по наружности, эта корчма лучше

Фернандесовой, такъ надобно ожидать и угощенія лучшаго. Послѣ этого началась наша прогулка. — Ничего нѣтъ глупѣе и несноснѣе Испанской спѣси. Всякой бродяга носитъ предлинную шпагу, и владѣлецъ ветхой хижины, и малаго участка земли, считаетъ себя не менѣе Гранда первой степени.—Прошло около часа прогулки, какъ Бернардъ настигъ насъ, и съ превеликою важностью сказалъ: Ваше Превосходительство! Донъ Гусманъ де ла Кодоносъ, желая вамъ здравія и долгоденствія, покорно проситъ въ содержимую въ замкѣ его гостинницу пожаловать откушать.—Послѣ сего онъ, отворотясь, захохоталъ во все горло и бросился назадъ скорыми шагами. — Чтобы это значило? спросилъ я у Клодія.—Не знаю, отвѣчалъ сей, а думаю, что недаровое. Пойдемъ, и узнаемъ.— Когда вошли мы въ столовую, то я увидѣлъ, что всѣ мои служители имѣли красные глаза, и платками вытирали щеки. Послѣ обѣда, думалъ я, узнаю причину непомѣрной радости, и сѣлъ за столъ, велѣвъ Терезѣ и Машѣ помѣстить-

ся со мною. Я выпилъ рюмку вина, и сказалъ Клодію: «ты, другъ мой, все хорошо обдумалъ на счетъ нашего путешествія, но забылъ, что Французскому дворянину Испанскія вина» — Дверь отворилась, и степенный старикъ, похожій на изсохшую ель, вошелъ въ сопровожденіи служанки, несшей огромную глиняную миску. Когда она поставлена была на столъ, то Донъ Гусманъ де Кодоносъ, подошедъ съ улыбкою, сказалъ: увѣряю кавалерскою честію, что это истинно Княжеское блюдо! извольте откушать, ваша свѣтлость, этихъ бобовъ, вареныхъ съ оливковымъ масломъ.—Я взглянулъ на него съ удивленіемъ, и сказалъ: можетъ быть, это Княжеское блюдо и полюбится моимъ кавалерамъ, а мнѣ—Донъ Гусманъ де Кодоносъ, прикажи подать что нибудь другое. — Хозяинъ наморщился, отступилъ шага на два, и сказалъ служанкѣ: возьми, Марцеллина, и отнеси; а на мѣсто этого подай вторую перемѣну.—Марцеллина исполнила повелѣнное, и предо мной поставлено было сарачинское пшено, разваренное въ во-

дѣ и посыпанное изюмомъ.—Вотъ Кардинальское кушанье, сказалъ хозяинъ. — Это кутья, сказалъ я, которую ѣдятъ поминая мертвыхъ.—Марцеллина! подавайка третью перемѣну, а это Прелатское блюдо предложи моимъ кавалерамъ. Неужели я попалъ въ монастырь Кармелитовъ босоногихъ? — Никакъ, отвѣчалъ хозяинъ, у меня гащивали высочайшіе чиновники Королевства, и были весьма довольны; не понимаю, какъ ваша свѣтлость—Третья перемѣна состояла въ жареныхъ каштанахъ. Я ахнулъ. Что такое, Донъ Гусманъ де ла Кодоносъ, вы вознамѣрились меня и всѣхъ насъ уморить съ голоду?—Ахъ, Господи! сказалъ вздохнувши Гусманъ: сколько Испанскіе Гранды снисходительны, столько Французскіе взыскательны. — Тутъ нѣтъ никакой взыскательности, Донъ Кодоносъ, отвѣчалъ я снисходительно, а простое требованіе, которое конечно можетъ остаться и неисполненнымъ. Какъ напримѣръ не поблагодарить Дона Маттіаса де Фернандеса за вчерашній ужинъ! — Маттіаса

Фернандеса? вскричалъ съ крайнимъ удивленіемъ Донъ Гусманъ; я бѣдняка этого довольно знаю, и удивляюсь, что его ужинъ — Да, сказалъ я полусердито; на столѣ у бѣдняка сего были баранина, цыплята, заяцъ, яишница, а не — Праведное Небо! воскликнулъ Донъ Гусманъ со вздохомъ; видно вы околдованы были. — Я разрѣшу эту загадку, сказала Тереза съ улыбкою. Вчера, въ обѣденную пору, мы нашли у Маттіса обѣдъ гораздо скуднѣе, чѣмъ здѣсь. Намъ подано было дурное вино, черствой хлѣбъ и кусокъ заплѣснѣвшаго сыру, а вмѣсто десерта нѣсколько головокъ луку. Я также удивлялась, какъ вы, г-нъ Маркизъ, удивляетесь теперь; а болѣе всего меня тревожила мысль, чѣмъ накормить малюшку. Недоумѣніе свое сообщила я хозяину, сказавъ, что на рукахъ моихъ маленькой Французской Маркизъ, который луку ѣсть не станетъ. — А, а! вскричалъ радостно Маттіасъ; если такъ, то все къ вашимъ услугамъ: дайте мнѣ реаловъ съ двадцать или тридцать, да въ помощь двухъ ва-

шихъ кавалеровъ, то увидите, что Донъ Матшіасъ де Фернандесъ надѣлаетъ чудесъ. — Браво, вскричалъ Петръ, схватя его за руку; пойдемъ же поскорѣе; у меня на рукахъ всѣ расхожія деньги. Пикаръ, пойдемъ вмѣстѣ.

Около часа не было объ нихъ слуху. Бѣднаго малютку я потчивалъ хлѣбомъ, намоченнымъ въ винѣ. — Наконецъ мы увидѣли ихъ, идущихъ по улицѣ. Предводитель каравана сего, Матшіасъ, неся на плечахъ крошню съ курами и цыплятами, волокъ за рога большаго барана, котораго упорство было причиною къ замедленію. У Петра за плечами былъ кузовъ съ сыромъ и хлѣбомъ, а въ рукахъ лукошко съ яйцами. Пикаръ везъ на телѣжкѣ боченокъ съ виномъ, на верху коего прикрѣплена была корзина со всякими овощами и зеленью. Еще часа черезъ два обѣдъ былъ готовъ, и мы были имъ весьма довольны. При выѣздѣ изъ той деревни, Петръ, давая Матшіасу цѣлой червонецъ, сказалъ: смотри, хозяинъ, не прозѣвай. Сего-дня къ ужину, или завтра къ

обѣду, будетъ къ тебѣ знатный Французскій господинъ. На эти деньги приготовь для него столъ, сколько можно лучшій. Что ты скажешь? — Если бы вашъ знатный господинъ былъ самъ Дофинъ, отвѣчалъ онъ съ восторгомъ, то на этѣ деньги угощаю его не хуже, чѣмъ въ Версали или Фонтенбло! — Съ этими словами мы отправились впередъ.

Такъ вотъ! вскричалъ Донъ Кодоносъ съ восторгомъ, вотъ и отгадка, отъ чего ваша свѣтлость не пошли въ спальню, покушавъ хлѣба съ лукомъ. Если благоугодно вамъ, чтобъ и въ моемъ трактирѣ вы угощены были не хуже — Клодій! вскричалъ я съ нетерпѣніемъ, — и этотъ вѣрный слуга, схватя за руку Дона Гусмана, потащилъ изъ комнаты, а за нимъ и всѣ мои служители послѣдовали. Около трехъ часовъ мы никого не видали, и я началъ выходить изъ терпѣнія, какъ вдругъ явился Донъ Кодоносъ съ торжествующимъ видомъ. Шедшая за нимъ служанка была одѣта гораздо чище, чѣмъ прежде. Начался обѣдъ, и я долженъ при-

знаться, что онъ былъ и изобильнѣе, и вкуснѣе, и даже затѣйливѣе, чѣмъ вчера у Маттіаса. Обѣ сидѣвшія со мною Донны очень довольны были, и изъявляли благодарность хозяину; а онъ, ходя по комнатѣ задравши голову, улыбался и закручивалъ усы.

Надобно было приготовляться въ дальнѣйшій путь. Донъ Гусманъ, коему за труды и хлопоты щедро заплачено было, сказалъ: Ваша Свѣтлость! до Байоны доѣдете вы не прежде, какъ около полуночи, и не найдете даже и того, что первоначально нашли у Маттіаса, то есть: ни хлѣба, ни луку. Чтобъ избавиться этого несчастія, осмѣливаюсь представить вашей свѣтлости, не благоугодно ли будетъ повелѣть, чтобъ двое изъ вашихъ кавалеровъ, отправясь теперь же въ Байону, пріискали хорошій трактиръ, въ которомъ можно бъ было хорошо поужинать, и было бъ на чемъ отдохнуть? —Благодарю за совѣтъ, сказалъ я съ признательностью. Петръ, Пикаръ! поѣзжайте съ Богомъ, и когда въ городѣ все у-

строите, то одинъ изъ васъ пусть ожидаетъ у городскихъ воротъ нашего прибытія.

Все устроено было по сему распоряженію, и въ Байонѣ, во время двухсуточнаго нашего пребыванія, мы находили въ нашемъ пристанищѣ всѣ удобности жизни. До самаго Мадрита не встрѣчали никакихъ непріятностей, кромѣ небольшихъ, сопряженныхъ со всякою дальнею поѣздкою. Прибывъ въ эту столицу набожнаго и вмѣстѣ спѣсиваго народа, я остановился въ домѣ довольно удобномъ вмѣстить меня со всемъ людствомъ, ибо за два дня до моего пріѣзда въ городъ, хлопотали о томъ Бернардъ и Клодій съ утра до ночи. Цѣлая недѣля прошла сколько въ отдохновеніи, столько и въ расчетахъ. Надо было пріискать нѣсколько новыхъ слугъ, ибо Клодія нарекъ я управителемъ всего дома, а остальными тремя обойтись никакъ нельзя было. Къ Терезѣ приставилъ я также служанку, ибо Марья, при первой удобности, должна была возвратиться къ мужу. Какъ бы то ни было,

только въ продолженіе недѣли мы совершенно отдохнули и устроились такъ, какъ будто въ Мадритѣ нѣсколько лѣтъ постоянно проживали.

Первой мой выѣздъ былъ къ Французскому Посланнику при Мадритскомъ Дворѣ. Этотъ достойный мужъ принялъ меня очень ласково, и весьма терпѣливо выслушалъ повѣсть о моихъ приключеніяхъ, заставившихъ бѣжать изъ отечества. Подумавъ нѣсколько времени, онъ сказалъ: по моимъ мыслямъ, самое затруднительное въ вашемъ положеніи обстоятельство есть то, что вы безъ вѣдома начальства оставили полкъ свой, а что всего хуже, оставили полкъ, расположенный на границѣ. Тестя вашего я весьма хорошо знаю. Онъ самолюбивъ, дерзокъ,—но вмѣстѣ съ тѣмъ честенъ, и неизмѣненъ въ своихъ правилахъ. Совѣтъ мой будетъ состоять въ томъ, чтобъ вы увѣдомили его подробно о всемъ, съ вами случившемся, и предоставили его справедливости исходатайствованіе всемилостивѣйшаго прощенія и дозволенія возвратиться въ отечество.

Какъ скоро вы оное получите, то я обязанностью поставлю представить васъ Двору Испанскому, и увѣренъ, что вы найдете при немъ много такихъ особъ, кои достойны всякаго почтенія; а между тѣмъ домъ мой прошу почитать своимъ.

Мы разстались съ нимъ весьма пріятельски.

Я думалъ и передумывалъ, какимъ образомъ писать къ Маршалу: употребить ли слогъ нѣжный, томный, умоляющій, какой приличенъ несчастному самоизгнаннику; или пламенный, рѣзкій, непреклонный, изображающій человѣка твердаго, оскорбленнаго, мало отмстившаго за обиду, ему сдѣланную. По довольномъ обдумываніи, я избралъ середину, изготовилъ посланіе, приложилъ къ нему письмо Камергера къ Аделандѣ, и отправилъ на почту. Чтобы не быть въ совершенной бездѣйственности, я началъ ежедневно осматривать всѣ достопамятности Мадрита и окрестности его. Каждую Пятницу проводилъ я у Посла, отъ обѣда до глубокой ночи. Но какъ онъ, сообразуясь съ

Испанскими обычаями, принималъ однихъ мужчинъ, ибо всѣ пріѣзжающія дамы и дѣвицы сей-часъ провожаемы были на половину его супруги, то сходбища наши скоро сдѣлались для меня скучны. Ни о чемъ болѣе говорено не было, какъ о политикѣ и о торговлѣ. Французы болтали безумолкно, а Испанцы весьма мало. Однако жъ, изъ числа послѣднихъ мнѣ понравился одинъ пожилой мужчина, по имени Донъ Альфонсъ де Квирпналъ. Онъ имѣлъ кроткій взглядъ, тихой голосъ, степенную, но не гордую поступь, и единственно изъ угожденія надмѣнному своему родственнику, изрѣдка упоминалъ о какомъ-то Испанскомъ Князѣ, своемъ родоначальникѣ, за котораго Сципіонъ Африканскій выдалъ свою племянницу и былъ посаженымъ отцемъ. Донъ Альфонсъ также отличилъ меня отъ прочихъ Французовъ, и нерѣдко — отозвавъ къ сторонѣ — по нѣскольку минутъ сряду со мною разговаривалъ. Это не шутка! Скоро открылъ я въ немъ основательный умъ, даръ краснорѣчія, довольныя познанія, и —

вмѣстѣ съ тѣмъ — увы! гдѣ найдемъ совершеннаго человѣка? нѣкоторые немаловажные недостатки. Онъ поступалъ во всемъ такъ, что если бы жилъ хотя за сто лѣтъ прежде, то такіе подвиги его были бы препрославлены. А теперь—надъ нимъ бы смѣялись, если бъ Испанцы не считали великою неприличностью смѣяться надъ кѣмъ-либо, а особливо надъ землякомъ. Но не столь разборчиво думали Французы, и нѣкоторые изъ нихъ, бывшіе помоложе, дозволяли себѣ всякаго рода эпиграммы на счетъ вдохновенности этого полуправеднаго. Онъ принималъ на одну минуту надмѣнный видъ Испанца, обозрѣвалъ насмѣшниковъ съ примѣтнымъ негодованіемъ, и даже унизительнымъ сожалѣніемъ о ихъ невѣжествѣ, и такимъ образомъ отмстивши, отходилъ обыкновенно въ другую сторону, и погружался въ задумчивость.

Однажды, когда онъ болѣе обыкновеннаго огорченъ казался насмѣшками молодёжи, и сидѣлъ въ углу крѣпко нахмурясь, я подошелъ къ нему съ истиннымъ

соучастіемъ и сказалъ: что такое, почтенный Донъ Альфонсъ, заставило васъ представлять здѣсь лице древняго Гераклита, и плакать о людскихъ глупостяхъ? Я думаю, что гораздо сходнѣе подражать Демокриту: а если это не нравится, то совсѣмъ ихъ оставить, и не казаться имъ на глаза. — Господинъ Маркизъ! отвѣчалъ Донъ Альфонсъ, улыбнувшись: вы много ошибетесь въ моемъ нравѣ и образѣ мыслей, если сочтете меня способнымъ оплакивать глупости человѣческія, или ихъ осмѣивать. Во мнѣ нѣтъ ни того, ни другаго. Я охотно подвергаю себя нападкамъ глупцовъ, чтобы тѣмъ испытать силу моего терпѣнія, столь необходимаго въ томъ званіи, въ которое вступить надѣюсь. Пойдемъ въ садъ, тамъ скажу вамъ гораздо болѣе, нежели сколько здѣсь сказать можно.

Когда усѣлись мы въ дальней бесѣдкѣ, то Донъ Альфонсъ продолжалъ: — я буду теперь откровененъ, ибо считаю васъ разсудительнѣе всѣхъ молодыхъ кавалеровъ, при вашемъ посольствѣ здѣсь находящих-

ся. По смерти отца, я остался владѣтелемъ значительнаго имѣнія. Всѣ родственники и знакомые считали, что двадцатипяти-лѣтній Альфонсъ де Квириналъ, пользуясь свободою, богатствомъ и здоровьемъ, слѣдуя примѣру большей части себѣ подобныхъ, со всего размаху бросится въ омутъ, и пустится обѣими руками сгребать съ себя излишества сихъ даровъ Божіихъ, и увѣщевали меня быть осторожнѣе, — но они ошибались. Я ни къ чему не имѣлъ привязанности, хотя мнѣ все хорошее нравилось. Такимъ образомъ я пріобрѣталъ друзей, безъ малѣйшаго искательства, и лишался ихъ безъ соболѣзнованія. Вскорѣ я женился, не чувствуя къ женѣ и тѣни той любви, какую начитывалъ въ нашихъ романахъ и самъ воспѣвалъ въ балладахъ и романсахъ, по требованіямъ старыхъ красавицъ и ихъ дочекъ. Вся жизнь моя была подобно пруду, осѣненному высокими деревьями, которыя хотя и защищали поверхность его отъ напора вѣтровъ, но за то не допускали и солнце освѣщать пасмурные бере-

га его. Я жилъ, чтобы ѣсть и пить. Наконецъ мнѣ все надоѣло. По совѣту моего духовнаго отца, пустился я путешествовать по Испаніи, посѣтилъ всѣ святыя мѣста, и умолялъ Небо даровать мнѣ наклонность къ чему нибудь, только бы избавиться мнѣ несносной безчувственности. Небо услышало мои молитвы, и сжалилось надо мною. Однажды, размышляя о сей жизни и будущей, я почувствовалъ внезапно кроткій пламень, разлившійся въ груди моей; мысли мои воспарили въ высоту, и я ощутилъ непреодолимую наклонность посвятить всего себя Небу, и остальные дни жизни провести гдѣ нибудь во святой обители. Но какъ достигнуть сей прекрасной цѣли? Я супругъ молодой еще женщины, и отецъ пятнадцатилѣтней дочери, Діаны. Хотя послѣднюю воспиталъ я съ возможнымъ раченіемъ, внушая ей отъ самой колыбели всѣ возможныя добродѣтели, приличныя полу ея, однако же ни мало не помышлялъ сдѣлать ее въ цвѣтущихъ лѣтахъ отшельницей, и тѣмъ добровольно лишною

кучу грѣховъ принять на свою отвѣтственность. Я рѣшился молчать о страстномъ своемъ предпріятіи, и — терпѣть по прежнему, хотя на душѣ моей было уже и легче, какъ скоро узналъ предметъ моей сердечной наклонности.

Спустя два года послѣ сего перелома въ моихъ чувствованіяхъ, жена моя умерла. Я оплакалъ потерю эту непритворно, не потому, чтобы страстно любилъ Донну Сильвію, но по тому, что ни мало не любилъ ни одной посторонней женщины. По прошествіи времени, установленнаго для наружнаго сѣтованія, я съ дочерью явился въ свѣтъ, нетерпѣливо желая, чтобы кто нибудь изъ молодыхъ кавалеровъ плѣнилъ невинное сердце ея. Вскорѣ примѣтилъ я съ ужасомъ, что Діана смотрѣла на всѣхъ, какъ смотритъ прекрасная статуя Чтобы сколько нибудь изподволь пріучить къ нѣжности это каменное сердце, я вызвалъ изъ Барселлоны родственницу мою, Калисту, нѣжную, чувствительную, страстную ко всему хорошему. Діана полюбила ее какъ родную сестру,

и — казалось, для нее одной имѣла сердце. Калиста, слѣдуя моему предписанію, читала ей самыя нѣжныя описанія блаженства, во взаимной любви находимаго, указывала на приманки любви сей во всей природѣ, на землѣ, въ водѣ и въ воздухѣ, и въ жару восторга, коимъ пылала грудь ея, она не примѣчала, какъ Діана засыпала на ея колѣнахъ. Такая безчувственность въ молодой дѣвицѣ, приводила Калисту въ трепетъ, и она, разсказывая мнѣ о томъ, проливала слезы чувствительности и досады. Такъ прошли еще два года, и я, къ несчастію, не замѣчаю въ безчувственной ни какой перемѣны: она и теперь столь же опытна въ любви, какъ двухлѣтній младенецъ. Ахъ, Маркизъ! вотъ истинная причина моей горести, и того равнодушія, которое столь смѣшнымъ кажется землякамъ вашимъ!

Это весьма походитъ на романъ, сказалъ я подумавъ; и можно ли только было ожидать такого чуда подъ прекраснымъ небомъ Испаніи? Желалъ бы я хотя одинъ разъ взглянуть на Донну Діану,

чтобы, возвратясь въ отечество, имѣть право сказать: я видѣлъ въ Испаніи такую рѣдкость, какой никто, ни гдѣ, никогда не видывалъ! — Любопытству вашему удовлетворить не трудно, отвѣчалъ Донъ Альфонсъ; черезъ три дня исполнится Діанѣ двадцать лѣтъ; я сдѣлаю небольшой пиръ, призову ближнихъ родныхъ и друзей, и прошу васъ также къ обѣду пожаловать. Вы увидите безчувственную, и — отдадите справедливость моему терпѣнію.

Какая задача для молодаго Французскаго Маркиза? Не славнѣе ли было бы для всякаго рыцаря вѣка Карлова одушевить мраморъ, чѣмъ очарованнымъ мечемъ разрушить такой же замокъ? Съ нетерпѣніемъ ожидалъ я роковаго дня, и — наконецъ онъ насталъ. Имѣя довольно времени обдумать планъ нападенія, я утвердился на томъ, чтобы равнодушную, безчувственную Донну Діану разтрогать съ такой стороны, откуда она менѣе всего ожидала приступа. На семъ основаніи поступилъ я такимъ образомъ:

Въ надлежащій часъ я одѣлся въ бога-

тое, великолѣпное платье Испанское. На шею повѣсилъ золотую цѣпь съ такимъ же изображеніемъ Лудовика Святаго, которое этотъ Монархъ подарилъ нѣкогда дому Газаровъ, за ихъ услуги. Дорогіе каменья блистали на кольцахъ и пряжкахъ. Въ семъ убранствѣ сѣлъ я на Андалузскаго коня, и въ предшествіи Испанскаго скорохода и въ сопутствіи Клодія и Бернарда, также богато одѣтыхъ въ ливреи по цвѣтамъ гербовъ моихъ, отправился къ дому Дона Альфонса де Квиринала. Проѣзжая мимо его оконъ со всею важностью Гранда первой степени, я не могъ не замѣтить, что всѣ окна были наполнены людьми обоего пола. Вѣрно въ числѣ этихъ любопытныхъ была и Діана, думалъ я, слѣзая съ коня: это не худо! Если хочешь тронуть сердце, или по крайней мѣрѣ занять воображеніе женщины, то прежде всего надо возбудить ея любопытство. — Хозяинъ съ распростертыми объятіями встрѣтилъ меня на крыльцѣ, обнялъ дружески, и—введши въ гостиную—наилучшимъ образомъ представилъ многочислен-

ному собранію. Донъ Альфонсъ скромничалъ, сказывая мнѣ за три дни, что на этотъ праздникъ пригласилъ только нѣсколькихъ друзей и сродниковъ. Напротивъ, тутъ были собраны почти всѣ лучшіе люди изъ придворнаго сонма, изъ войска, изъ духовенства и гражданскаго сословія.

Когда я самымъ вѣжливымъ образомъ раскланялся съ присутствующими, то Донъ Альфонсъ ввелъ меня въ другой покой, гдѣ находились женщины. Подведя къ одной, которой великолѣпный нарядъ прежде всего обратилъ мое вниманіе, онъ сказалъ: г-нъ Маркизъ! это дочь моя, Діана; прошу быть къ ней благосклоннымъ. — Слѣдуя обычаю страны, въ которой тогда находился, я почтительно сталъ на одно колѣно, и поцѣловалъ край блистательной ея одежды. Вставши, я началъ говорить ей самое лестное привѣтствіе, какое только щеголеватой Маркизъ въ теченіи цѣлыхъ трехъ дней могъ придумать, а между тѣмъ старался однимъ взглядомъ обозрѣть всѣ совершенства или

недостатки занимавшаго меня предмета. Я пораженъ былъ удивленіемъ; какой-то невольной трепетъ разлился въ груди моей, и если я не спутался, не представилъ изъ себя смѣшнаго ротозѣя, то единственно обязанъ этимъ Французскому воспитанію. Окончa привѣтствіе мое Доннѣ Діанѣ, я съ величайшимъ почтеніемъ раскланялся съ прочими Доннами, и съ примѣрною важностью вышелъ изъ комнаты.

Слѣдуя обдуманному предположенію, я поступалъ такъ осторожно, что въ теченіе обѣда, прогулки, вечерняго стола, Доннѣ Діанѣ не случилось слышать отъ меня ни одного ласкательнаго слова, не удалось поймать ни одного страстнаго взгляда; ибо — откровенно сказать, это первое свиданіе съ нею рѣшило участь моего сердца, и я безъ всякаго упорства дозволилъ возложить на него прелестныя оковы. Такъ-то иногда бываетъ, что маловажное начало ведетъ за собою весьма важный конецъ. Надо отдать справедливость, что до тѣхъ поръ я не видывалъ особы столь совершенной, какъ Діана.

Ея возвышенный ростъ, ея гибкій лилейный станъ, ея томный взоръ, большею частію устремленный къ небу или въ землю, дѣлали ее образцомъ красоты, скромности, невинности. Хотя первыя чувствованія мои къ Юліи не совсѣмъ еще охладѣли, но какъ послѣ разлуки съ нею протекло уже болѣе трехъ лѣтъ, и я начиналъ терять надежду о возможности когда нибудь возвратиться въ землю отечественную, то что могло удержать стремленіе мое къ Діанѣ; къ тому жъ, какой молодой человѣкъ, а особливо Французъ, легко откажется отъ чести побѣдить непобѣдимую красавицу? — При разставаньи съ Домомъ Альфонсомъ, я благодарилъ за величайшее удовольствіе, доставленное мнѣ въ его домѣ. — Если у меня вамъ, г-нъ Маркизъ, не совсѣмъ было скучно, отвѣчалъ хозяинъ, обнимая меня, то онъ васъ зависитъ сколько можно чаще посѣщать домъ мой. Я буду очень доволенъ, доставляя нѣкоторое удовольствіе столь совершенному кавалеру. — Я благодарилъ за это ласковое приглашеніе, далъ

слово пользоваться онымъ, и ушелъ, простясь съ Діаною со всевозможною вѣжливостью, то есть съ такою непринужденною холодностью, съ такою тонкою надменностью, что хозяинъ и дочь его (какъ я узналъ послѣ) не мало тому подивились, и послѣдняя не безъ досады спросила у перваго: не въ такихъ ли поступкахъ заключается столь прославляемая у насъ Французская вѣжливость?

Настала осень, почти непримѣтная въ Испаніи, и мои посѣщенія въ домѣ Дона Альфонса сдѣлались чаще и продолжительнѣе. Любовь моя къ Діанѣ началась почти шуточно, какъ я и выше замѣтилъ, а въ послѣдствіи становясь день-ото-дня сильнѣе, превратилась наконецъ въ страсть необузданную. Я старался всѣми позволительными въ Испаніи средствами объяснить ей мои чувствованія: почти каждой день провожалъ ее въ церковь и изъ церкви, давалъ подъ окнами серенады, старался предупреждать малѣйшія желанія. Но тщетно! Я не видѣлъ въ ней ни малѣйшей перемѣны. Она прогуливалась,

читала молитвы, пѣла духовныя пѣсни, играла на лютнѣ, какъ бы при ней никого не было, хотя я и Калиста всюду слѣдовали за нею, какъ тѣнь ея. Я началъ приходить въ отчаяніе. Подруга ея давно дѣйствовала въ мою пользу, за что постепенно руки ея, уши, грудь и голова начали сіять въ перлахъ и драгоцѣнныхъ каменьяхъ. Но успѣха не было. На каждую записку мою къ Калистѣ, (намъ рѣдко удавалось лично быть наединѣ, и то развѣ на самое короткое время) она отвѣчала готовностью удовлетворять моимъ страстнымъ желаніямъ, но что надо подождать, пока откроется удобный случай.

Такъ прошла зима, и настала весна великолѣпная. Лимонныя, апельсинныя и множество другихъ деревъ усыпались цвѣтами душистыми. Вся природа возбудилась къ новой жизни, любовь разлилась между небомъ и землею. Можетъ ли одинъ человѣкъ быть нечувствителенъ? Мнѣ казалось, что я не переживу этой прелестной весны, если не получу отъ Діа-

ны соотвѣтствія на пламенную любовь мою. И такъ я рѣшился, при первомъ свиданіи съ этою нечувствительною красавицею, открыть ей всѣ изгибы сердечныя, всѣ ощущенія душевныя. Присутствіе безотвязной Калисты не должно меня удерживать, говорилъ я самъ себѣ, идучи въ садъ Дона Альфонса, когда въ домѣ его объявили, что Діана съ своею подругой тамъ находится. Я нашелъ ихъ въ бесѣдкѣ, окруженной кустами цвѣтущихъ жасминовъ и розмариновъ. Калиста играла на лютнѣ, а Діана пѣла новый романсъ. Никогда я не слыхалъ отъ нее другаго пѣнія, кромѣ псалмовъ и тому подобныхъ стихотвореній; и такъ посудите, сколько удивленъ, сколько пораженъ былъ я, когда услышалъ, какъ эта строгая, нечувствительная, или лучше сказать безчувственная красавица, нѣжнымъ, томнымъ, сладостнымъ голосомъ изображала сладости и томленія любви. Она продолжала пѣть:

Ахъ! если бы и онъ терзался,
Подобно мнѣ, сей страстью злой,

Давно бъ уже мнѣ въ томъ признался,
И съ пламенной сказалъ слезой:
Діана! кинемъ всѣ сомнѣнья!
Зачѣмъ намъ бѣгать наслажденья?

Кровь во мнѣ закипѣла. Стремительно бросаюсь въ бесѣдку, падаю предъ изумленною красавицей, обнимаю ея колѣна, и — голосомъ, исполненнымъ огня и восторга, взываю: Діана! милая, безцѣнная Діана! бросимъ всѣ сомнѣнія! — Быстро вскочила она, отступила на нѣсколько шаговъ, и приняла такой видъ и положеніе, какое вѣроятно имѣла оскорбленная тѣнь Юноны, вырвавшаяся изъ насильственныхъ объятій дерзкаго Иксіона. Она скорыми шагами вышла изъ бесѣдки, — Калиста, такъ же встревоженная, за нею послѣдовала.

Кто опишетъ состояніе моего сердца! Я такъ пристыженъ, поруганъ! О женщины! Кто бы на моемъ мѣстѣ не подвергся подобному ослѣпленію. Нѣтъ, ни самъ Пигмаліонъ не могъ бы одушевить Діаны!

Съ мрачными мыслями оставилъ я жи-

лице Дона Альфонса, принесши клятву забыть Діану, и всѣми мѣрами стараться искоренить изъ сердца образъ, недостойный моего обожанія. Разумѣется, что весь день провелъ я въ тоскѣ, а ночь въ безсонницѣ. Чѣмъ болѣе старался разсѣяться, тѣмъ менѣе успѣвалъ въ томъ, и началомъ и концемъ каждой мысли была Діана. Тогда только испыталъ я, что любить непреклонную гораздо мучительнѣе, чѣмъ быть женату на ненавистной. Однако жъ, какъ дворянину не устоять въ своемъ словѣ? Цѣлые три дня бродилъ я по полямъ и рощамъ въ окрестностяхъ Мадрита, и если принималъ нѣсколько пищи и питья, то единственно по неотступнымъ просьбамъ всегда сопровождавшихъ меня Клодія и Бернарда.

Такъ прошла цѣлая недѣля послѣ глупаго приключенія въ бесѣдкѣ; но у меня на сердцѣ не сдѣлалось легче, и я невольно вздрагивалъ при каждомъ о томъ воспоминаніи.

Въ одно прекрасное утро, когда я, погруженный въ мрачную задумчивость, бро-

дилъ по саду моего дома, вдругъ увидѣлъ бѣгущаго ко мнѣ изо всѣхъ силъ Клодія, съ большимъ свертикомъ бумаги въ рукѣ. —Добрыя вѣсти, г-нъ Маркизъ, кричалъ онъ издали, вотъ вамъ письмо отъ Его Свѣтлости, вашего тестя, что узнаю я по гербамъ печати.—Я задрожалъ, и чувствовалъ, что сердце мое забилось сильнѣе прежняго. Взявъ бумагу въ руки, я сѣлъ на скамьѣ, и нѣсколько времени пробылъ въ молчаніи; наконецъ разломалъ печать, и прочелъ слѣдующее:

«Господинъ Маркизъ!

«Обстоятельства требовали, что я до сихъ поръ не отвѣчалъ вамъ на письмо, писанное ко мнѣ назадъ тому около года. Хотя вы знаете меня не много, однако надѣюсь, знаете столько, что считаете человѣкомъ, любящимъ честь болѣе всего на свѣтѣ. Свидѣтельствуюсь моею совѣстью — это много сказано для Маршала Франціи—что ничего не зналъ о безчестныхъ поступкахъ моей дочери до тѣхъ поръ, пока она за оные не наказана. Я

послалъ въ проклятой домъ искуснѣйшихъ врачей, чтобы приложили всѣ мѣры къ излеченію преступниковъ. Хотя одна пуля прошла сквозь бокъ гнуснаго Камергера, а другая раздробила ногу вѣроломной женщины: но отъ такихъ ранъ не всегда умираютъ. Выздоровленіе изверговъ было весьма медлительно, однако жъ они выздоровѣли. Камергеръ отдѣлался тѣмъ, что на груди и на спинѣ его выросли большіе горбы, а дочь моя стала ходить съ помощію костыля, на деревяшкѣ. Этого только и ожидалъ я. Отправясь во дворецъ, я просилъ аудіенціи, и тотчасъ допущенъ былъ къ Королю. Я разсказалъ Его Величеству все случившееся въ моемъ семействѣ, и просилъ о правосудіи. Онъ принялъ отъ меня просительную бумагу, и обѣщалъ сдѣлать все, чего потребуетъ его обязанность. Спустя три дни я получилъ, чрезъ Королевскаго Адъютанта, милостивѣйшій рескриптъ, при коемъ приложены были слѣдующія бумаги: 1) пожалованіе Маркиза де Газара Генераломъ Французской арміи; 2) дозволеніе пробыть

ему въ чужестранныхъ владѣніяхъ, доколѣ пожелаетъ; 3) бракъ его, по желанію отца Маркизы Аделанды, расторгнуть навсегда, и она обязывается остальную жизнь провести въ монастырѣ безвыходно; 4) Камергеръ де Флизакъ изгоняется отъ Двора навсегда, съ воспрещеніемъ такъ же проживать въ столицѣ, или въ окрестностяхъ ея.

«Вы можете заключить, господинъ Маркизъ, что я очень былъ доволенъ столь правосуднымъ рѣшеніемъ потомка Генриха Четвертаго. Все въ нѣсколько дней приведено было въ дѣйствіе. Виновная дочь моя заключена въ монастырь, а ненавистный обольститель оставилъ столицу. Кажется, вы должны быть спокойны и довольны. Маршалъ Франціи иначе поступить не можетъ и — не долженъ. — Несчастныхъ дѣтей моей презрѣнной дочери, Эмиля и Адель, я взялъ въ Парижъ, и буду воспитывать ихъ сколь можно лучше. Они недолжны страдать за беззаконіе своихъ родителей, и хотя я изъ числа первыхъ Перовъ государства, но го-

товъ снизойти иногда и къ низкому сословію людей. Господинъ Маркизъ! Всѣ бумаги, какія вамъ могутъ современемъ и по обстоятельствамъ понадобиться, посылаю къ вамъ. По возвращеніи во Францію, вы найдете во мнѣ лучшаго своего друга.

«Маршалъ Д.»

Прочитавъ всѣ бумаги, я ожилъ. Свобода представилась мнѣ въ видѣ прелестнаго божества, кроткаго, улыбающагося. Бунтующая страсть къ Діанѣ — казалось — перешла въ чувство простой склонности; образъ юной, нѣжной, невинной Юліи носился передъ глазами моего воображенія, и я рѣшился воспользоваться дарованнымъ мнѣ отъ Неба правомъ на счастіе. — Клодій! вскричалъ я; хочу и велю, чтобъ черезъ два дня все было готово къ дорогѣ. Мы опять увидимъ Францію, увидимъ Юлію, и — будемъ счастливы. — Господинъ Маркизъ! сказалъ съ необыкновенною важностью Клодій: я смотрю безъ очковъ, а потому думаю, что лучше васъ вижу предметы, какъ близкіе,

шакъ и дальніе. У меня въ два часа все готово будетъ къ отъѣзду; но справедливость требуетъ, чтобъ вы распростились со здѣшними друзьями, и въ особенности съ Дономъ Альфонсомъ. — Ты говоришь правду, сказалъ я; уложилъ полученныя бумаги въ карманъ, и въ сопровожденіи одного Бернарда полетѣлъ къ дому Альфонсову.

Старикъ только что кончилъ свои молитвы, и готовился завтракать вмѣстѣ съ дочерью и Калистою. Меня сейчасъ къ нему допустили. Окинувъ всѣхъ однимъ взглядомъ, я замѣтилъ, что веселый Донъ Альфонсъ на сей разъ былъ насмуренъ, какъ западный вѣтеръ; дочь его подобилась увядающей лиліи; на глазахъ Калисты блистали слезы. Я смѣшался, и, не помня самъ себя, бросился въ объятія добраго Альфонса. — Что за новости? вскричалъ старикъ: съ нѣкотораго времени я заваленъ загадками. Маркизъ не каженъ глазъ болѣе недѣли; дочь бѣгаетъ меня, какъ Алжирскаго Дея; Калиста тоскуетъ и плачетъ. Что все это зна-

чить? — Любезный другъ! отвѣчалъ я: ничего не могу сказать на счетъ твоего семейства; но что касается до меня, то надѣюсь, ты примешь участіе въ перемѣнѣ судьбы моей. Прочти эти бумаги. Ты увидишь, какъ рѣшеніе Неба правосудно. — Черезъ два дня лечу во Францію. Этотъ день я посвящаю дружбѣ, и пробуду здѣсь до самаго вечера.—Ахъ, Господи! раздался болѣзненный голосъ Калисты, я и Донъ Альфонсъ быстро оглянулись, и оторопѣли, увидя, что бѣдная, бездыханная Діана лежала на колѣнахъ сестры своей. — Опять новости! вскричалъ огорченный отецъ; праведное Небо! что изъ всего этого будетъ?

Послѣ употребленныхъ стараній, Діана открыла глаза, и ручьи слезъ заструились по лилейнымъ щекамъ ея. Она взглянула на небо, на меня, въ землю, вздохнула, — и опустила на лице покрывало. Я не могъ болѣе удержаться. Какое-то неясное, но сильное чувство говорило мнѣ: ободрись! ты любимъ! — Я бросился на колѣна, взялъ руку Діаны, поднялъ

ее, осыпалъ поцѣлуями, и вскричалъ къ изумленному отцу: во имя вѣчныя любви — благослови насъ. — Діана откинула покрывало, привстала, прижала руку мою къ своему сердцу и — зарыдавъ снова — поверглась въ мои объятія. — Донъ Альфонсъ проиираль глаза, восклицалъ ко всѣмъ Святымъ, и, наконецъ, съ слезами родительской любви обнялъ насъ обоихъ.

Коротко сказать, объясненія слѣдовали за объясненіями; всѣ недоразумѣнія изчезли, и я — къ неописанному блаженству — узналъ, что единственно мнѣ принадлежитъ сердце нѣжной, страстной дѣвицы, хотя иногда легковѣрной, мечтательной. Предупреждая всѣ поводы, могущіе тронуть безмѣрную чувствительность моей Діаны, я отправилъ своего Леонарда съ Терезою въ Римъ, гдѣ предположено дать ему начальное воспитаніе. Свадьба совершена торжественно. Я утопалъ въ блаженствѣ. Но есть ли что прочное подъ луною?

По прошествіи полугода послѣ счастливой моей женитьбы, я узналъ, что Діана будетъ матерью. Я не въ состояніи

изобразить нравъ этой несравненной женщины. Если бы живописцу надобно было списать изображеніе нѣжности, то ему необходимо должно бы посмотрѣть на Діану, проникнуть въ изгибы сердца ея, остановить на себѣ взоръ ея, взоръ Ангела небеснаго. Милосердый Боже! Для чего излишество, даже въ добродѣтели, всегда для насъ пагубно?

Въ опредѣленное время Діана подарила меня сыномъ, котораго, въ честь его дѣда, назвалъ я Альфонсомъ. Мать и дитя были здоровы; дни мои текли по прежнему: въ мирѣ, любви и довольствѣ. — Какъ справедливо утверждаютъ, говорилъ я нерѣдко, что благое Провидѣніе все устроетъ къ наилучшему концу. Что была бы вся жизнь моя, если бы Аделаида вела себя какъ должно? Не всякое ли утро встрѣчалъ бы я мученіемъ? не всякая ли ночь омрачала бы меня тоскою, страданіемъ?

Сколько я ни былъ счастливъ, однако жъ не могъ не замѣтить, что моя милая Діана начала измѣняться въ лицѣ и

нравѣ. Въ ласкахъ ея вмѣшивалось какое-то принужденіе, какое-то неудовольствіе, какое-то отвращеніе, и я очень встревожился. Со всею строгостью безпристрастнаго судіи я пробѣжалъ въ мысляхъ всѣ поступки свои, всѣ слова, всѣ движенія, и не находилъ ничего, чѣмъ бы могъ подать поводъ хотя къ малѣйшему на себя нареканію. Я даже примѣтилъ, что и Калиста подвержена была равной со мной участи. Діана день-ото-дня становилась къ ней холоднѣе; я старался отгадать тому причину, настоятельно распрашивалъ, и бѣдная дѣвушка всегда отвѣчала мнѣ со вздохомъ: я думаю, что Діана нездорова! Какъ жаль, что она скрываетъ источникъ своей болѣзни!

Сыну моему исполнился годъ возраста, и Донъ Альфонсъ расположилъ день рожденія своего внука праздновать самымъ торжественнымъ образомъ. Жена моя еще за три дни отправилась въ монастырь блаженной Клары, дабы тамъ попоститься. Тесть мой такъ же вздумалъ набожничать, и на канунѣ праздника уѣхалъ въ пусты-

ню преподобнаго Франциска. Почему и не такъ? говорилъ я: что многіе народы назвали бы излишествомъ, то для Испанца составляетъ набожность.

Насталъ незабвенный для меня день — день рожденія моего сына, день встрѣченный съ чувствомъ истинной радости, и проведенный въ горести и сѣтованіи. Съ восходомъ солнечнымъ весь домъ наполненъ былъ суетою и приготовленіемъ къ празднеству. Прошелъ полдень, и гости начали собираться. Все изготовлено, и единственною остановкою было отсутствіе жены моей и шестя. Солнце склонилось къ западу, а ожидаемыхъ нами особъ нѣтъ какъ нѣтъ. Нетерпѣніе и безпокойство разлились по всему обществу; всѣ попеременно подходили къ окнамъ, выглядывали, пожимали плечами, и не знали, что заключить объ этой странности. Наконецъ, вошелъ старый Діэго, дворецкій Дона Альфонса. Онъ съ робостью осмотрѣлся, подошелъ ко мнѣ дрожащими ногами, подалъ большой свертокъ бумагъ, залился слезами и поспѣшно вышелъ. Съ неизъясни-

мымъ чувствомъ тоски, горести и угрожающей бѣды, я разломалъ печать и прочелъ слѣдующее:

«Господинъ Маркизъ!

«Наконецъ Небо услышало мои молитвы, и я блаженствую. Когда вы читаете эти строки, то у васъ уже не будетъ ни тестя, ни жены, а будутъ смиренные богомольцы, Амвросій и Доминика. Такъ, господинъ Маркизъ, Діана поручила мнѣ увѣдомить васъ, что не могши сберечь любви вашей, она не дорожитъ свѣтомъ и жизнію. Она искренно желаетъ вамъ счастія съ Калистою, которая хотя преступила законы дружбы, родства, гостепріимства, но она прощаетъ ее. Сына вашего, Альфонса, я дѣлаю наслѣдникомъ всего моего имѣнія, и прилагаю законныя на то свидѣтельства. Переписка ваша съ неблагодарною Калистою, также препровождается. Дочь моя въ послѣдній разъ проситъ васъ—забыть о ней, и не искать случая ее видѣть. Она увѣряетъ, что вездѣ найдетъ блаженство, гдѣ только не

будетъ встрѣчать вѣроломнаго и вѣроломной. Будьте спокойны, г-нъ Маркизъ, если соблаговолишь на то праведное Небо! Васъ не забудетъ, въ молитвахъ своихъ, смиренный

Амвросій.»

Кто опишетъ великость бѣдствія, столь мгновенно меня постигшаго? Я лишился чувствъ, и когда пришелъ въ себя, то увидѣлъ, что лежу въ постелѣ. Клодій и Бернардъ сидѣли у ногъ моихъ и плакали. — Милосердый Боже! сказалъ я, получивъ употребленіе языка: или я видѣлъ ужасный сонъ, или и подлинно сдѣлался несчастнѣйшимъ человѣкомъ! — Я не ожидалъ выздоровленія, и — однакожъ выздоровѣлъ, и на собственномъ опытѣ дозналъ, что какъ радости, такъ и печали житейскія невѣчны.—Первое употребленіе возвращенныхъ силъ было — летѣть въ обитель Клары; но мнѣ было отказано въ свиданіи съ Діаною. Всѣ мои письма къ сей неумолимой, возвращаемы были печатанныя. Плотныя покрывала, въ коихъ закутывались всѣ инокини, не

дозволяли мнѣ отличить мною искомую. Каждой день я посѣщалъ сію обитель, и каждый день возвращался домой въ тоскѣ и горести. Такъ прошло полгода, и — я получаю горестное извѣстіе о кончинѣ Діаны. Мнѣ дозволено было видѣть ее въ гробѣ: я видѣлъ, и ручьи горькихъ слезъ текли изъ глазъ моихъ. Пребываніе въ Испаніи сдѣлалось для меня нестерпимо. Куда же обратиться? Въ отечествѣ ожидали меня насмѣшки, а можетъ быть и оскорбленія. Можно ли найти лучшее убѣжище, кромѣ Италіи, гдѣ вѣроятно и не слыхали о похожденіяхъ Маркиза де Газара? Чувство любви къ сыну Леонарду оживилось въ душѣ моей; я утвердился въ этихъ мысляхъ, распродалъ имѣніе Дона Альфонса, простился съ нимъ письменно, и оставя при себѣ однихъ Клодія и Бернарда, распустилъ прочихъ служителей, и съ маленькимъ Альфонсомъ отправился въ столицу Христіанства. Я предположилъ вести жизнь самую скромную, уединенную и остальные дни посвятить на воспитаніе сыновей своихъ.

Достигнувъ Рима, я остановился жилищемъ въ предмѣстіи города, подлѣ полуразвалившагося храма Діаны. Лучшимъ препровожденіемъ времени считалъ я блуждать среди этихъ обломковъ, обновлять въ душѣ своей образъ моей незабвенной Діаны, легковѣрной, мечтательной, но всегда драгоцѣнной для моего сердца. Дѣти мои подрастали; снѣдающая меня горесть превратилась въ томное ощущеніе потерь моихъ; я спокойнѣе началъ смотрѣть на небо, на землю, на самаго себя. Главнѣйшими занятіями моими были посѣщенія библіотекъ, картинныхъ галлерей, музыкальныхъ залъ, церковныхъ ходовъ, и тому подобное. Такъ прошла часть лѣта, осень и зима. Проходили цѣлые дни такъ, что я не прежде вспоминалъ объ Аделандѣ и Діанѣ, какъ увидя Леонарда и Альфонса. Такъ-то подвержено все непрерывнымъ перемѣнамъ на лицѣ земли.

Въ началѣ весны весь Римъ возмутился. Причиною этому было появленіе прекрасной Сициліянки, Лорендзы. Народная молва предупредила ея прибытіе. Мнѣ ска-

зывали достовѣрные люди, что она за нѣсколько лѣтъ была театральною пѣвицею въ Палермѣ, и восхищала народъ какъ прелестями лица, такъ и пріятностью голоса. Пожилой Графъ Тигриллн плѣнился ею несказанно, и предложилъ къ услугамъ ея свое золото. Противъ его чаянія и противу всѣхъ обыкновеній, красотка съ презрѣніемъ отвергла такое приношеніе, и бѣдный любовникъ въ пылу страсти предложилъ ей свою руку. Его выслушали благосклонно, и — вскорѣ прелестная пѣвица сдѣлалась Графинею.

Достиженіе важнаго званія въ обществѣ, не всегда приноситъ съ собою благоразуміе. Лорендза и не думала перемѣнить образа жизни, и по прежнему пѣла, но только не на театрѣ и не за денежную плату, а въ кругу знатнѣйшихъ собраній —изъ однѣхъ лестныхъ ей похвалъ и рукоплесканій. Сперва Графъ Тигриллн морщился и вздыхалъ, потомъ началъ ворчать, а наконецъ бранился и грозилъ. Лорендза расплачивалась тою жъ монетой, и вскорѣ они совершенно другъ другу

опротивѣли. Графъ, владѣя большимъ имѣніемъ и пользуясь—по званію своему—знакомствомъ и дружбой многихъ знатныхъ и сильныхъ людей, такъ умудрился, что прелестная супруга его ничего не предчувствовала, какъ получена была изъ Рима Булла, въ силу которой бракъ ихъ расторгнутъ, и Лорендза однимъ разомъ потеряла и мужа и графство, но не бодрость. Въ жару гнѣва и негодованія, оставила она чертоги Графскіе, и вознамѣрилась веселою, непринужденною жизнію вознаградить себя за два скучные года, проведенные подъ властью угрюмаго мужа. Графъ съ своей стороны былъ нѣсколько причудливъ. Сложивъ съ себя охотно званіе супруга, онъ никакъ не хотѣлъ оставить ревнивости, и преслѣдовалъ бѣдную Лорендзу въ самыхъ невинныхъ удовольствіяхъ ея. Каждой шагъ ея былъ опороченъ, каждое слово дурно перетолковано, словомъ—сколько было у нее прежде друзей, столько нашлось теперь враговъ, гонителей. Она возненавидѣла неблагодарное отечество, которое увеселяла столь-

ко времени своими дарованіями, собрала все свое имущество, котораго было на довольно значительную сумму, и отправилась въ Римъ, чтобы тамъ проводить жизнь покойную, независимую.

Она не ошиблась въ своемъ ожиданіи: гдѣ ни являлась прелестная Сициліянка,— такъ обыкновенно ее называли — повсюду встрѣчаема была восторгами удивленія, всюду сопровождаема страстными взорами и вздохами. Въ первой разъ я увидѣлъ ее въ церкви Св. Петра, и окаменѣлъ отъ удивленія. Ничего подобнаго я въ свѣтѣ не видывалъ, ни такихъ пламенныхъ глазъ, ни такого ослѣпляющаго бѣлизной лица, ни такого стройнаго стану.—Нѣтъ, думалъ я, Графъ Тигрилли не такъ безуменъ, какъ говорятъ о немъ! Чѣмъ бы не пожертвовалъ я, только бъ воспользоваться правами супруга Лорендзы!

Я нашелъ случай войти въ домъ этой Нимфы-очаровательницы, и умножилъ собою число страстныхъ воздыхателей. Вскорѣ показалось мнѣ, что и меня отличаютъ отъ прочей толпы, и надежда при-

дала мнѣ смѣлости. При первой удобности, я упалъ къ ногамъ ея, открылся въ пламенной любви, и предложилъ руку свою, богатство и званіе Маркизы. — «Государь мой!» отвѣчала Лорендза со всею прелестью чистосердечія: «я не такъ уже молода и неопытна, чтобъ не замѣтила чувствованій, какія вы съ нѣкотораго времени ко мнѣ питаете; — признаюсь охотно, что изъ всѣхъ мужчинъ, которые изъявляли здѣсь любовь ко мнѣ, я отдаю вамъ преимущество, и готова соединить судьбу свою съ вашею. Однако жъ, будучи несчастна первымъ супружествомъ, я старалась найти тому причины, и нашла, что сколько ни виновенъ Графъ Тигрелли, но не меньше того и я сама. Я никогда не должна была забывать первобытнаго моего состоянія, и весьма не скоро вмѣшиваться въ общества, такъ называемаго, большаго свѣта. Чтобъ роза могла цвѣсть долѣе и пріятнѣе, не надобно ей безпрестанно стоять на солнцѣ. И такъ, г-нъ Маркизъ, если вы думаете быть со мною счастливы, то пріищите гдѣ ни-

будь въ предѣлахъ Италіи уединенное жилище какъ можно отдаленнѣе отъ городовъ столичныхъ. Тамъ проживемъ мы — если не всю остальную жизнь, то по крайней мѣрѣ нѣсколько лѣтъ, въ продолженіе коихъ исчезнетъ въ памяти людской мысль о Палермской пѣвицѣ Лорендзѣ, и если необходимо надо будетъ опять явиться въ шумныхъ обществахъ, то они встрѣтятъ уже настоящую Маркизу.»

За такую милую откровенность я поблагодарилъ Лорендзу, осыпалъ руки ея страстными поцѣлуями, и клялся, что предположенный ею планъ для будущей жизни совершенно согласенъ съ моими склонностями. Мы условились, чтобы при постороннихъ людяхъ ни мало не обнаруживать нашихъ взаимныхъ намѣреній.

Скоро нашелся случай обзавестись мнѣ домомъ въ Италіи, и я считалъ, что прелестная эта земля сдѣлается новымъ моимъ отечествомъ. — Я купилъ въ Калабріи богатое графство Жокондо, и подъ этимъ новымъ именемъ отправился туда съ обоими сыновьями, въ сопровожденіи

Клодія, Бернарда и Терезы. Въ ожиданіи Лорендзы, я сколько можно лучше украсилъ замокъ, домашнюю церковь и обширные сады; нанялъ приличное число слугъ и служанокъ, и принялъ странствующаго чичерона * Джіованно въ качествѣ домашняго секретаря и разсказчика. По прошествіи мѣсяца пребыванія моего въ замкѣ Жокондѣ, прибыла прелестная невѣста, и — я сдѣлался счастливымъ супругомъ.

Не буду описывать того блаженства, коимъ наслаждался я въ объятіяхъ любви, мира, непрерывнаго спокойствія. Годъ прошелъ—какъ одинъ веселый день, и Тереза нянчилась уже съ юнымъ Піетромъ, залогомъ взаимной нашей нѣжности.—Общество наше составляли сосѣдніе дворяне, люди конечно простые, воспитанные среди лѣсовъ Калабрійскихъ, но добрые, безхитростные. Въ ведреные дни я нерѣдко занимался охотою, а въ ненастные бесѣдою съ Джіованомъ. Этотъ новый чи-

* Такъ называются въ Италіи люди, кои показываютъ другимъ всякія рѣдкости, и разсказываютъ объ нихъ всѣ подробности.

черонъ былъ довольно ученъ, много путешествовалъ, и говорилъ пріятно. Хотя я зналъ, что онъ не очень строгихъ правилъ, но мнѣ какая до того нужда? Я всегда думалъ: не осуждай, да не осужденъ будеши!

Такъ прошелъ еще годъ, и я началъ думать о поѣздкѣ въ Реджіо, дабы милую жену мою позабавить городскими увеселеніями, такъ давно ею кинутыми. — Въ одинъ день, когда я передъ полуднемъ, сидя въ бесѣдкѣ моего сада, дѣлалъ расчетъ, чего будетъ стоить предполагаемая поѣздка, вошелъ ко мнѣ Бернардъ и таинственно сказалъ: простите, г-нъ Маркизъ, если я, отъ избытка усердія, скажу что нибудь можетъ быть неосновательное. Не задолго предъ этимъ я видѣлъ, что въ каштановой рощѣ, по дорогѣ къ селенію, нашъ Джіовано отъ неизвѣстнаго господина принималъ большой кошелекъ съ золотомъ. Какая бъ нужда была сноситься незнакомцу съ здѣшнимъ чичерономъ? На что тутъ деньги, если дѣло чисто? Боюсь, не кроется ли тутъ измѣна?

Едва кончилъ онъ слова эти, какъ въ дубовой аллеѣ раздался ужасной крикъ, вопль, рыданіе. Я сильно встревожился и выбѣжалъ изъ бесѣдки. Что жъ увидѣлъ я? Клодій и Тереза въ величайшемъ безпорядкѣ, послѣдуемые множествомъ слугъ и служанокъ, спѣшили ко мнѣ—ломая на рукахъ пальцы. Ахъ, г-нъ Маркизъ! вопіялъ Клодій: теперь-то нужно вамъ все присутствіе духа! приготовтесь къ перенесенію самой большей потери, какой только могли вы страшиться. — Что такое? спросилъ я, и почувствовалъ, что кровь во мнѣ начинаетъ леденѣть. — Г-жи Маркизы — отвѣчалъ Клодій, и рыданія его усилились. — Говори, закричалъ я внѣ себя: — что такое сдѣлалось? — Ее нѣтъ болѣе! сказала съ воплемъ Тереза.— Я окаменѣлъ; голова закружилась; въ глазахъ потемнѣло, — я лишился чувствъ.

Пришедъ наконецъ въ себя, я приказалъ объяснить мнѣ подробно, какимъ гибельнымъ случаемъ лишился я жены и счастія? — Клодій сказалъ слѣдующее: — сего-дня явившись къ г-жѣ Маркизѣ для по-

лученія дневнаго приказа, я засталъ уже тамъ Джіовано. Онъ разсказывалъ, что одна поселянка, готовящаяся къ смерти, изъявила сильное желаніе повидаться съ госпожею, и ввѣрить ей весьма важную тайну, отъ чего зависитъ спокойствіе послѣднихъ минутъ ея.—Хорошо, сказала Маркиза: желанія умирающихъ должны быть исполняемы. Клодій! Тереза! проводите меня. — Богоугодныя дѣла, замѣтилъ чичеронъ съ набожнымъ видомъ, не требуютъ свидѣтелей! — Однако жъ, отвѣчала Маркиза, и благоприличія никогда забывать не надо. Клодій! Тереза! слѣдуйте за мною.

Когда пришли мы въ каштановую рощу, то откуда ни возьмись, какъ будто съ неба, упало письмо къ ногамъ Маркизы. Я поспѣшилъ поднять, и видя надпись на ея имя, подалъ ей. Не безъ смущенія развернула она бумагу, и чѣмъ далѣе читала, тѣмъ примѣтнѣе было ея изумленіе; руки ея стали дрожать, и—вдругъ—милосердый Боже! раздается выстрѣлъ, и Маркиза, обливаясь кровью, повергласъ на

землю. Чичеронъ поднялъ вопль, и хотѣлъ бѣжать, но только не къ за́мку, а въ противную сторону. Я остановилъ его и закричалъ: нѣтъ, злодѣй! ты не уйдешь отсюда. Вижу, что это гибельное происшествіе тобою приготовлено! — На общій нашъ крикъ и плачъ прибѣжали изъ деревни крестьяне и крестьянки. Мы положили бездыханные уже останки добродѣтельной Маркизы на носилки, и принесли въ за́мокъ. Изверга Джіовано велѣлъ я запереть въ башню за́мка впредь до вашего о немъ повелѣнія. Вотъ и роковое письмо, кинутое къ Маркизѣ невидимою рукой.

Я развернулъ гибельную бумагу, и прочелъ слѣдующее:

«Я не знаю, какъ назвать тебя, Лорендза! Назову неблагодарною, злобною, развратною, несчастною! Развѣ не довольно награждена была ты за оказываемыя мнѣ ласки не болѣе двухъ лѣтъ, что и по расторженіи нашего постыднаго брака, дозволено было тебѣ безъ наказанія пользоваться имѣніемъ, собраннымъ на те-

атрѣ и въ моемъ домѣ? Не говорилъ ли я тебѣ въ Палермо, не писалъ ли въ Римъ, что честь знаменитаго моего имени требуетъ, чтобы ты, хотя и оставленная супруга, не дерзала никому отверзать своихъ объятій, иначе погибель твоя неизбѣжна. Неужели думала, безразсудная, что слова Графа Тигрелли только пустой звукъ, теряющійся въ воздухѣ? Ты осмѣлилась презрѣть слова мои, и должна въ этомъ раскаяться. Очень лукаво поступила ты, скрывшись въ трущобы Калабріи, и я очень долго искалъ тебя, пока нашелъ. Честный Джіовано доставляетъ мнѣ случай видѣть тебя въ уединенномъ мѣстѣ, наслаждаться неизъяснимымъ удовольствіемъ разсматривать этотъ ужасъ, простертійся по лицу твоему, эту дрожь, потрясающую всѣ члены твои, эти мутящіеся глаза, эти блѣдныя полуотверзтыя губы; — умри, несчастная!»

Какое пагубное стеченіе обстоятельствъ! говорилъ я; какой злой рокъ меня въ женахъ караетъ! Я лишился и тренъей, и все насильственнымъ образомъ! Боже право-

судный! за какія добродѣтели я имѣю троихъ сыновей? за какія преступленія ни одинъ изъ нихъ не имѣетъ матери?

Я стеналъ, рвался и проливалъ горькія слезы. Никакія утѣшенія окружающихъ меня не касались моего сердца. Я не хотѣлъ видѣть дѣтей, а особливо бѣднаго, маленькаго Піетро, и не зналъ, буду ли въ силахъ взглянуть на ту, которая до сего времени составляла все утѣшеніе моей жизни, всю прелесть ея, — увидѣть въ гробѣ ту, которая за нѣсколько часовъ была въ моихъ объятіяхъ! Ужасно! нестерпимо!

Развернувъ нечаянно роковое письмо, я нахожу приписку, всматриваюсь, и читаю эти строки: — «Предполагая навѣрное, что предъидущее письмо, вмѣстѣ съ трупомъ преступной Лорендзы, представлено будетъ Маркизу де Газару, я долгомъ считаю съ нимъ объясниться. Какъ дворянинъ, онъ долженъ знать, что и я, также какъ дворянинъ, не могъ быть равнодушенъ къ оскорбительницѣ моей чести, къ поругательницѣ моего имени, перешед-

шей послѣ моихъ въ чужія объятія.—Можетъ быть, Маркизъ, какъ Французъ, вздумаетъ горячиться, вопіять объ отмщеніи; въ такомъ случаѣ напоминаю, что я Сициліянецъ, а не Грекъ, и ни предъ кѣмъ въ Свѣтѣ не уклонюсь отъ вызова. Я родственникъ Этны. Однако по совѣсти увѣдомляю, что битва наша будетъ весьма неровная. Если падетъ Маркизъ, то я безъ всякихъ дальнихъ усилій, онъ хлопотъ отдѣлаюсь. Два Кардинала—мои дяди; три Архіепископа одолжены дому нашему своимъ возвышеніемъ; первый Министръ при Неаполитанскомъ Дворѣ—мнѣ двоюродный братъ, да и самъ я кое-что значу въ Палермскомъ Сенатѣ; пусть судитъ Маркизъ, сколько я найду ходатаевъ, защитниковъ! — Если же онъ останется побѣдителемъ, то сколько явится къ обвиненію его сильныхъ людей, которые ничего не пожалѣютъ, только бы увидѣть побѣдителя моего на эшафотѣ. И такъ совѣтую: приведши въ порядокъ семейственныя дѣла, пріѣзжать въ Венецію; тамъ буду я ожидать его ровно

четыре мѣсяца, и меня можно будетъ найти въ гостинницѣ подъ вывѣской *Зеленой чаллы.* Совѣтую дружески, прежде нашей битвы найти корабль, отправляющійся куда-нибудь подальше отъ Италіи, гдѣ бы ужѐ власть Графовъ Тигрелліевъ была безмолвна. Если жъ, чего и ожидаю отъ благоразумія Маркизова, по пришествіи крови его въ порядочное теченіе, онъ опомнится, и я не увижу его въ Венеціи во все свое тамъ пребываніе, то сочту, что онъ отдалъ мнѣ справедливость, и не усомнюсь побывать въ замкѣ его Жокондо.»

Никогда, вскричалъ я, вскочивъ на ноги въ крайнемъ бѣшенствѣ,—никогда дыханіе изверга не осквернитъ воздуха, коимъ дышала нѣжная Лорендза; никогда— Тутъ Клодій и другіе слуги старательно посадили меня въ кресла, и я опять погрузился въ мрачное уныніе.

Зачѣмъ представлять вамъ, друзья мои, ту горесть, ту отчаянную безчувственность при всемъ чувствованіи своихъ несчастій, въ какихъ провелъ я первые три

или четыре дни по плачевной кончинѣ Лорендзы. Въ это время прекрасное тѣло моей супруги поставлено въ маленькой капеллѣ подъ сводами зàмка. Расторопный Клодій взялъ къ себѣ ключи отъ этой печальной юдоли, дабы я не покушался болѣе туда заглядывать и тѣмъ растравлять свои раны.

По прошествіи нѣкотораго времени, когда горесть непомѣрная превращается въ кроткую унылость, и я началъ уже думать и говорить о другихъ предметахъ, кромѣ какъ о моей Лорендзѣ и объ ея кончинѣ, Клодій сказалъ мнѣ откровенно: г-нъ Маркизъ! по моимъ мыслямъ время ужѐ заняться дѣлами внѣ вашего замка. Вы отецъ троихъ сыновей, это не бездѣлица; вы дворянинъ, и — обижены, это также дѣло нешуточное. Впрочемъ воля ваша — нашъ законъ! Если вы намѣрены Графа Тигрелли оставить въ покоѣ, то займитесь по прежнему пріемомъ гостей, охотою, или — Клодій! вскричалъ я: вѣроломнаго, хищнаго Графа оставить безъ наказанія? Да покараетъ меня Богъ и въ

этой жизни и въ будущей, если я окажусь столь недостойнымъ званія, въ коемъ родился, воспитанъ, взросъ и возмужалъ!— Лучи удовольствія просіяли въ глазахъ Клодія, и онъ отвѣчалъ: если въ эту минуту взираетъ на васъ, блаженной памяти, родитель вашъ, то духъ его исполнится неизъяснимаго удовольствія. Но, г-нъ Маркизъ! въ продолженіе двухлѣтняго вашего здѣсь пребыванія, вы успѣли узнать Италіянцевъ. Я думаю, что никакая сторона Европы не спасетъ васъ — рано или поздно — отъ аквы тофаны *. —Какъ же быть? спросилъ я съ неудовольствіемъ: неужели для того, чтобъ быть въ безопасности, я долженъ заточиться въ пустыни Сибирскія или Канадскія, и погребсти тамъ сыновей своихъ, а съ ними всѣ мои надежды на удовольствіе, какое могу еще найти въ свѣтѣ? — Милостивый государь, отвѣчалъ Клодій: я знаю одно мѣсто въ юговосточномъ краю Ев-

* Самотончайшій ядъ, дѣйствующій мгновенно или медленно, смотря по количеству даннаго пріема.

ропы, гдѣ можетъ найти вѣрное убѣжище всякой, такого ищущій. Это мѣсто называется *Запорожская Сѣчь*, и лежитъ недалеко отъ пороговъ Днѣпра, гдѣ вливаются воды его въ Черное море. Первоначально поселились тамъ разнаго званія Малороссіяне, ненаходившіе въ отчизнѣ своей ни крова, ни пищи. Чтобы предохранить себя отъ ссоръ, непорядковъ и раздоровъ, могущихъ небольшую республику эту ниспровергнуть, храбрые люди эти положили непремѣннымъ закономъ — не имѣть при себѣ не только женъ, но даже чтобъ ни одна женщина не переходила воротъ ихъ города. Но какъ и самыя небольшія общества имѣютъ нужду въ ремеслахъ, рукодѣльяхъ и искуствахъ разнаго рода, а посвятившіе себя единственно военному дѣлу люди неудобно и неохотно могутъ заниматься тѣмъ нибудь другимъ кромѣ оружія, то Запорожскіе казаки дозволяютъ и казакамъ жениться, и заниматься куплею и продажею нужныхъ вещей, но съ тѣмъ, чтобы такіе промышленники жили внѣ города Сѣчи въ пред-

мѣстіи и на хуторахъ вмѣстѣ съ женами и дѣтьми. Тамъ дозволяется жить и торговать Христіанамъ всѣхъ исповѣданій, Магометанамъ разныхъ поколѣній, жидамъ и язычникамъ. Въ пріемѣ въ казаки, Старшина * совсѣмъ не заботится, кто изъ желающихъ сдѣлаться Запорожцами — какой вѣры, какой земли, званія, поведенія; равнымъ образомъ не выспрашиваетъ, что̀ принуждаетъ кого, оставя отчизну, искать у нихъ убѣжища. Тамъ есть Англійскіе Лорды, Испанскіе Доны, Французскіе Графы и Маркизы и проч. и проч. Но при вступленіи въ это особеннаго рода общество, подобно какъ при посвященіи въ монашество, надо оставить всѣ прежнія титла и знаки отличія; тамъ всѣ равны: сего-дня Кошевой Атаманъ или Судья, а завтра простой казакъ; при принятіи новаго собрата, ему даютъ прозваніе, какое вздумается, брѣютъ го-

* Этимъ именемъ вообще называются всѣ начальники, какъ-то: Войсковой и Куренные Атаманы-Судья и проч.

лову, оставляя одинъ оселедецъ *, и этотъ профанъ въ короткое время становится посвященнымъ въ таинствахъ Запорожскихъ.

Не доброе ли дѣло сдѣлаете вы, г-нъ Маркизъ, продолжалъ Клодій, — воспламенясь собственнымъ описаніемъ прелестной Сѣчи,—когда прежде низложенія нечестиваго Графа Тигрелли, отправите съ Бернардомъ и Терезою дѣтей своихъ въ предѣлы Запорожскіе? Тамъ поселятся они или въ предмѣстіи или на какомъ нибудь хуторѣ. Старшіе два сына ваши и до сихъ поръ не знаютъ, что вы отецъ ихъ, а меньшой въ такомъ еще возрастѣ, что ничего и понимать не можетъ. Снабдите Бернарда достаточною суммою денегъ, дабы онъ могъ явиться въ Запорожьѣ подъ видомъ иностраннаго купца. Онъ расторопенъ, и скоро въ какомъ нибудь Сѣромахѣ ** признаетъ или Лорда, или Дона, или

* На макушѣ головы небольшой клочекъ волосъ во всю ихъ длину, который завивается за ухо.

** Такъ назывались казаки, кои по безпечной жизни не имѣли у себя даже необходимыхъ вещей.

Маркиза, и поручитъ ему воспитаніе мнимыхъ дѣтей своихъ. Если вы — отъ чего Господь Богъ да сохранитъ—падете подъ ударами Сициліянца, то я, оплакавъ потерю эту невозвратимую, положу гробъ вашъ подлѣ гроба Лорендзы, и взявъ все имущество ваше, соединюсь съ малютками, и поразсужу съ Бернардомъ, что̀ далѣе съ ними дѣлать. Если жъ, чего и ожидаю и о чемъ молю Бога, вы останетесь побѣдителемъ, то мы вмѣстѣ сядемъ на корабль, и отправимся въ землю гостепріимную.

Авениръ умолкъ, и устремилъ испытующіе взоры на лицахъ юношей. Они казались сильно пораженными; робко взглядывали на старца, другъ на друга, и потупляли взоры въ землю. Асціонъ первый оправился, всталъ со скамьи, и измѣнившимся голосомъ сказалъ: Какъ? милосердый Боже! неужели наши родители Бернардъ и Тереза — ахъ! почтенный Атаманъ! разрушь мучительное сомнѣніе мое и моихъ товарищей.—Такъ! сказалъ Авениръ величественно, и взоры его забли-

стали: такъ! приближьтесь, дѣти, обнимите отца вашего.

Кто опишетъ восторгъ и вмѣстѣ смятеніе, съ какимъ молодые воины погрузились въ объятія родительскія! Всѣ они проливали радостныя слезы, цѣловали чело его, руки, и не прежде отошли отъ одра недужнаго, какъ старый Віаноръ, не меньше ихъ растроганный, сказалъ: какъ? неужели дѣти хотятъ несвоевременными ласками умертвить того, котораго не могли низложить сабли Турецкія и стрѣлы Татарскія? — Юноши устыдились сего выговора, сѣли на скамьѣ, и уставили неподвижные взоры на лице отца своего, ловя каждое его движеніе. — Молодые друзья мои, сказалъ Авенпръ, неужели сердца ваши не говорятъ вамъ ясно, кого видите вы въ семъ добродушномъ старцѣ, который былъ вашимъ дядькою въ младенчествѣ, вашимъ защитникомъ въ отрочествѣ, вашимъ руководителемъ въ юности? Вы видите въ немъ моего друга, Клодія!

Юноши опрометью бросились къ стар-

цу, повисли на шеѣ его, и слезы свои смѣшали съ его слезами. — Віаноръ! сказалъ Астіонъ: все, что ты сдѣлалъ для отца нашего и для насъ, достойно имени вѣрнаго дружества. Прими сердечную благодарность нашу, и удостой прежней любви твоей. Но, родитель мой! кто же изъ насъ — Сядьте и успокойтесь, отвѣчалъ отецъ; вы услышите короткое описаніе дальнѣйшей жизни моей и послѣднюю волю мою. Ты, Астіонъ, изъявилъ желаніе знать, кто изъ васъ которую изъ женъ моихъ имѣетъ своею матерью? Самой возрастъ вашъ показываетъ, что ты обязанъ рожденіемъ вѣроломной Аделандѣ; ты Эрастъ—мечтательной Діанѣ, а ты Кронидъ — пламенной, чувствительной Лорендзѣ. Успокойтесь и слушайте далѣе.

Я послѣдовалъ совѣту добродушнаго Клодія. Снарядивъ дѣтей въ столь дальнюю дорогу, я поручилъ ихъ попеченіямъ вѣрныхъ слугъ, Бернарда и Терезы, снабдивъ ихъ достаточною суммою денегъ и пространными наставленіями, какъ вести себя въ незнакомыхъ земляхъ, и какъ увѣ-

домлять меня о своемъ состояніи. Разставшись съ этими предметами, привязывавшими меня къ жизни, я простился съ драгоцѣннымъ прахомъ незабвенной Лорендзы, воспламенилъ въ сердцѣ своемъ всю силу гнѣва и мщенія къ злобному ея убійцѣ, отпустилъ Италіянскихъ служителей, и заперши со всѣхъ сторонъ замокъ, въ сопровожденіи вѣрнаго Клодія пустился въ Венецію. Я достигъ благополучно сей столицы купцовъ-Сенаторовъ, и остановился въ гостинницѣ подъ знакомъ *Зеленой чаллы*. Слѣдуя внушенію благоразумія, я рѣшился никуда не выходить изъ комнаты, и ни кому не сказывать настоящаго своего имени, пока Клодій не отыщетъ корабля, отправляющагося или въ Тріестъ, или въ Стамбулъ. Въ этомъ—такъ сказать—всемірномъ портѣ, я не долго ожидалъ сего случая. Менѣе, нежели черезъ недѣлю, Клодій извѣстилъ меня, что одинъ надежный Греческій корабль черезъ день отправляется въ столицу Оттомановъ.

Ну, отвѣчалъ я: мѣшкать болѣе нечего.

Настало рѣшительное время; или моя честь и честь моего отечества будутъ отмщены, или кости мои успокоятся на цѣлые вѣки подлѣ костей незабвенной Лорендзы.

Поутру слѣдующаго дня условясь съ Даміаномъ, корабельщикомъ, о цѣнѣ за пріемъ двоихъ насъ на свое судно, и за содержаніе во время пути, я тотъ же часъ велѣлъ перенесть на оное всѣ свои пожитки, и ждать насъ на другой день рано поутру.

Вошедъ въ огромную залу гостинницы, наполненную ужѐ множествомъ народа, упражненнаго различными занятіями, я началъ искать моего противника. Проходя мимо столовъ, изъ коихъ за нѣкоторыми играли въ карты, за другими пили кофе, за иными ѣли закуски и забавлялись винами, я увидѣлъ на концѣ залы, въ углубленномъ нишѣ, пожилаго человѣка въ богатомъ Сицилійскомъ нарядѣ. Онъ былъ высокаго роста, съ блѣдными щеками; а черныя густыя брови, нависшія надъ мрачными, впалыми глазами, дѣлали видъ

его столь мрачнымъ, что я изъ любопытства остановился, и пристально его разсматривалъ. Онъ также поглядѣлъ на меня внимательно, и вскорѣ глаза его заблистали, щеки покрылись румянцемъ. Онъ всталъ, подошелъ ко мнѣ съ горькою улыбкой, и устремивъ на меня взоры, сказалъ: я вижу, по вашей одеждѣ, что вы иностранецъ: не могу ли чѣмъ услужить вамъ? я Графъ Тигрелли.

Хотя, при первомъ взглядѣ на сего незнакомца, сердце мое нѣсколько стѣснилось, но теперь, при звукѣ его голоса, при его имени, оно затрепетало, онѣмѣло, и я, молча, его разсматривалъ. Въ такомъ неприличномъ положеніи, можетъ быть, я пробылъ бы и долго, если бъ мой Ангелъ-хранитель не шепнулъ мнѣ на ухо: ты Маркизъ де Газаръ! припомни жъ всегдашнія наставленія отца твоего. — Мгновенно я воспламенился, и подойдя поближе къ Графу, сказалъ равнодушно: я Маркизъ де Газаръ! — Графъ взялъ меня за руку, и подведя къ окну, сказалъ: благодарю, что не заставили меня долго дожидаться. Не

знаю, какихъ вы мыслей въ теперешнихъ обстоятельствахъ, а думаю, что однѣхъ со мною. Путь, нами предпринимаемый, такъ далекъ и важенъ, что безъ хорошаго запаса пускаться въ оный, считаю я дѣломъ крайне безразсуднымъ; и такъ окончаніе нашего спора отложимъ до завтрашняго дня, а весь сегодняшній я намѣренъ посвятить посту, молитвѣ, раскаянію и благотворенію. Завтра—самой отдаленной отъ Венеціи островокъ по направленію къ Истріи служитъ для здѣшнихъ жителей кладбищемъ. Тамъ нѣтъ иныхъ обитателей, кромѣ одного стараго монаха, проживающаго въ хижинѣ подлѣ обвеншалой капеллы. На западномъ берегу у самаго моря возвышается черная мраморная гробница. Сей-часъ я пошлю туда нарочныхъ рабочниковъ, кои выкопаютъ могилу. Завтра поутру постарайтесь, г-нъ Маркизъ, быть тамъ до начатія обѣдни, чтобы пріѣзжающіе съ трупами для похоронъ и отправленія панихидъ надъ усопшими, не помѣшали нашему дѣлу. Я не возьму съ собою болѣе од-

ного слуги, и вамъ, думаю, больше брать не надо. Согласны ли, г-нъ Маркизъ? — Совершенно! — Тутъ онъ, поклонясь вѣжливо, вышелъ изъ залы; равномѣрно и я уединился въ свою комнату.

Долго сидѣлъ я неподвижно, углубясь въ размышленія. Тѣнь моей Лорендзы! улыбнись ко мнѣ изъ селеній райскихъ; или кровь твоя будетъ отомщена, или я скоро соединюсь съ тобою! Эта мысль дѣлаетъ для меня смерть не только сносною, но даже усладительною!

Написавъ завѣщаніе, въ коемъ — разумѣется — сдѣлалъ Клодія душеприкащикомъ; подробно опредѣлилъ всѣ статьи касательно дѣтей моихъ и имѣнія. Обѣдалъ съ добрымъ вкусомъ. Подъ вечеръ былъ я въ сборной комнатѣ, но Графа Розина тамъ не видно было. Въ полночь я заснулъ, и во всю ночь мечталась мнѣ Лорендза во всемъ блескѣ своихъ прелестей.

Едва взошедшее солнце освѣтило поверхность моря и кровли пышныхъ палатъ Венеціянскихъ, я вскочилъ съ посте-

ли, и началъ одѣваться, не дожидаясь Клодія; однако онъ скоро явился и извѣстилъ, что у воротъ дома уже готова гондола. Я вооружился шпагой и двумя пистолетами, и вышедъ изъ гостинницы, чтобъ никогда ужѐ въ нее невозвращаться, сѣлъ въ гондолу и пустился къ кладбищенскому острову. Еще издали увидѣли мы черную мраморную гробницу. Признаюсь откровенно: доселѣ спокойное сердце мое сильно затрепетало отъ какого-то ужаса; отъ смерти и убійства кровь застывать начинала. Я тотчасъ вынулъ табакерку съ изображеніемъ Лорендзы, и кровь снова воспламенилась въ жилахъ моихъ. Я жаждалъ мщенія, и — въ такомъ расположеніи моего духа, пристала гондола къ берегу, на который вышедъ, увидѣлъ, что Графъ стоялъ уже у вырытой могилы, держа подъ лѣвою рукой обнаженную шпагу. Въ нѣкоторомъ отдаленіи стояли слуга его и старый инокъ. Послѣдній былъ очень печаленъ, и казался молящимся.

Собравшись со всею бодростью, я подо-

шелъ къ Графу и сказалъ дружески: какое прекрасное утро! Оно очень подобно тому, въ которое разлилась по землѣ невинная кровь прелестной Лорендзы.—Лишь только послѣдняя мысль,— клянусь — нечаянно пролетѣла сквозь мою душу, и въ воздухѣ разнеслись слова—*кровь Лорендзы:* какъ я наполнился бѣшенства, и отступя на нѣсколько шаговъ, обнажилъ и свою шпагу. Тутъ Графъ, поднявъ на меня глаза, изъ коихъ выскакивали пусклыя искры гнѣва и негодованія, сказалъ: повременитe, г-нъ Маркизъ! въ этомъ почтенномъ старцѣ видите вы отца Бартоломея, который, склонясь на мои просьбы, обязался предать землѣ останки того изъ насъ, который паденъ на землю. Не щадите меня, ибо откровенно говорю, что и васъ щадить не стану. Жизнь одного изъ насъ была бы для другаго вѣчнымъ терзаніемъ. Непремѣнно надобно одному улечься въ этой могилѣ до общаго возстанія; но совѣсть требуетъ правъ своихъ, и хочетъ, чтобы и ничтожной части насъ самихъ отдано было почтеніе, по

обряду вѣры; и такъ не противься отцу этому исполнить послѣдній долгъ сей, равно какъ и я святымъ долгомъ поставляю совершить тоже надъ тобою!

Проговоря слова эти, онъ скинулъ на землю мантію и камзолъ; я тоже сдѣлалъ съ своею одеждою, и мы начали бой.

Я не буду распространяться въ описаніи сего ужаснаго происшествія; довольно сказать, что я въ Графѣ Розинѣ нашелъ такого противника, какого не ожидалъ найти во всей Италіи. Съ каждою проходящею минутою неистовство наше умножалось. Я раненъ былъ уже въ лѣвую руку и въ правой бокъ, и кровь моя полилась на землю. Это утроило мое бѣшенство, я собралъ всѣ силы, соединилъ ихъ съ искуствомъ, отбилъ рѣшительной ударъ, и шпага моя по самой эфесъ вошла въ грудь противника. Кровь его брызнула мнѣ въ лице, и заслѣпила глаза. Всѣ чувства мои взволновались съ такимъ смѣшеніемъ, что я лишился употребленія оныхъ; машинально выхватилъ шпагу изъ груди Графа, отскочилъ вправо шага на

два, задрожалъ, и упалъ на землю. Все это произошло въ одну минуту.

Когда я приведенъ былъ въ себя и всталъ на ноги, то первый предметъ, мною усмотрѣнный, былъ — охладѣвшій трупъ Графа Розини. Бартоломео и слуга его, стоя на колѣнахъ, проливали слезы. Я подошелъ къ нимъ, и также прослезился. Бартоломео, вставши, сказалъ: благодарите милосердому Небу, которое, даровавъ вамъ эту побѣду, даетъ время на исправленіе, и на заглаженіе этого убійства. Спѣшите удалиться въ вѣрное убѣжище; я одинъ съ этимъ вѣрнымъ слугою отдамъ послѣдній долгъ сему несчастному. Видите ли вдали развѣвающіеся черные флаги? Это знакъ, что погребательныя суда уже въ пути на этотъ островъ. Если кто нибудь васъ здѣсь настигнетъ, то опасность неизбѣжна! — Съ растерзаннымъ сердцемъ бросился я съ Клодіемъ въ гондолу, и мы пустились далѣе въ море, къ кораблю Даміанову, куда прибывъ, взошли на оный; послѣ сего тотчасъ началось предназначенное плаваніе.

Путешествующіе по морю имѣютъ гораздо болѣе возможности предаваться размышленію, нежели проѣзжающіе по сухому пути. Въ первомъ случаѣ мы не видимъ ничего, кромѣ необозримой поверхности водной, и безконечнаго шара небеснаго; ничто насъ не развлекаетъ; самой шумъ волнъ, разсѣкаемыхъ носомъ корабля, увеличиваетъ наклонность нашу къ задумчивости. Сидя одинъ въ своей каютѣ, я обозрѣлъ всю цѣпь жизни моей, и нашелъ, что то чувство, которое столько прославлено во всѣхъ вѣкахъ и у всѣхъ народовъ, которое кажется одною изъ важнѣйшихъ причинъ, приковывающихъ насъ къ жизни, что чувство любви было для меня источникомъ истиннаго мученія. Страстно любилъ я милую Юлію, и принужденъ былъ, гордостью и высокомѣріемъ ея, оставить; со всею нѣжностью привязанъ былъ къ прелестной Діанѣ, и она оставила меня по внушенію пагубнаго суевѣрства; со всемъ пламенемъ сердечнымъ боготворилъ я несравненную Лорендзу, и жестокимъ образомъ лишился ее. О лю-

бовь, любовь! чувство сколь сладостное, живоноворное, столько горестное, смертоносное! Нѣтъ! никогда не поддамся уже этой гибельной страсти! хотя мнѣ не много болѣе тридцати лѣтъ, но долженъ быть доволенъ тремя опытами, — продолжать еще испытанія было бы безразсудно!—

Сердце человѣческое никогда не должно быть пусто; иначе, оно уподобится древней гробницѣ, вмѣщающей въ себѣ одно отвратительное тлѣніе. И такъ, чтобы всегда быть занятну, я познакомился съ однимъ пожилымъ Грекомъ Орестомъ, и началъ учиться отъ него языкамъ Греческому и Турецкому.—Какъ корабельщикъ Даміанъ, такъ почти всѣ, находившіеся на кораблѣ его путешественники, были купцы, а потому они по торговымъ дѣламъ останавливались у многихъ острововъ Греческихъ, и мы не прежде приплыли въ проливъ Дарданельскій, какъ чрезъ четыре мѣсяца по выходѣ изъ залива Венеціянскаго, и я столько жъ успѣлъ въ помянутыхъ языкахъ, что могъ довольно

исправно вести простой разговоръ. По совѣту моего учителя Ореста, я, будучи еще на кораблѣ, переодѣлся въ Греческое платье; Клодій мнѣ послѣдовалъ. Это сдѣлано не для того, чтобы въ столицѣ варваровъ не было Европейцевъ, одѣтыхъ въ платья странъ своихъ, но потому, что Грековъ было болѣе всѣхъ; слѣдовательно въ этой одеждѣ одѣтые, менѣе обращали на себя вниманія, а мнѣ того и хотѣлось. При выходѣ съ корабля, я и Клодій сказались также Греческими купцами, получили отъ досмотрщиковъ пропускные виды, и прибывъ въ городъ, остановились на Греческомъ подворьѣ.

Пріятели, мои Греки, узнавъ, что имѣю значительную сумму какъ въ наличныхъ деньгахъ, такъ и въ дорогихъ вещахъ, искренно мнѣ совѣтовали сдѣлаться настоящимъ купцомъ, какое званіе у Турокъ гораздо почтительнѣе, чѣмъ въ другихъ земляхъ Европейскихъ. Я охотно-было склонился на такое предложеніе, и готовился на двѣ трети моихъ денегъ накупить товару, какъ разнесшійся по всему

Стамбулу правдивый слухъ, что богатый Жидъ Мисаилъ, по доносу, что когда-то и гдѣ-то дѣлалъ непозволительное предложеніе какой-то Турчанкѣ, лишился головы, и все имѣніе его отписано на Султана, сдѣлалъ меня благоразумнѣе, и я поудержался объявить о своемъ имуществѣ. — Располагаясь всю наступающую осень и будущую зиму провести въ столицѣ Оттомановъ, я поручилъ Клодію съѣздить въ Запорожскую Сѣчь, и провѣдать, что̀ дѣлаютъ Бернардъ и Тереза съ дѣтьми моими. Клодій отправился въ путь, а я на мѣсто его нанялъ пожилаго Грека Киріака, и началъ вести жизнь тихую и скромную, тщательно избѣгая знакомства съ Турками, а и того болѣе съ Турчанками.

Для знатнаго Француза, привыкшаго къ шумнымъ обществамъ, гдѣ женщины представляютъ первыхъ лицъ и разливаютъ вокругъ себя игры и смѣхи, проживать въ Стамбулѣ значитъ почти тоже, что томиться въ пространной темницѣ. Самымъ занимательнымъ препровожденіемъ

времени для меня было—посѣщать Греческіе монастыри и церкви, или провождать Султана отъ дворца до главной мечети, и оттуда назадъ. Обращаясь безпрестанно съ Греками, я усовершенствовался въ языкѣ ихъ, а съ нѣмъ вмѣстѣ привыкъ къ обрядамъ ихъ богослуженія. Часъ-отъ-часу обряды эти мнѣ болѣе и болѣе нравились, и наконецъ, я ни мало не обинуясь, въ началѣ зимы торжественно посвященъ въ сыны Греческой Церкви и нареченъ Авеппромъ. Не много времени спустя, съ нарочнымъ посланнымъ Татариномъ получилъ я письмо отъ Клодія, изъ коего узналъ, что Бернардъ со всемъ семействомъ поселился въ предмѣстіи Запорожской Сѣчи, и какъ ему показалось, что управлять семействомъ и упражняться въ торговлѣ гораздо удобнѣе двоимъ, чѣмъ одному, то онъ, женившись на сопутницѣ своей, Терезѣ, дѣтей моихъ выдалъ за своихъ. Однако жъ, бывъ истинно мнѣ преданными слугами, они не забыли происхожденія сыновей моихъ, и приговорили ученаго казака, который нѣкогда на-

бирался премудростии въ Кіевской бурсѣ, и избѣгая нищеты, обратился искать счастія въ Запорожской Сѣчи. По ночамъ — ибо открыто заниматься ученіемъ почиталось въ этой чудной столицѣ большимъ беззаконіемъ, — началъ онъ учить ихъ по-Латини и по-Русски читать и писать, и успѣхи ученія его были значительны. Съ тѣмъ же Татариномъ я отправилъ къ Клодію отвѣтъ, въ коемъ поручалъ ему принесть благодарность мою Бернарду и Терезѣ за попеченіе о моихъ дѣтяхъ. Я пріобщилъ подарки для всего семейства, и объявлялъ, что съ наступленіемъ весны, а по послѣдней мѣрѣ лѣта, не премину переселиться къ нимъ и основаться постояннымъ жилищемъ. Я строго наказывалъ, чтобы вамъ, дѣти мои, обо мнѣ не иначе было напоминаемо, какъ о постороннемъ благодѣтелѣ, самомъ ближнемъ родственникѣ и другѣ отца вашего. Я также извѣстилъ его о перемѣнѣ исповѣданія.

Къ исходу зимы, въ самыя сумерки, Киріакъ ввелъ ко мнѣ мальчика лѣтъ пять-

надцати, въ Турецкомъ платьѣ.—Это несчастный, говорилъ слуга съ видомъ большаго соучастія, ищущій у васъ покрова, по крайней мѣрѣ на одну наступающую ночь. Несчастія его такъ велики, что онъ теперь и описать ихъ не въ силахъ. Дайте ему убѣжище до утра, и вы не будете раскаяваться въ содѣяніи добра невинно угнѣтенному.

Такія слова родили въ сердцѣ моемъ живѣйшее соболѣзнованіе, и я съ участіемъ друга подалъ руку молодому, робкому гостю. Мы ужинали вмѣстѣ, и послѣ, указавъ ему диванъ, я раздѣлся, легъ въ постелю, и уснулъ покойно, радуясь объ услугѣ, оказанной ближнему, хотя и разновѣрцу.

Въ самую полночь я разбуженъ былъ сильнымъ стукомъ въ двери моей спальни. Встаю поспѣшно, ощупью пробираюсь, и отворяю. Кто опишетъ мое изумленіе, когда за порогомъ увидѣлъ я, при свѣтѣ многихъ фонарей, четырехъ вооруженныхъ Турокъ, и въ срединѣ ихъ Кадія. Мгновенно ворвались они въ мою комнату, о-

свѣтили ее и подняли вопль, нашедъ моего гостя. — Славныя дѣла производятъ Христіане! возгласилъ Кадій: вовлекая правовѣрныхъ въ грѣхи, которыхъ великій Пророкъ никогда не прощаетъ. Обыщите всю комнату тщательно, и что покажется подозрительнымъ, возьмите съ собою; не мудрено, что такой дерзкой невѣрный имѣлъ намѣреніе обольстить женъ нашихъ и дочерей, и на этотъ предметъ велъ уже переписку. Не много будетъ, если осудятъ его изпустить дыханіе на колѣ.

Когда благочестивый Кадій такъ проповѣдывалъ, сопровождавшіе его янычары забрали мои баулы, въ коихъ заключались всѣ деньги и драгоцѣнныя вещи. Когда молодой Турка одѣлся и вмѣшался въ толпу этихъ изверговъ, то Кадій сказалъ: ты долженъ остаться здѣсь подъ крѣпкою стражею до утра, ибо о дѣлахъ такого рода поутру разсуждать гораздо пристойнѣе, чѣмъ ночью. Ты Гассанъ и ты Омаръ останьтесь за дверьми, и блюдите крѣпко, чтобъ преступникъ не уско-

знулъ изъ рукъ правосудія, а мы отправимся куда надобно.

Они всѣ вышли и заперли двери снаружи, оставивъ меня въ темнотѣ глубокой. Я сѣлъ на окнѣ, и все еще не зналъ, что мнѣ думать о семъ гибельномъ происшествіи. Что, если молодой Турка былъ не что иное, какъ гнусное орудіе скрытаго злодѣйства! Какъ могъ провѣдать о томъ Кадій? Гдѣ былъ Киріакъ во время всей суматохи! Истинно ничего не понимаю!

Я думалъ, передумывалъ, и ни на чемъ не могъ остановиться. Наконецъ разсвѣло, я осмотрѣлся, и не нашелъ ничего изъ своихъ пожитковъ; даже карманные часы были похищены злодѣями. Солнце взошло довольно высоко, а я все еще сидѣлъ въ горестномъ безмолвіи, ожидая, чѣмъ кончится моя участь. Наконецъ, около полудня, дверь комнаты моей отворилась, я вздрогнулъ, ожидая увидѣть грознаго Кадія со стражею, — но обманулся; ко мнѣ вошелъ привѣтливый хозяинъ гостинницы съ письмомъ въ рукахъ.—Я нѣсколько разъ проходилъ мимо дверей твоей комна-

ты, говорилъ онъ: но не слыша ни малѣйшаго движенія, почелъ, что ты спишь, а Киріакъ гдѣ нибудь слушаетъ обѣдню. Теперь только явился ко мнѣ незнакомый Жидъ съ этимъ письмомъ, надписаннымъ на твое имя, и ключемъ отъ твоей комнаты; прочти пожалуй, и буде нѣтъ важной тайны, то скажи и мнѣ, какой есть у тебя пріятель въ здѣшней гавани, и не думаешь ли ты завести иностранную торговлю. Я родился, взросъ и начинаю старѣться въ Стамбулѣ, такъ могу служить тебѣ добрымъ совѣтомъ.

Сколько мнѣ извѣстно, отвѣчалъ я, такъ въ гавани нѣтъ у меня ни души знакомой. Но что дѣлаютъ двое янычаровъ, оставленныхъ ночью у дверей моей спальни на стражѣ, и скоро ли будетъ сюда Кадій? — Янычары? Кадій? спросилъ хозяинъ съ удивленіемъ: ты вѣрно эту ночь спалъ дурно, что и теперь еще бредишь! Читай-ка дружеское письмо, а я между тѣмъ изготовлю приборъ самаго лучшаго кофе; какъ выпьешь чашки двѣ, то вся дурь мигомъ изъ головы твоей вылетитъ.

—Онъ вышелъ; я съ крайнимъ смущеніемъ развертываю письмо и читаю:

«Почтеннѣйшій Авенпръ!

«Прежде всего поздравляю тебя съ совершенною безопасностью отъ Кадія и янычаровъ. Я, нижайшій слуга твой, и нѣсколько искреннихъ моихъ друзей дожили до сѣдыхъ волосъ, борясь съ нищетой. Наконецъ, благое Провидѣніе внушило въ тебя мысль—имѣть меня въ услуженіи. Сначала я прельщался, восхищался, смотря на твое золото и драгоцѣнности; вскорѣ Ангелъ-хранитель мой началъ шептать мнѣ на ухо: Фалалей! неужели съ тебя довольно зѣвать только на чужое имущество? Чѣмъ ты не человѣкъ? и почему не можешь пользоваться онымъ, какъ и другіе?—Я послушался этого спасительнаго гласа, отыскалъ четырехъ друзей моихъ, и условился съ ними — какъ дѣйствовать. Что могло быть разумнѣе нашей выдумки? Надобно было привесть тебя въ такое положеніе, чтобъ ты не

осмѣлился произнесть ни одного слова, а что было бы удачнѣе, какъ не поднять у тебя молодаго Турка? Опытъ доказалъ, сколько мы были догадливы. Чтобъ запастись нужною одеждою и нанять корабль до Каира, я умѣлъ у хозяина гостинницы повытянуть двѣ тысячи цехиновъ, и къ ночи готовы были Кадій, четыре янычара и Турчонокъ, которой въ самомъ дѣлѣ былъ молодой Грекъ, продавшій намъ себя на цѣлый день и ночь за четыре цехина.

«Когда ты читаешь эти строки, то мы уже за сто миль будемъ отъ Стамбула по пути къ Египту. По прибытіи въ Каиръ, прежде всего намѣрены мы поклониться публично великому пророку, завести на общую сумму торговый домъ, накупить прекрасныхъ невольницъ, и зажить настоящими господами. Не долженъ ли ты восхищаться, что цѣлыхъ пять человѣкъ беззащитныхъ Греческихъ бродягъ дѣлаешь на всю жизнь счастливыми Мусульманами. Когда вздумаешь посвятиться въ монахи,—къ чему у тебя довольно склон-

ности, — то не забудь въ святыхъ молитвахъ своихъ смиреннаго

Киріака съ братіею.»

Я сидѣлъ въ окаменѣніи, какъ вошелъ веселый хозяинъ съ кофеемъ.—Ну, что хорошаго пишутъ изъ гавани? спросилъ онъ, присѣвъ подлѣ меня. — Тайны никакой нѣтъ, отвѣчалъ я съ притворнымъ равнодушіемъ, а любопытнаго довольно.—На, читай; тутъ кое-что и до тебя касается.—Онъ схватилъ письмо, и началъ читать въ полголоса, а я, прикушивая кофе, смотрѣлъ въ лице его внимательно. При каждой новости улыбающееся лице его дѣлалось пасмурнѣе, и когда прочиталъ: *я успѣлъ у хозяина гостинницы повытянуть двѣ тысячи цехиновъ*,—то онъ поблѣднѣлъ, задрожалъ всѣмъ тѣломъ, выронилъ изъ рукъ письмо и закрылъ глаза. — Я схватилъ его обѣими руками.—Если и ты не лучше моего проводилъ, то выкушай чашку кофе; увѣряю, что нашедшая на тебя дурь мигомъ изъ головы вылетитъ.—Охъ, горе! сказалъ хозяинъ со стономъ; этѣ

двѣ тысячи цехиновъ составляли половину моего имущества! Что я бѣдный буду дѣлать? Сей-часъ брошусь къ Кадію, отсчитаю пятдесятъ цехиновъ и упрошу его уговорить Визиря, чтобы злодѣевъ искали по всему Каиру, опечатали бъ все ихъ имѣніе.—Пустое затѣваешь, прервалъ я; развѣ для того грабители сдѣлаются ренегатами, чтобы Турки предали ихъ въ наши руки?—Лучше всего успокоиться и поискать способовъ другимъ образомъ вознаградить свою потерю.—Грекъ оставилъ меня со стономъ, а я отправился къ Оресту, учившему меня на кораблѣ по-Гречески и по-Турецки. При разставаньи нашемъ, я, сверхъ значительнаго подарка, ссудилъ его тысячью червонными, и на эту сумму надѣялся удобно достичь Запорожской Сѣчи.

Вотъ настоящая бѣда, говоритъ мой педагогъ! Дня два назадъ на всѣ наличныя деньги накупилъ я товару, и караванъ отправилъ въ Измаилъ, а завтра самъ долженъ туда отправиться. У меня на дорогу не болѣе осталось денегъ, какъ на

прокормленіе себя и трехъ коней. — Подумавъ съ минуту, я восхитился родившеюся во мнѣ мыслію. — Хорошо, пріятель! вскричалъ я: ты ѣдешь въ Измаилъ, и мнѣ нужно быть недалеко оттуда. Ты здѣсь не чужестранецъ, подобно мнѣ, и легко изворотиться можешь. Найди для меня пятьсотъ червонныхъ, мы сквитаемся и поѣдемъ вмѣстѣ въ дорогу.

Пріятель мой весьма обрадовался столь выгодному предложенію; въ тотъ же день вручилъ мнѣ требуемую сумму, и на другой день, оставя Стамбулъ, столько для меня памятный, отправились мы въ путь въ одной повозкѣ. До конца нашей дороги не встрѣчали мы ничего особеннаго. Въ Измаилѣ пробывъ до наступленія весны, я отправился далѣе, и въ свое время благополучно прибылъ въ Сѣчь Запорожскую, подъ видомъ Греческаго купца.

Тайно видѣлся я съ Клодіемъ, Бернардомъ и Терезою. Я нерѣдко видѣлъ и васъ, дѣти мои, не будучи вами узнанъ. Отрощенные усы, остриженные волосы, и длин-

ное платье, видъ мой очень много перемѣнили, такъ, что сначала и Бернардъ не узналъ меня. Приведя въ извѣстность деньги, какъ оставшіяся у меня и у моихъ служителей, такъ и бывшія у нихъ въ товарахъ, я увидѣлъ, что ихъ весьма недостаточно, чтобъ всѣмъ намъ проводить жизнь беззаботную. Обдумывая сей предметъ съ надлежащимъ вниманіемъ, и слѣдуя всегдашней склонности къ военной службѣ, которая одна удобна была залечить раны моего сердца, я рѣшился просить войсковыхъ Старшинъ о принятіи меня въ сочлены. Меня благосклонно выслушали, вписали въ списокъ подъ именемъ Авенира Булата, и я вскорѣ явился въ строю Запорожцевъ, готовящихся выступить въ походъ противъ Турокъ, въ слѣдствіе полученныхъ повелѣній отъ Царя Московскаго. Клодій, не желая со мною разстаться и слѣдуя моему примѣру, принялъ Греческое исповѣданіе, и подъ именемъ Віанора сдѣлался Запорожцемъ, и всталъ въ строѣ подлѣ меня. Не лишнее будетъ прибавить, что онъ лишь только

получилъ отъ меня увѣдомленіе о перемѣнѣ исповѣданія, то и васъ троихъ пріобщилъ къ Греческой Церкви. — Что сказать вамъ, дѣти мои, о воинскихъ моихъ подвигахъ? Десять лѣтъ прошли почти въ безпрерывныхъ походахъ противъ разныхъ непріятелей, а иногда, не хочу грѣха таить — иногда противъ самыхъ Малороссіянъ, хотя и противъ воли. Я постепенно былъ возвышаемъ въ званіяхъ, и обогащался отъ набѣговъ, хотя также безъ особеннаго искательства. Имя мое было прославляемо, и по кончинѣ послѣдняго Атамана, я единодушно всѣмъ войскомъ избранъ въ это верховное званіе.

Хотя устроеніе Запорожской Сѣчи сдѣлано на тотъ конецъ, чтобы храбрые казаки защищали предѣлы Россійскіе отъ безпрестанныхъ нападеній сосѣдей, всегда хищныхъ, всегда вѣроломныхъ; однако и самые эти защитники, сколько по уродливому образованію правленія, столько и потому, что почти половина ихъ состояла изъ иностранцевъ, для которыхъ выгоды

Россіи или ничего, или очень мало значили, нерѣдко бывали гибельнѣе для родныхъ своихъ, чѣмъ невѣрные, а потому я, для отведенія отъ войска угрожавшей бури, два раза бывалъ въ Москвѣ, и всякой разъ мнѣ счастливилось гнѣвъ Царя православнаго обращать на милость. Я былъ приглашаемъ къ столу его и на охоту, и былъ столь счастливъ, что заслужилъ его благоволеніе, а отъ окружающихъ его Бояръ привѣтливость и дружбу.

Узнавъ обстоятельно весь образъ правленія въ Сѣчи, источники общественныхъ и частныхъ доходовъ, нравственность чиновниковъ и простыхъ воиновъ, я сказалъ самому себѣ: когда знатнѣйшія Царства и Республики пали въ свое время, то какъ не послѣдовать этого и съ Сѣчью Запорожскою? — Пройдетъ столѣтіе и,— можетъ быть одинъ только Географамъ будетъ извѣстно мѣсто, гдѣ стояла нѣкогда Сѣчь Запорожская. Мнѣ о самомъ себѣ заботиться еще нечего, но у меня подростаютъ три сына, которыхъ благосостояніе отъ меня должно зависѣть.

Обдумавъ предметъ сей со всѣхъ сторонъ, я въ послѣднюю бытность при Дворѣ Московскомъ, купилъ большое и богатое помѣстье въ области Тульской, и утвердилъ его на имена ваши, дѣти мои, имена, полученныя вами въ нѣдрахъ Греческой Церкви. Я предположилъ продержать васъ при себѣ до совершеннаго вашего возраста; но какъ во все это время проживать вамъ при Бернардѣ и Терезѣ, и заниматься торговыми дѣлами, было бы для будущаго состоянія вашего безполезно и несообразно съ вашимъ происхожденіемъ, то я приближилъ васъ къ себѣ, сдѣлалъ своими оруженосцами, бралъ съ собою при всякомъ походѣ, и былъ совершенно доволенъ вами послѣ каждаго сраженія. Можетъ быть, я и теперь еще вамъ не открылся бы, по ранней вашей молодости, ибо тебѣ, Астіонъ, только двадцать три года, тебѣ же Эрастъ двадцать, а тебѣ Кронидъ осмнадцать лѣтъ; но настоящее положеніе мое того потребовало, и вы знаете обо мнѣ и о себѣ все, что вамъ на первой случай знать нужно. Если угодно будетъ Все-

вышнему призвать меня къ жизни, то я испрошу отъ войска всѣмъ намъ увольненіе, и мы отправимся въ Тульское наше помѣстье; если же по всесвятой Его волѣ Ангелъ смерти смежитъ глаза мои, на такой конецъ объявляю вамъ послѣднюю волю мою:

Отъ Віанора получите вы ключъ отъ потаенной двери, ведущей въ обширное подземелье подъ моимъ домомъ. Тамъ, подъ видомъ храненія вина и другихъ жизненныхъ припасовъ, хранится весьма довольное имущество, въ оружіи, въ серебрѣ, золотѣ и драгоцѣнныхъ каменьяхъ состоящее. Тамъ же найдете вы большое число книгъ и рукописей, собранныхъ мною въ Москвѣ, а что всего важнѣе, тамъ найдете вы ларецъ изъ чернаго дерева, и въ немъ всѣ бумаги, свидѣтельствующія о вашемъ происхожденіи и о правахъ на владѣніе купленнымъ мною помѣстьемъ. Віанору поручено доставить вамъ способъ—отсюда освободиться и спасти все оставляемое мною имущество. Заклинаю васъ, дѣти мои, жить между

собою въ согласіи, безъ всякаго раздѣла, и даже не мыслить о томъ: это мое, это твое. Вы конечно будете имѣть супругъ и дѣтей, но и этимъ послѣднимъ завѣщайте, именемъ моимъ, исполнять эту волю мою до совершеннаго истребленія нашего рода. Теперь ступайте въ свой курень, и ожидайте моего призыва.

Юноши пали на колѣна у одра недужнаго; съ пролитіемъ горькихъ слезъ, облобызали руки его; онъ благословилъ ихъ, и они удалились.

На другой день, около полудня, они, бывъ призваны къ отцу, нашли его спокойнымъ и даже веселымъ. Подлѣ него стоялъ медикъ Сатиръ съ видомъ самодовольствія. —Друзья мои! сказалъ онъ, протянувъ руку: если положиться на увѣренія этого пана Доктора, то Запорожье не лишилось еще своего Атамана. — Такъ, молвилъ Сатиръ, закручивая усы: я божусь памятью Иппократа, что черезъ двѣ недѣли ты будешь бодро сидѣть на конѣ, кушать наливки и курить тютюнъ; только надобно поостеречься, и за все не

приниматься вдругъ совокупными силами. —Будь увѣренъ, сказалъ Авениръ съ улыбкою, что совѣтъ твой съ точностью исполненъ будетъ.—Онъ далъ знакъ Віанору; этотъ вручилъ Эскулапу кошелекъ съ золотомъ, и веселый медикъ удалился.

Предсказаніе его сбылось. Авениръ день ото-дня становился здоровѣе, и точно черезъ двѣ недѣли могъ уже довольно бодро прогуливаться, заглянуть разъ другой въ кубокъ, и выкурить трубки двѣ табаку. Во всей Сѣчи повѣщено было, что въ первый воскресный день Авениръ будетъ въ Соборѣ публично благодарить Бога за выздоровленіе, а послѣ торжественно на церковной площади говорить рѣчь къ воинамъ, наконецъ же, онъ пригласитъ всѣхъ куренныхъ Атамановъ и все войсковое начальство къ себѣ на обѣдъ, а для простыхъ казаковъ въ каждой курень пошлется по бочкѣ вина. Съ какимъ нетерпѣніемъ всѣ ожидали сего радостнаго дня! и онъ наконецъ насталъ.

Излишнимъ считаю описывать, съ ка-

кимъ торжествомъ Авениръ, сидя на сильномъ Турецкомъ конѣ, окруженный всѣми наличными чиновниками въ Сѣчи, прибылъ ко храму. По окончаніи благодарственнаго молебствія, звонъ колоколовъ и громъ изъ мущировъ * поколебали воздухъ и стѣны храма. По выходѣ на крыльцо, Авениръ далъ знакъ рукою, и все мгновенно умолкло. Онъ поклонился на три стороны и произнесъ: «Дѣти мои, казаки Запорожскіе! двадцать лѣтъ я живу между вами, и десять лѣтъ атаманствую. Я всегда былъ доволенъ вами; были ль вы всегда довольны мною?» — Ура! загремѣло со всѣхъ сторонъ, и тысячи шапокъ поднялись на воздухъ. — Авениръ продолжалъ: «Благодарю Бога и васъ за то несравненное удовольствіе, какое вы мнѣ теперь доставляете. Вы сами конечно чувствуете, что послѣ сего для меня было бы смертельнымъ ударомъ, лишиться хотя отчасти вашей благосклонности.

* Такъ называются небольшія чугунныя мортиры.

Но ахъ! это неотмѣнно должно послѣдовать. Вы видите, волосы мои бѣлѣть начинаютъ. Признаюсь откровенно, что взоры мои темнѣютъ; рука моя слаба уже наносить врагу такіе удары, такіе прежде наносила. И такъ, дѣти мои, чтобы мнѣ и въ гробъ взять съ собою воспоминаніе любви вашей и признательности, я теперь — въ виду всеблагаго Бога, въ виду священнослужителей алтарей Его, въ виду всего войска Запорожскаго — слагаю съ себя торжественно званія не только Атамана, но и простаго воина.»

Онъ умолкъ. Глубокое молчаніе господствовало повсюду. Какое-то унылое негодованіе распростерлось на лицахъ каждаго. Всѣ взглядывали другъ на друга, и съ робостью потупляли взоры въ землю. — Авенпръ продолжалъ:

«Храбрые Запорожцы! въ этихъ трехъ молодыхъ воинахъ вы видите трехъ родныхъ сыновей моихъ. Въ Московскомъ Царствѣ есть у меня помѣстье, достаточное прокормить меня съ семействомъ. Вся цѣль остальной жизни моей заклю-

чается въ томъ, чтобы сыновей своихъ видѣть при Дворѣ Царя благовѣрнаго. За всѣ труды, понесенные мною въ войскѣ чрезъ двадцать лѣтъ служенія, я прошу отъ васъ, дѣти мои, согласія на удаленіе мое отсюда съ дѣтьми моими, съ Віаномъ и тѣмъ имуществомъ, которое получилъ я отъ васъ же при раздѣлѣ добычь воинскихъ. Благодарность моя за вашъ подарокъ пойдетъ со мною за предѣлы гроба!»

Долго длилось глубокое, мрачное молчаніе. Наконецъ первенствующій священнослужитель, возвыся голосъ, произнесъ: «Я осмѣливаюсь думать, что съ нашей стороны была бы величайшая несправедливость воспрепятствовать знаменитому Авениру въ исполненіи его желанія. Не имѣлъ ли онъ тысячи способовъ успѣть въ этомъ, не говоря ни кому ни слова? И такъ, совѣтуя вамъ произнести свое согласіе, я умоляю всеблагаго Бога — благословить оное!»

Согласны! согласны! раздалось отовсюду; опять колокола зазвучали, мущины

загремѣли, и Авенпръ, сопровождаемый многочисленною свитою, отправился въ домъ свой.

Великое пиршество продолжалось до самой ночи, и всѣ разошлись по своимъ мѣстамъ довольны праздникомъ.

Слѣдующій день прошелъ въ приготовленіяхъ къ дорогѣ, и когда настало утро третьяго дня, Авенпръ, его сыновья и Віаноръ пустились въ путь. За ними нанятые чумаки вели двѣнадцать коней, навьюченныхъ пожитками. Безчисленное множество народа провожало ихъ далеко за городъ, а всѣхъ далѣе рыдающіе Бернардъ и Тереза, и ихъ дѣти.

КОНЕЦЪ ОСЬМОЙ ЧАСТИ.

ОГЛАВЛЕНІЕ

ОСЬМОЙ ЧАСТИ.

ПОВѢСТИ:

Стран.

Богатый бѣднякъ. 1

Запорожецъ. 73

(2)

BINDING SECT.
NOV 1 0 1973

PLEASE DO NOT REMOVE
CARDS OR SLIPS FROM THIS POCKET

UNIVERSITY OF TORONTO LIBRARY

PG
3337
N3
1836
ch.8

Narezhnyi, Vasilii Trofimovich
Romany i poviesti